

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Серия основана в 2010 году

Главный редактор
д-р филол. наук, проф. *Г.Я. Солганик*

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, проф. *Е.Л. Вартанова*;
д-р филол. наук, проф., член-кор. РАН *Ю.Л. Воротников*;
д-р филол. наук, проф. *Л.К. Граудина*;
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков*;
д-р филол. наук, проф. *Я.Н. Засурский*;
д-р филол. наук, проф., член-кор. РАН *Ю.Н. Караулов*;
д-р филол. наук, проф., академик РАО *В.Г. Костомаров*;
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин*;
д-р филол. наук, проф. *Н.А. Купина*;
д-р филол. наук, д-р пед. наук, проф. *Ю.Е. Прохоров*

Н.Н. Кохтев

ОСНОВЫ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

Учебное пособие

2-е издание, стереотипное

*Рекомендовано УМО
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся по направлению
030600 «Журналистика» и специальности
030601 «Журналистика»*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2013

УДК 82.085(075.8)
ББК 83.7я73
К75

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
федеральной целевой программы «Культура России»*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Ю. А. Бельчиков*,
доктор филологических наук *Г. Я. Солганик*

Кохтев Н.Н.

К75 Основы ораторской речи [Электронный ресурс]: учеб.
пособие / Н.Н. Кохтев. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА,
2013. – 328 с. – (Стилистическое наследие).

ISBN 978-5-8765-1180-4

В книге рассказывается об ораторской речи как искусстве слова, о ее языковой форме и композиции, об общении оратора с аудиторией, его воздействии на слушателей.

Книга будет полезна всем, кто интересуется ораторским искусством.

УДК 82.085(075.8)
ББК 83.7я73

ISBN 978-5-8765-1180-4

© Издательство «ФЛИНТА», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ораторское, устное слово люди ценили во все времена. Оно – важное и активное средство воспитания и обучения, распространения философских, эстетических учений, политических, экономических и других знаний, постижения культурных ценностей и новых идей. Истинное ораторское слово пробуждает лучшие гражданские чувства, служит целям прогресса.

Оратор общается с людьми непосредственно. И это позволяет ему быстро реагировать на актуальные жизненные вопросы, активно распространять, пропагандировать передовые мысли, стремительно откликаться на события, учитывать многочисленные интересы слушателей, комментировать известные факты, разъяснять политику государства. Оратор обращается к совести людей, их памяти, их национальным, патриотическим, интернациональным чувствам. Он поднимает в человеке духовность, благородное движение разума, ставит на первый план общечеловеческие заботы, интересы, идеи. Благородные цели познания, проповедь гуманизма и милосердия, «открытие» правды возвышают речь, влияют на духовный мир слушателей. Подлинный оратор, вкладывая в речь всю глубину своего интеллекта и страсть своей души, действует на умы и сердца людей.

Демократия предполагает открытость, гласность, широкие ответственные дискуссии, публичные выступления, которые играют огромную роль в возможности высказывания самых разных точек зрения, в оздоровлении общественной атмосферы, в умножении духовного богатства жизни, в объединении всех прогрессивных сил общества. Одна из главных особенностей демократии – возможность убеждать правдивым, свободным словом. Это требует от выступающего в разнообразных аудиториях, порой весьма сложных, высокого мастерства, основанного на хорошем знании материала и активном владении действенной речью – оружием оратора. Это требует колоссальной ответственности за сказанное слово. И предельной взыскательности к своей речи.

Русские ораторы вписали яркие страницы в историю мирового красноречия. Блестящие речи политических деятелей и деятелей культуры прошлого и настоящего, многочисленные выдающиеся работы по теории красноречия – наше наследие, наше национальное богатство, достижение нашей цивилизации. Мы должны изучать это богатство и активно овладевать им. Д.С. Лихачев справедливо заметил, что ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего, нашими боевыми соратниками. В произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле этого слова культура не знает старения, мы открываем новое в старом. Лучшие произведения ораторского искусства продолжают участвовать в жизни человека, их продолжают читать, они воздействуют на нас.

Речь оратора передает его личность, его индивидуальность, его духовность, его связь с политической и культурной жизнью народа. Всесторонний анализ речей ярких ораторов показывает нам глубину и оригинальность их идей, многообразие жанров и тематики, которая отражает круг их интересов, логику развития их мысли, языковые и композиционные особенности их выступлений.

Сейчас многие выступают с речами и докладами, читают лекции, проводят беседы. Речевая активность людей значительно возросла. И это радует. Но для повышения мастерства, конечно, необходимо изучать теорию ораторского искусства, глубоко анализировать речи выдающихся ораторов, применять теоретические знания на практике.

Еще Платон, древнегреческий философ, подчеркивал, что риторика, как и всякое подлинное искусство, есть творческая деятельность. Эта творческая деятельность, однако, требует тщательной подготовки. Хорошему оратору необходимо много работать над самоусовершенствованием и своими речами. По мнению Платона, он должен проходить особую школу ораторского искусства, которая научила бы его правильно, соразмерно и эффективно сочинять речи. А Цицерон, великий римский оратор, важнейшими условиями для формирования настоящего оратора считал не только природное дарование, но и, что самое

главное, изучение ораторского искусства (теория) и упражнения (практика). Поскольку теория красноречия – важное философско-психологическое учение, утверждал Цицерон, она требует к себе серьезного отношения.

Оратор пользуется оптимальной формой подготовленной речи, которая эффективно воздействует на аудиторию в соответствии с поставленной им задачей. А задача, естественно, – убедить слушателей, обращаясь к их разуму и эмоциям, и добиться нужной их реакции. Поэтому предполагается изучение ораторской речи на трех уровнях: на уровне замысла и содержания, то есть определения темы, цели речи, отбора фактического материала; на уровне стиля, то есть использования языковых средств в системе; на уровне композиции, то есть расположения и порядка следования смысловых частей выступления. И все эти уровни связаны с психологией воздействия на аудиторию, с процессом общения с нею. Об этом и пойдет речь в книге.

Глава первая

ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ КАК ИСКУССТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

1. АНТИЧНАЯ РИТОРИКА И ЕЕ ТЕОРИИ

Античные теории красноречия входят в золотой фонд риторической науки. И, естественно, для понимания сущности красноречия необходимо прежде всего познакомиться со взглядами древних риторов.

В древней риторической науке можно назвать имена исследователей, которые занимали ведущее место в разработке теории красноречия. Это Платон, Аристотель, Цицерон, Квинтилиан и некоторые другие. Именно их теоретические изыскания составляют ту платформу, на которой основывались дальнейшие исследования.

В истории европейской цивилизации родиной красноречия считается Древняя Греция. Именно в античной Греции появляются систематические работы по его теории. В государстве рабовладельческой демократии создалась особая атмосфера для расцвета красноречия. Оно становится существенным элементом общественной жизни и орудием политической борьбы. Постепенно складывалось практическое направление – составление речей для нужд граждан, появляются суждения практиков о языке и стиле выступлений, которые послужили затем Платону, Аристотелю и другим теоретикам ораторского искусства основой для его дальнейшего развития.

Большую роль отводили слову софисты, которые были платными учителями философии и ораторского искусства. Они принадлежали к сложившейся в Афинах во второй половине V в. до н.э. школе философов-просветителей, создавших невиданный культ слова и риторики. Софисты мастерски владели всеми формами ораторской речи, законами логики, искусством спора, умением воздействовать на аудиторию. Слово, речь (ло-

гос) становится объектом изучения, а риторика – «царицей всех искусств», обучение которой стало высшей степенью античного образования.

Софисты постоянно подчеркивали силу слова. Так, древнегреческий ритор Горгий в «Похвале Елене» пишет: «Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх нагнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить» (см. Лосев, 1969, 29). Такова, по мнению Горгия, сила слова. Но над словом следует постоянно работать, чтобы оно приобрело власть над людьми. Поэтому красноречие требует огромного труда. Протагор прекрасно это разъясняет: «Труд, работа, обучение, воспитание и мудрость образуют венец славы, который сплетается из цветов красноречия и возлагается на голову тем, которые его любят. Труден, правда, язык, но его цветы богаты и всегда новы, и рукоплещут зрители и учителя радуются, когда ученики делают успехи, а глупцы сердятся, – или, может быть, (иногда) они и не сердятся, так как они недостаточно проникательны» (см. Лосев, 1969, 30).

Платон в диалоге «Федр» перечисляет блестящих ораторов, которых называет «Дедалами речей». Здесь Горгий и Тиссий с их небывалой виртуозностью аргументации, Гиппий с Продиком, умевшие соблюдать меру в речах. Пол с его «музыкой речей», Эвен Паросский с его похвалами в форме порицаний, особенно же Фрасимах Холкедонский, который был известен своими жалобными речами о старости и бедности. Имеется упоминание о небывалом своеобразии речей Крития, хотя говорили, что он «невежда среди философов и философ среди невежд», Протагор же славился своим талантом как произносить обширные речи, так и выражаться кратко (см. Платон, т. 1, 1970, 159–223).

Такая высокая культура речи в широком понимании этого термина не могла возникнуть сама по себе. Естественно, она стимулировалась теоретическими разысканиями в области ораторского искусства. Ведь софисты уделяли большое внимание не только практике, но и теории красноречия. Протагор считал-

ся изобретателем «общих мест»; Горгий стал использовать три самые яркие риторические фигуры: параллелизм (исоколон), антитезу и созвучие окончаний; Фрасимах (современник Горгия) первым, как считают, стал разрабатывать вопросы ораторского ритма; Пол и Ликимий, ученики Горгия, занимались вопросами ораторской лексики (см. Цицерон, 1972, 10). В учении софистов большое внимание уделялось семантике, синонимии (Продик), качествам речи.

Основателем риторического искусства считается Протагор. А.Ф. Лосев пишет, что у Диогена мы находим сообщение о разделении у Протагора всякой речи на четыре части: просьбу, вопрос, ответ и приказание. Другие софисты, которых Диоген не называет, вводили разделение речи на семь частей: повествование, вопрос, ответ, приказание, выражение желания, просьбу и призыв. Среди сочинений Протагора называют: «Искусство спорить», «О борьбе», «О науках», «Повелительное слово», «Прения». Как видим, разрабатываются отдельные аспекты речи.

Но самым главным представителем софистической риторики считают Горгия. А.Ф. Лосев ссылается на Филострата, который отметил, что Горгий сделал очень много: «Он первый ввел в тот вид образования, который готовит ораторов, [специальное обучение] способности и искусству говорить и первый стал употреблять тропы, метафоры, аллегории, превратное соединение слов, применение слов в несобственном смысле, инверсии, вторичные удвоения, повторения...» (Лосев, 1969, 34–35).

Классика занимает в античной эстетике Греции период с VI по IV в. до н.э. Софисты, будучи представителями нового течения эстетической мысли, выраставшего из глубин социально-исторических судеб Греции второй половины V в. до н.э., отмечает А.Ф. Лосев, преодолели старый космологический период античной философско-эстетической мысли, являясь представителями средней (зрелой) классики. Именно в это время мелкий, свободный собственник становится на путь экспансии, идет к разрыву с полисным коллективом, начинает вести завоевательную политику. В сфере афинской рабовладельческой демократии также происходит развитие рабовладельческих appetitov.

Греческая же аристократия тяготеет к прежним родовым обычаям и авторитетам. Таким образом, растущий индивидуализм и субъективизм требовали не космологического направления, как было раньше, при гармонии рабовладельческого строя, когда эта гармония на Земле отождествлялась с гармонией в космосе. Сейчас космологическая теория отходит на второй план. Уже требуют постановки на первый план проблем человека, проникновения в его субъективные начала, в его психологию, в его переживания. Представителями этого направления и были софисты, их взгляды возникли на почве разложения космологии (Лосев, 1969, 5–10).

Успехи в красноречии, по мнению софистов, связаны с огромной работой над техникой речи, над культурой речи, наконец, речь – это нечто индивидуальное, имеющее своеобразные признаки, связанные с учебой, талантом, душевными свойствами. Качества речи и строгая композиция ассоциировались с гармонией человека, а семантика, значение слова – с субъективными, индивидуальными началами, духовным миром. Б. Чернышев, говоря о характере риторики софистов, которая основывалась на волевых и эмоциональных моментах, пишет: «Сознательное прокламирование формального идеала образования, преклонение перед риторической культурой и составляет момент, который рядом с внешней общностью профессиональной практики и в связи с ней смыкает софистов в некое единство.

Действительно, хотя логическая аргументация и входит в состав средств убеждения, однако нередко и блестящий парадокс, неожиданный эристический прием (эристика – искусство вести спор, полемику. – *Н.К.*), богатая инструментовка речи может более эффективно впечатлить аудиторию. Если бы мы хотели вкратце выразить задачу оратора, мы сказали бы: он должен загипнотизировать слушателей» (Чернышев, 1929, 162). Таким образом, те основные взгляды на красноречие, которые сформировались у софистов, отражали их философские воззрения на человеческую сущность. Это создавало предпосылки для теорий Платона и Аристотеля.

Теоретические разработки Платона (ок. 427 – ок. 347 гг. до н.э.) были, несомненно, шагом вперед. Можно уже говорить

о более системной теории ораторского искусства, которая оказала огромное влияние на ораторов-практиков и теоретиков того времени, что выразилось как в практическом преломлении его теории, так и в дальнейшем ее развитии. Большое влияние теория Платона оказала и на Цицерона, который неоднократно в своих теоретических исследованиях ссылается на него. Как замечает А.Ф. Лосев в предисловии к сочинениям этого философа, «имя Платона является не просто известным, значительным или великим. Тонкими и крепкими нитями философия Платона пронизывает не только мировую философию, но и мировую культуру. В европейской истории после Платона еще не было ни одного столетия, когда не спорили бы о Платоне, то непомерно его восхваляя, то всячески его принижая в каком-либо отношении-историко-религиозном, историко-литературном, историческом или социологическом» (Платон, т. 1, 1968, 5).

Особенности философских взглядов Платона отразились и в его теории красноречия. Он различает вещь и идею вещи, тело и душу. Душа, идея, знание, вообще все человеческое поведение интерпретируются в его философских работах, в частности в диалоге «Федр» (в нем он также излагает теорию красноречия), в виде идеального прообраза на небе (Платон, т. 2, 1970, 159–223). Идеи (высшая среди них – идея блага) – вечные и неизменные умопостигаемые прообразы вещей, всего преходящего и изменчивого бытия. Вещи – это лишь подобие и отражение идей. Душа же заключена в темницу нашего тела, после смерти которого она переходит в космос. Вместе с тем он говорит здесь о диалектике, которая определяется не только как искусство собеседования, то есть искусство задавать вопросы и отвечать на них, но и как умение возводить все единичное и частное к общей идее и, наоборот, низводить ее планомерно к единичному до получения неделимых и единичных элементов. При этом общая идея, составленная из частных, мыслится как цельность, то есть новое качество, которое только что возникло и не содержалось в его отдельных элементах. Учение Платона об идеях является предпосылкой его эстетики.

К красноречию Платон подходит сквозь призму своих философских воззрений: «Всякая речь должна быть составлена,

словно живое существо, – у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг к другу и соответствовать целому» (Платон, т. 2, 1970, 203). Значит, требуется прежде всего ясное разделение речи на части так, чтобы четко было видно, где общий принцип, где частности, как этот общий принцип, или принцип общей идеи, определяет все частное, чтобы можно рациональным путем переходить от общего к частному и от частного к общему.

Как считает Платон (диалог «Федр»), оратор должен не гоняться за чужими мнениями, а сам постигать и постичь истину того, о чем он собирается говорить; правильная, истинная, точная речь должна исходить из подлинного определения своего объекта, предмета речи: «Тот, кто намерен заняться ораторским искусством, должен прежде всего определить свой путь в нем и уловить, в чем признак каждой его разновидности» (Платон, т. 2, 1970, 202).

По мнению Платона, искусство оратора во многом зависит от способности, умения, охватывая все общим взглядом, возводить к единой общей идее разрозненные объекты речи и разделять все на виды, на естественные составные части, а также умение возводить частное к общему и из общего получать частное.

В диалоге «Федр» Платон предлагает композицию речи: вступление, изложение и свидетельства, доказательства, правдоподобные выводы. Некоторые практики, по словам Платона, выделяют еще подтверждение и добавочное подтверждение, может быть опровержение и добавочное опровержение (Феодор), а также побочное объяснение и косвенная похвала (первый предложил Эвен).

Он считает, что преподаватель ораторского искусства должен хорошо знать природу каждой вещи и ее идеи, а через это знание стремиться к познанию души, знать ее виды и то, какая речь и как воздействует на душу. Он должен соотнести виды речей и виды души и их состояний, установить соответствие каждого вида речи каждому виду души. Знать, какую душу какими речами и по какой причине непременно удастся убедить, а какую – нет (Платон, т. 2, 1970, 212).

Выдвигая на первый план эмоциональную убедительность речи (воздействие на душу), Платон не считает важными логические доказательства, которые отходили у него на второй план. Поэтому он убежден, что в судах «решительно никому нет никакого дела до истины, необходима только убедительность» (Платон, т. 2, 1970, 214). Оратор должен, по мнению Платона, распрощаться с истиной, но построить свою речь так, чтобы она казалась для слушателей правдоподобной.

А.Ф. Лосев подчеркивает: «Теорию ораторского искусства (Платона. – *Н.К.*) мы должны воспринимать на фоне всей платоновской эстетики, взятой в целом. А платоновская эстетика, взятая в целом, учит о совпадении идеи и материи в одну нераздельную и неразличимую цельность. Для этого достаточно материалов находится уже и в самом «Федре». Следовательно, то совпадение общего и единичного, о котором мы читаем в «Федре», нужно понимать отнюдь не отвлеченно, но именно платонически, а тогда и тот художественный анализ ораторской речи, который формально отсутствует в риторической части диалога, восполняется сам собой и даже играет первую роль. Поэтому учение об идеях и в концепции ораторского искусства у Платона остается, собственно говоря, на первом плане, несмотря на выдвигание здесь морально-политических, педагогических и логических целей на первое место» (Лосев, 1974, 121–122).

Некоторые вопросы красноречия, его сущности, его цели рассматриваются у Платона и в диалоге «Горгий» (Платон, т. 1, 1968, 255–365). В беседе, возникшей между Сократом и Горгием и их учениками, дается ряд определений риторики как процесса от широкого до узкого. Горгий – главное действующее лицо диалога, выражающее идеи Платона, считает, что красноречие составляет величайшее благо и дает людям как свободу, так равно и власть над другими людьми. Он говорит, что риторика – это «способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании, да и во всяком ином собрании граждан. Владея такой силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики, а что до нашего дельца, окажется, что он не для себя наживает деньги, а

для другого – для тебя, владеющего словом и умением убеждать толпу» (Платон, т. 1, 1968, 265). Платон выразился в свойственной ему «размышляющей» манере, однако вполне ясно, чтобы понять конструктивность мысли. Красноречие должно прежде всего воздействовать, убеждать. Эта мысль связана с его взглядами на познание, которое, по мнению Платона, есть анамнезис (воспоминание) души об идеях. Ведь душа до соединения ее с телом созерцала в космосе некоторые (определенные) идеи. Поэтому о чувственных вещах и явлениях возможно не знание, а только весьма и весьма вероятное «мнение». Отсюда красноречие прежде всего связано с убеждением, влиянием на душу, на мнение. И основной принцип красноречия как искусства убеждения, по Платону, состоит в том, чтобы внушить, что справедливо и несправедливо, хорошо и дурно. В диалоге, однако, выделяются два вида убеждения: один вид связан с сообщением веры без знания, другой – дающий знание. Горгий и Сократ приходят в диалоге к выводу, что красноречие должно пользоваться первым типом убеждения, то есть внушать веру, не давая знаний, не пользуясь объективными доказательствами. Слушатели должны принимать на веру то, что выскажет им в эмоциональной речи оратор. «Значит, оратор в судах и других собраниях не поучает, что справедливо, а что нет, но лишь внушает веру, и только» (Платон, т. 1, 1968, 268). Красноречие – инструмент весьма тонкий, и пользоваться им, по мнению Платона, следует осторожно, по справедливости, не злоупотребляя его огромными возможностями. «Красноречие – это мастер убеждения, внушающего веру в справедливое и несправедливое, а не поучающего, что справедливо, что нет» (Платон, т. 1, 1968, 268). Таким образом, не доказательства служат основой красноречия, а эмоциональное воздействие, эмоциональное убеждение, эмоциональное внушение. И в этом недостаток теории Платона. Стремление к эмоциональному внушению приводило к свободной интерпретации факта как такового и к его эмоциональной оценке, которая всецело зависела от восприятия этого факта оратором и аудиторией.

В связи с эмоциональным воздействием красноречие сравнивается с другими искусствами: музыкой, поэзией, театром.

Отсюда в конце диалога делаются выводы, что риторика, очевидно, не может быть просто сноровкой и угодничеством для достижения удовольствий, а должна быть сознательно проводимым искусством насаждения благих чувств. Риторика должна создавать в душе «строй и порядок», приводя ее из состояния раздробленности в состояние цельности, на котором основывается ее совершенство. И здесь, как видим, повторяется космическая идея перехода от частного к общему, от отдельного к целому. Красноречие должно иметь благие намерения (вспомним: высшая идея – идея блага), оно изгоняет из души стремление к дурным удовольствиям и несправедливости, очищает душу, совершенствует ее.

Риторика, как и всякое подлинное искусство, по мысли Платона, есть творческая деятельность, она приводит эмоции, страсти в системное, упорядоченное состояние, воплощая тем самым высшую справедливость. Эта творческая деятельность, однако, требует тщательной подготовки оратора. И здесь Платон поддерживает идею софистов, которые тоже считали, что хороший оратор должен много работать над самоусовершенствованием и речами. Философ неоднократно говорит о необходимости для всякого оратора проходить особую школу ораторского искусства, которая научила бы его правильно, соразмерно и эффективно сочинять речи. Рассуждения Платона свидетельствуют о том, что он придавал огромное значение именно технической стороне речи, понимая совершенную технику речи в тесной связи с учетом психологии слушателей, считая науку о красноречии важным философско-психологическим учением.

Подводя итог анализу риторических взглядов Платона, можно согласиться с А.Ф. Лосевым, который писал: «/.../ Ясно вытекает вывод об огромном интересе Платона к ораторскому искусству, об его постоянной склонности строить теорию этого искусства, хотя теория эта у него весьма несистематична» (Лосев, 1974, 112).

Большим культурным и научным событием было появление «Риторики» Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), который значительно развил учение Платона об ораторском искусстве.

Аристотель критиковал платоновскую теорию бестелесных форм («идей»), но полностью преодолеть платоновский идеализм не смог. Риторике Аристотель ставит в общую систему своего учения, выделяя в нем теоретическую часть – учение о бытии, практическую часть – учение о человеческой деятельности и поэтическую часть – учение о творчестве. По Аристотелю, существует материя, или пассивная возможность становления; форма (сущность, суть бытия); начало движения; цель. Происходит постоянный переход от «материи» к «форме» и обратно, что связано с активностью формы. Существует нечто общее, постигаемое через чувственно воспринимаемое единичное. Условие познания общего – индуктивное обобщение, которое невозможно без чувственного восприятия. Отсюда последний этап в проверке мнения – опыт, который связан с умозаключениями, с наличием фактов и их анализом. Таким образом, для постижения истины необходимо соединять индукцию и дедукцию на основе фактического анализа.

Композиция «Риторики» Аристотеля весьма четкая. В первой книге рассказывается о месте риторики среди других наук и выделяются роды речей; вторая книга посвящена страстям, нравам и общим способам доказательства; третья книга, наиболее интересная для нас, – проблемам стиля и построения речи.

Аристотель считал, что риторика – искусство, соответствующее диалектике, ибо обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может считаться достоянием всех. Это и сближает оба искусства. Он определяет риторику как искусство убеждения, которое использует возможное и вероятное в тех случаях, когда реальная достоверность оказывается недостаточной. «Итак, очевидно, что риторика не касается какого-нибудь отдельного класса предметов, но, как и диалектика, [имеет отношение ко всем областям], а также что она полезна и что дело ее – не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения» (Античные риторики, 1978, 18). И еще одно определение: «Итак, определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Античные риторики, 1978, 19). Риторика занимает

ся выделением способов убеждения, теоретическим осмыслением этих способов. Как отмечает Аристотель, действие убеждающей речи зависит от трех моментов: нравственного характера говорящего, качества самой речи, настроения слушателей. Уже в учении Аристотеля говорится о триаде: (отправителе речи – речи – получателе речи), которая находит свое развитие в современных исследованиях.

Основываясь на своей философской концепции, Аристотель в риторике много места отводит индукции и дедукции, силлогизму и энтимеме (умозаключение, в котором не выражена одна посылка). Однако его риторика не ограничивается строгим достоверным знанием, а использует нелогические, иррациональные моменты, что отражает многообразие жизненных ситуаций. Таким образом, риторика неразрывно связана с силлогистикой, которую следует понимать широко, то есть выводы делаются не только относительно полной достоверности, но и относительно кажущегося возможным и вероятного бытия, что вытекало из самой философской концепции Аристотеля.

Аристотель выделяет три рода речей, которые возникли в результате развития социально-политической жизни Греции: совещательные, судебные и эпидейктические. Цель речей совещательных – «склонять или отклонять», судебных – обвинять или оправдывать, эпидейктических – хвалить или порицать. Темы речей совещательных – финансы, война и мир, охрана страны, продовольствие страны, законодательство и т.п. Конечная цель совещательной речи – благо: «Итак, ясно, что мы должны иметь в виду, как желательное в будущем или как уже существующее в настоящем, когда уговариваем кого-нибудь, и что, напротив, когда отговариваем кого-нибудь, потому что второе противоположно первому. Так как цель, которую преследует совещательный оратор, есть польза, потому что совещаются не о конечной цели, но о средствах, ведущих к цели, а такими средствами бывает то, что полезно при данном положении дел, полезное же есть благо...» (Античные риторика, 1978, 33). Философ подробно рассматривает категорию блага во всех его проявлениях (добродетель, удовольствие, счастье, красота и здоровье,

богатство и дружба, честь и слава, умение хорошо говорить и действовать, природные дарования, науки, знания и искусства, жизнь, справедливость). Именно благо следует учитывать в речи, это та категория, «откуда нужно черпать способы убеждения, когда приходится склонять или отклонять кого-нибудь» (Античные риторика, 1978, 41). Судебные речи связаны с анализом мотивов человеческой деятельности и поступков человека, с анализом его психических особенностей. Эпидейктические речи связаны с понятием прекрасного и постыдного, с добродетелью и пороком.

Аристотель считает, что оратор должен привести слушателей в такое состояние, которое позволит ему легко убедить аудиторию. Он подробно останавливается на роли в речи гнева, пренебрежения, милости, вражды и ненависти, страха и смелости, стыда, благодеяния (услуги), сострадания, негодования, зависти. Он говорит также о воздействии речи на людей различных возрастных и социальных групп. Как видим, философ намечает разработку проблем психологии воздействия на различные группы слушателей.

Аристотель определяет риторику как искусство убеждения, которое использует все возможное, когда реальная достоверность оказывается недостаточной, поскольку достоверное знание не всегда возможно. В связи с этим риторика рекомендует пользоваться неожиданными суждениями и мыслями, которые возбуждают слушателей, эмоционально убеждают их, воздействуют на них. Таким образом, риторика, по Аристотелю, – это учение об искусстве убеждать не только (и даже не столько) на основе логических доказательств, но, главным образом, на основе внелогических доказательств, то есть на основе эмоционального воздействия, включения различных эмоциональных факторов, действующих на психику слушателей. Несомненно, в его учении прослеживается психологическое направление разработки риторики.

В третьей книге «Риторика» рассматривается проблема стиля. Эта проблема – основная в риторической эстетике философа. Он выделяет три вопроса, которые должны быть обсужде-

ны при исследовании ораторской речи: во-первых, откуда возникают способы убеждения, во-вторых, сущность стиля, в-третьих, как следует строить части ораторской речи. «Так как все дело риторики направлено к возбуждению того или другого мнения, то следует заботиться о стиле не как о чем-то заключающем в себе истину, а как о чем-то необходимом, ибо всего справедливее стремиться только к тому, чтобы речь не причиняла ни печали, ни радости: справедливо сражаться оружием фактов так, чтобы все, находящееся вне области доказательства, становилось излишним» (Античные риторика, 1978, 128). Ясно, что учение Аристотеля о стиле есть учение о способах выражения мысли, о составлении речи по поводу событий, предметов. Он понимает стиль как структуру, которая полностью зависит от говорящего, и сила речи, по мнению Аристотеля, заключается более в стиле, чем в мыслях.

Интересно наблюдение Аристотеля о специфике стиля письменного и устного: «/.../ Для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же [стиль] в речи письменной и в речи полемической, в речи, произносимой перед народным собранием, и в речи судебной /.../ Стиль речи письменной – самый точный, а речи полемической – самый актерский» (Античные риторика, 1978, 149). В этой же части Аристотель отмечает и достоинства стиля. Основное достоинство стиля заключается в его ясности, так как только ясная речь достигает своей цели. «[Стиль не должен быть] ни слишком низок, ни слишком высок, но должен подходить [к предмету речи]» (Античные риторика, 1978, 129). Не менее важна также естественность речи, потому что только естественное способно убеждать. В этих рассуждениях полностью проявилась принадлежность Аристотеля к греческой классике: классический стиль предполагает ясное, простое, всем понятное, безыскусственное построение речи, в которой ничего не должно порочить оригинального. Пространность и сжатость изложения также должны быть в меру. Это тоже признак классического стиля.

Аристотель отмечал, что стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувства, если он соответствует

истинному положению вещей. Последнее бывает в том случае, когда о значительных вещах не говорится слегка и о пустяках не говорится торжественно и когда к простому имени (слову) не присоединяется украшение; в противном случае стиль кажется шутовским. Стиль речи должен зависеть от предмета изложения: о вещах похвальных следует говорить с восхищением; о вещах, возбуждающих сострадание, со смирением.

В «Риторике» Аристотель рассматривает структуру речи на уровне периода, выделяя простой и сложный периоды, и на уровне смысловой композиции, выделяя предисловие, изложение, способ убеждения, заключение.

Создавая свою теорию стиля, Аристотель имел в виду то, что мы теперь называем классическим стилем, то есть стиль ясный, точный, исключая холодность, в меру сжатый и в меру длительный, в меру патетический, общедоступно языковой, речь с четко выраженной композицией, учитывающая аудиторию (характер, возраст, национальность) и ситуацию произнесения (род речи).

Анализируя риторическое учение Аристотеля, А.Ф. Лосев пишет: «Итак, совершенно ясно, что учение Аристотеля о стиле вовсе не есть учение об объективных предметах или об объективной действительности (хотя действительность и ее предметы, по Аристотелю, тоже могут обладать своим стилем); но это есть учение о способе выражения предметов, о составлении речи по поводу этих предметов, об их словесных структурах. Взятая сама по себе, эта структура предмета вовсе не обладает свойствами самого предмета, она не радостна и не горестна, она не истинна и не ложна. Она просто относится к особой сфере, которую Аристотель трактует как сферу вполне нейтральную как с точки зрения действительности в обычном смысле слова, так и с точки зрения действительности абсолютного и истинного разума. Стиль есть просто выражение» (Лосев, 1975, 539). Учение Аристотеля оказало огромное влияние на последующее развитие теории красноречия.

Блистали речами в Древней Греции многие выдающиеся мастера устного слова. В жанре судебного красноречия высту-

пал Лисий. Пример тому – его знаменитая «Оправдательная речь по делу об убийстве Эратосфена», в которой он оправдывает ответчика по делу об убийстве прелюбодея, застигнутого на месте преступления. На общегреческих празднествах, на Олимпийских играх с торжественными речами выступал и Сократ. Судебными и политическими речами поражал слушателей Демосфен (до нас дошла 61 его речь). Так, обвинительная речь Демосфена и ответная его политического антипода Эсхина по делу о преступном посольстве были произнесены в афинском суде и привлекли к себе большое внимание. Демосфен обвинял Эсхина в предательстве во время заключения мира в Македонии и требовал для него сурового наказания. Эсхин выступил с ответной эмоциональной речью. И суд оправдал его. Такими же дискуссионными были речи Эсхина «Против Ктесифонта о венке» и Демосфена «За Ктесифонта о венке».

Временем Платона и Аристотеля в истории греческой культуры заканчивается период классики. Со второй половины IV в. до н.э. начинается новый период античной культуры, называемый эллинизмом (эллини – «грек»). Эллинистическая риторика анализировала большое количество стилистических явлений. Она изучала сочетания слов, разрабатывала учение о качествах речи, продолжала заниматься проблемами тропов, фигур, стилей. В некоторых трактатах, однако, на первых порах мы находим увлечение риторизмом, изысканностью выражений, сложными образами, «цветами красноречия». Эта манера речи стала называться «азианским стилем» по месту его возникновения и процветания в Малой Азии. Азианский стиль изучали Гермоген, Феодр Годарский (учитель Тиберия), анонимный автор, именованный Лонгином, который написал трактат «О возвышенном». Представители этого стиля проповедовали пафос, подъем, экзальтацию.

Однако не все теоретики и практики ораторского искусства были сторонниками азианского стиля; его противники стояли за классические образцы и строгость речи. Этот стиль, в противоположность азианскому, стал называться аттическим, а его представители – аттицистами. Они проповедовали утонченную

образность и интеллектуальность речи, которые вызывали у слушателей определенные ассоциации, тем самым воздействуя на них. Аттицисты были сторонниками чистоты речи, под которой подразумевалась ее нормативность, сводившаяся к правильному выбору слова и морфологической формы. Если оратор следовал этим требованиям, он мог считаться образцовым оратором, а его речи изучались как образцы. Уже к концу III в. до н.э. сторонники аттицизма (классицизма) победили, хотя борьба продолжалась в Риме и далее. В I в. до н.э. Цицерон написал два трактата: «Брут» и «Оратор», которые как бы синтезируют азианское и аттическое (классическое) направления.

Представителями аттического направления были, например, Аполлодор Пергамский, наставник римского императора Октавиана Августа, придерживавшийся строгих и точных правил риторики; Цицелий, о котором упоминает Дионисий Галикарнасский, – сам сторонник аттического направления, а также Деметрий.

Дионисий Галикарнасский (I в. до н.э.) провел большую часть своей жизни в Риме. Самое значительное его произведение – «О соединении слов», в котором он излагает свои эстетико-риторические позиции. Вот одно из его суждений: «Многие поэты и прозаики, как философы, так и ораторы, заботливо подбирают очень красивые и соответствующие содержанию выражения, но необдуманно и безвкусно соединяют их, и ничего хорошего от такого труда не получается; и наоборот, другие, взяв низменные, простые слова, но сложив их в приятные и искусные сочетания, облачают речь величайшей прелестью» (Античные риторики, 1978, 169). Автор эстетически интерпретирует соединение слов для выражения мысли. Это несколько иной подход по сравнению с предыдущими исследованиями подобного типа. В качестве примеров он приводит отрывки из Гомера и Геродота. С разрушением правильного соединения слов разрушается сила и красота речи, считает Дионисий. Эту мысль он убедительно иллюстрирует отрывками из Гомера, меняя стихотворный размер, тем самым разъединяя слова в строчке. Это был, вероятно, первый стилистический экспе-

римент, который сводился, выражаясь современно, к методу трансформации.

Дионисий с большой убежденностью утверждает также знаменитое учение о трех типах соединения слов, или, можно сказать, о трех стилях. Это учение – одно из основных в эллинистическо-римском эстетическом сознании. Он выделяет строгий стиль, изящный стиль и средний стиль, или три рода соединений слов: строгое соединение, цветистое соединение, общее соединение слов. В строгом стиле – не театральная, лощеная красота, а древняя и строгая. Понять этот стиль может человек, у которого развито чувство слова. Данный стиль формируется на основе «расчета» и «искусства». Для изящного стиля характерна «цветущая свежесть», «цветущая пестрота», «гладкость», «мягкость», «благозвучие». Средний стиль, собственно говоря, буквально «общедоступный», «родной» для каждого, «простой». Он предназначен для всех и для «общего блага». Эти идеи были усвоены в эпоху классицизма. Как видим, в теории Дионисия сочетания слов – основа создания ораторской речи, так как все дело не только и не столько в выборе слов, но и в определенном чередовании и сочетании словесных компонентов ораторской речи. Дионисий выделяет некий формальный момент, который тесно связан с содержанием: хорошая мысль, по мнению Дионисия, должна быть облечена в красивую форму. Таким образом, план содержания и план выражения едины, находятся в гармонии.

В «Письме к Помпею» Дионисий высказывает свою точку зрения на стиль выступлений некоторых ораторов. В частности, разбирая речи Платона, Дионисий считает, что, когда Платон употребляет простые, бесхитростные выражения, это звучит необыкновенно приятно; он использует общеизвестные слова, стремясь к ясности и пренебрегая всякими затейливыми украшениями. «Его язык сохраняет налет старины и незаметно распространяет вокруг себя что-то радостное, словно распутившийся, полный свежести цветок, от него исходит аромат, будто доносимый ветерком с благоуханного луга, и в его сладкозвучии нет пустозвонства, а в его изысканности – театральности» (Античные риторика, 1978, 225). Но когда Платон впадает в много-

словие и стремится выразиться красиво, его язык становится хуже, утрачивает свою силу и прелесть, эллинскую чистоту и кажется более тяжелым. Все это затемняет мысль, которая развивается слишком медленно. Поэтому особенно вредны речи, содержащие многочисленные эпитеты, неуместные метонимии, не соблюдающие аналогию метафоры, сплошные аллегории без чувства меры. Здесь проявились эстетические взгляды Дионисия на стиль публичного выступления. Развивая эти взгляды, он анализирует произведения Фукидида, Геродота, Ксенофонта, Филиста. И здесь его эстетическая позиция вполне ясна: он считает положительным в стиле сжатость, ясность, живость, силу, напряженность, соответствие содержанию. Как видим, в этих двух работах Дионисий дает систему стилей и описание стилистических особенностей публичной речи.

Деметрию (ок. I в. н.э.) приписывается сочинение «О стиле» (Античные риторика, 1978, 237–285). В этом труде Деметрий разрабатывает две проблемы: период, его структура и стили, их характеристики. Самое главное в этой работе – учение о стилях. Он выделяет четыре основных стиля: простой (или скудный), величественный (или торжественный), изящный (или гладкий), мощный (или сильный), а также их возможные сочетания, которые содержат характерные особенности ряда стилей. Так, изящный стиль, по мнению Деметрия, может соединяться с простым и возвышенным, мощный соединяется и с тем и с другим. Только возвышенный не вступает в соединение с простым (или скудным), так как оба они исключают друг друга. Деметрия интересует форма выражения в широком смысле – не как форма сама по себе, а вместе с содержанием. Выделяя четыре стиля, Деметрий продолжает позднеантичную традицию, которая не мыслится без четкой классификации форм. Он вводит четыре стиля вместо традиционных трех, выступая в своем трактате типичным эллинистическим автором, который стремится к классификации, детализации, анализируя риторическую технику.

Крупнейшим классиком античного красноречия и теоретиком ораторского искусства был древнеримский оратор и политик Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.). Три тракта-

та об ораторском искусстве отражают богатый опыт античной риторики и его собственный практический опыт крупнейшего римского оратора. Эти трактаты – «Об ораторе», «Брут, или О знаменитых ораторах», «Оратор» – памятники античной теории словесности, античного гуманизма, имевшие глубокое влияние на всю европейскую культуру (см. Цицерон, 1972). В теории познания Цицерон склоняется к скептицизму, считая, что нет критерия для отличения реальных представлений от нереальных. Он рассматривает вопросы о высшем благе, о добродетелях как единственном источнике счастья, стремится к совершенству. Такому стремлению соответствуют четыре добродетели: мудрость, справедливость, мужество, умеренность. Его философские воззрения легли в основу взглядов на ораторское искусство.

Каковы же взгляды Цицерона на ораторское искусство? Теория красноречия Цицерона занимает среднее положение между азианизмом и умеренным классическим аттицизмом. В трактате «Об ораторе» он выбирает свободную форму философского диалога, что позволило ему излагать материал проблемно, дискуссионно, приводя и взвешивая все доводы за и против. Цицерон сетует на то, что красноречие среди всех наук и искусств имеет меньше всего представителей. И это не случайно. По его мнению, настоящих хороших ораторов мало, потому что красноречие – нечто такое, что дается труднее, чем это кажется. Красноречие рождается из многих знаний и умений. «В самом деле, – пишет он, – ведь здесь необходимо усвоить себе самые разнообразные познания, без которых беглость в словах бессмысленна и смешна; необходимо придать красоту самой речи, и не только отбором, но и расположением слов; и все движения души, которыми природа наделила род человеческий, необходимо изучить до тонкости, потому что вся мощь и искусство красноречия в том и должны проявляться, чтобы или успокаивать, или возбуждать души слушателей. Ко всему этому должны присоединяться юмор и остроумие, образование, достойное свободного человека, быстрота и краткость как в отражении, так и в нападении, проникнутые тонким изяществом и благовоспитанностью. Кроме того, необходимо знать всю историю древности,

чтобы черпать из нее примеры; нельзя также упускать знакомства с законами и гражданскими правами. Нужно ли мне еще распространяться о самом исполнении, которое требует следить и за телодвижениями, и за жестикуляцией, и за выражением лица, и за звуками и оттенками голоса?.. Наконец, что сказать мне о сокровищнице всех познаний – памяти? Ведь само собою разумеется, что если наши мысли и слова, найденные и обдуманые, не будут поручены ей на хранение, то все достоинства оратора, как бы ни были они блестящи, пропадут даром» (Цицерон, 1972, 80). Цицерон считает, что основу ораторского искусства составляет прежде всего глубокое знание предмета; если же за речью не стоит глубокое содержание, усвоенное и познанное оратором, то словесное выражение – пустая и ребяческая болтовня. Красноречие – это искусство, но труднейшее из искусств.

Действующими лицами своего диалога, авторитетом которых Цицерон подкреплял свое мнение, были учителя его молодости, лучшие ораторы предшествующего поколения Лициний Кресе и Марк Антоний, а также их ученики Сульпиций и Котт и менее значительные лица.

Он поддерживает Платона и Аристотеля в том, что речь внутренняя, отвечающая чувствам и мыслям слушателей, составляет неотъемлемое достояние оратора. В этих суждениях сказалось психологическое направление исследования ораторской речи: «Кому, например, неизвестно, что высшая сила оратора в том, чтобы воспламенить сердца людей гневом, или ненавистью, или скорбью, а от этих порывов вновь обращаться к кротости и жалости? Но достичь этого красноречием может только тот, кто глубоко познал человеческую природу, человеческую душу и причины, заставляющие ее вспыхивать и успокаиваться» (Цицерон, 1972, 87).

Какие же условия для оратора важнейшие? Во-первых, природное дарование, живость ума и чувства, развитие и запоминание; во-вторых, изучение ораторского искусства (теория); в-третьих, упражнения (практика). Собственно, в данных утверждениях нет ничего нового, поскольку об этом писал еще

Аристотель. Тем не менее Цицерон старается синтезировать предшествующие теории, осмыслить их и на их основе разработать обобщенную теорию ораторского искусства.

В первой части работы «Об ораторе» Цицерон старается создать идеал образованного оратора, оратора-политика, который был бы одновременно и философом, и историком, и знал бы право. История, философия и право были в то время общеобразовательными предметами. «Если же речь идет о том, что по-настоящему превосходно, – пишет Цицерон, – то пальма первенства принадлежит тому, кто и учен, и красноречив. Если мы согласимся назвать его и оратором, и философом, то и спорить не о чем, если же эти два понятия разделить, то философы окажутся ниже ораторов, потому что совершенный оратор обладает всеми знаниями философов, а философ далеко не всегда располагает красноречием оратора; и очень жаль, что философы этим пренебрегают, ибо оно, думается, могло бы послужить завершением их образования» (Цицерон, 1972, 233). Так возникает образ идеального оратора, образованного и тем самым поднимающегося над обыденным сознанием, над толпой, способного вести ее за собой.

И в других трактатах Цицерон постоянно ставит вопрос о взаимоотношении риторики и других наук, в частности философии. Всякий раз он неуклонно приходит к принципу подчинения всех наук главной ораторской цели. В его риторических трактатах ясно прослеживается отношение к философии и праву как к части ораторского образования и воспитания. Один вопрос разделял философов и риториков: является ли риторика наукой? Философы утверждали, что риторика не есть наука, риторы утверждали обратное. Красс, действующее лицо диалога, предлагает компромиссное решение: риторика не есть истинная, то есть умозрительная наука, но она представляет собой практически полезную систематизацию ораторского опыта.

Цицерон отмечает, что все другие науки замкнуты каждая в себе самой, а красноречие, то есть искусство говорить толково, складно и красиво, не имеет никакой определенной области, границы, которой сковывали бы его. Человек, который берется

за ораторское искусство, должен уметь сказать решительно обо всем, что может встретиться в споре между людьми, иначе он не может посягать на звание оратора.

Цицерон по традиции, принятой в Греции, выделяет три рода речей: выступления на форуме, выступления в суде по гражданским делам и при разбирательствах, хвалебные речи. Однако Антоний, герой диалога, говоря о видах красноречия, указывает, что нецелесообразно к судебному и политическому красноречию приравнять малопрактическое хвалебное красноречие. Как видим, Цицерон в некоторых случаях ставит дискуссионные вопросы и не дает на них четкие ответы. Это мнение может выразить одно действующее лицо, другие же могут с ним соглашаться или не соглашаться.

Вот как, по Цицерону, происходит формирование оратора: «Итак, можно сказать: человеку даровитому, который заслуживает поддержки и помощи, мы передадим только то, чему научил нас опыт, дабы он под нашим руководством достиг всего, чего мы сами достигли без руководителя; а лучше этого обучить мы не в состоянии» (Цицерон, 1972, 147). Основное – дар слова, который необходимо развивать постоянно.

Цицерон анализирует построение судебной речи, которая должна доказать правоту того, что мы защищаем; расположить к себе тех, перед кем мы выступаем; направить их мысли в нужную для дела сторону. Он останавливается на типах доказательств и их применении.

Автор рассуждает о страстях, возбуждаемых речью. Раздел о возбуждении страстей изложен им подробно, ибо практически большая часть речей ораторов, и в частности его самого, строилась с учетом воздействия на психику слушателей, но теоретически идеи воздействия не были обобщены. Цицерон показывает превосходство психологического подхода к красноречию.

Он пишет о юморе и остроумии, которые плохо укладываются в риторическую схему. Классификация юмора, не всегда последовательная, иллюстрируется примерами из римской ораторской практики и попутными практическими комментариями Цицерона. Он, таким образом, пытается уложить теорию юмора

в рамки классической риторики, хотя сам убежден, что юмор – свойство природное и ему научить нельзя.

Обязанность оратора заключается в следующем: найти, что сказать; найденное расположить по порядку; придать ему словесную форму; утвердить все это в памяти; произнести. Как видим, Цицерон придерживается установившейся классической схемы, согласно канону которой дается пятичастное деление риторического процесса, то есть весь путь «от мысли к звучащему публичному слову». Кроме того, в задачу оратора входит расположить к себе слушателей; изложить сущность дела; установить спорный вопрос; подкрепить свое положение; опровергнуть мнение противника; в заключение придать блеск своим положениям и окончательно низвергнуть положения противника.

По мнению Цицерона, самое важное для оратора – это словесное выражение мысли и произнесение речи. Первое требование к речи оратора – чистота и ясность языка (выражение мысли). Чистота и ясность языка вырабатываются обучением и совершенствуются посредством чтения образцовых ораторов и поэтов. Для ее чистоты и ясности необходимо безупречно выбирать слова, правильно пользоваться морфологическими формами. Эти качества ораторской речи связаны и с правильным, нормативным произношением: оратору необходимо правильно управлять органами речи, дыханием и самими звуками речи. «Нехорошо, когда звуки выговариваются слишком подчеркнуто; нехорошо также, когда их затемняет излишняя небрежность, нехорошо, когда слово произносится слабым, умирающим голосом; нехорошо также, когда их произносят, пыхтя, как в одышке /.../, существуют, с одной стороны, такие недостатки, которые все стараются избегать, например, голос слабый, женственный или как бы немзыкальный, неблагозвучный и глухой. С другой стороны, есть такой недостаток, которого иные сознательно добиваются: так, некоторым нравится грубое мужицкое произношение, ибо им кажется, что оно вернее придает их речи оттенок старины» (Цицерон, 1972, 212–213). В понятие чистоты языка входила и его нормативность («Ясно, что для этого нужно говорить чистым латинским языком...»), то есть предполагается

нормативное произношение и нормативное использование морфологических форм и конструкций. Но этого мало. Цицерон замечает: «Ведь никто никогда не восхищался оратором только за то, что он правильно говорит по-латыни. Если он этого не умеет, его просто осмеивают и не то что за оратора, и за человека-то не считают» (Цицерон, 1972, 215). Далее Цицерон суммирует требования, которые предъявляют к речи оратора, считая, что если его речь удовлетворяет им, то он приближается к идеальному оратору, действующему в нужном направлении на аудиторию: «Кем восторгаются? Кого считают чуть ли не богом среди людей? Того, кто говорит стройно, развернуто, обстоятельно, блистая яркими словами и яркими образами, вводя даже в самую прозу некий стихотворный размер, – одним словом, красиво. А тот, кто так владеет речью, как требует важность предметов и лиц, тот немалой заслуживает похвалы за то, что можно назвать уместностью и соответствием с предметом» (Цицерон, 1972, 215).

Представляет принципиальный интерес философское рассуждение Цицерона о нравственности и красноречии: «Истинный оратор должен исследовать, переслушать, перечитать, обсудить, разобрать, испробовать все, что встречается человеку в жизни, так как в ней вращается оратор, и она служит ему материалом. Ибо красноречие есть одно из высших проявлений нравственной силы человека; и хотя все проявления нравственной силы однородны и равноценны, но одни виды ее превосходят другие по красоте и блеску. Таково и красноречие: опираясь на знание предмета, оно выражает словами наш ум и волю с такою силой, что напор его движет слушателей в любую сторону. Но чем значительнее эта сила, тем обязательнее должны мы соединять ее с честностью и высокой мудростью; а если бы мы дали обильные средства выражения людям, лишенным этих достоинств, то не ораторами бы их сделали, а безумцам бы дали оружие» (Цицерон, 1972, 215). Здесь Цицерон, пожалуй, впервые ставит так широко вопрос об образе оратора. Слово, искусство красноречия связано с личностью говорящего, через них выражается ум, эрудиция оратора, его знания, опыт, а так-

же воля, которая действует на слушателей через речь. Красноречие – это высшее проявление нравственной силы человека. Следовательно, чем нравственнее человек, тем, по мнению Цицерона, красноречивее. В этом случае красноречие – благо, которое использует оратор для людей. Сила ораторской речи, по Цицерону, обязательно соединяется с честностью и высокой мудростью. Только в таком случае речь может принести людям удовлетворение. Если же силой слова будут пользоваться люди нечестные, то это сильное оружие попадет в руки безумцам, которые могут направить его во зло. Философский подход к слову как благу и аду, как орудию честных и нечестных людей дает возможность взглянуть на теоретические изыскания Цицерона под углом гуманистического направления риторического искусства, его высшего назначения в качестве выразителя общегуманитарных идей. Не случайно Цицерон силу слова связывает с мудростью, отмечая, что эту науку мыслить и говорить, эту силу слова древние называли мудростью. «Ведь в старину-то наука, – замечает он, – как видно, одинаково учила и красному слову, и правому делу; и не особые учителя, но одни и те же наставники учили людей и жить, и говорить» (Цицерон, 1972, 216).

Цицерон неоднократно подчеркивает, что речь оратора должна быть как можно более увлекательной, производить как можно большее впечатление на слушателей и подкрепляться как можно большим количеством доводов, ибо доводы – материал действительно громадный и важный.

Он подробно говорит о красоте речи, считая, что красота речи состоит прежде всего как бы из некоей общей ее свежести и сочности: ее нежность, ее ученость, ее благородство, ее пленительность, ее изящество, ее чувствительность или страстность, если нужно, – все это относится не к отдельным ее частям, а ко всей ее совокупности. А вот цветы слов и мыслей, как бы усиливающие речь, должны не рассыпаться по ней равномерно, а располагаться с разбором так, как на каком-нибудь наряде располагаются украшения и блески. Общий тон речи следует избирать такой, какой в наибольшей степени удерживает внимание слушателей и какой не только их услаждает, но услаждает без пре-

сыщения (Цицерон, 1972, 224). Цицерон – против слащавости и вялости ораторской речи, – за то, чтобы она была и динамична, и красива, и приятна, но ее приятность должна быть строгой.

В связи с этим Цицерон выделяет слова простые, употребляемые обычно, среди которых тоже должен производиться отбор, и решающим при этом должно быть слуховое впечатление (избегать затасканных и приевшихся слов, пользоваться яркими, в которых есть полнота и звучность), выделяет малоупотребительные и новообразованные слова, а также слова в переносном смысле.

В трактате «Об ораторе» Цицерон основывался на некоторых теоретических исследованиях своих предшественников и на практических школьных учебниках, на греческой и римской ораторской традиции и лучших образцах ораторского искусства, на своем практическом опыте. Цицерона можно считать создателем риторической теории, которую он наиболее полно изложил в этом трактате.

Трактаты «Брут» и «Оратор», написанные им в 46 г. до н.э., он, защищая свою точку зрения, адресует Бруту – представителю нового, аттического течения. Цель этих сочинений – обосновать законность и превосходство того ораторского идеала, пути к которому Цицерон указал в диалоге «Об ораторе». Обосновывает он это направление и с точки зрения исторической (в «Бруте»), и с точки зрения теоретической (в «Ораторе»). В диалоге «Брут, или О знаменитых ораторах» Цицерон перечисляет почти всех знаменитых ораторов – свыше двухсот – в хронологическом порядке с краткими характеристиками каждого. Для Цицерона римское красноречие – предмет национальной гордости, и он счастлив стать первым его историком. Этот труд – сочинение критическое и полемическое, имеющее своей целью не только характеристику ораторов, но главным образом защиту и развитие тех идей, которые высказаны в предыдущем трактате.

В своей истории красноречия он рисует продуманную картину исторического прогресса и постепенного восхождения красноречия от ничтожества к совершенству. Красноречие для Цице-

рона – по-прежнему не самоцель, а лишь форма политической деятельности, и судьба красноречия неразрывно связана с судьбой государства. Развитие римского красноречия, считает Цицерон, определяется прежде всего внутренними причинами – широтой и глубиной усвоения греческой культуры и развитием культуры римской. На примерах критического разбора речей греческих и римских ораторов он еще раз утверждает идеи, которые высказаны им в трактате «Об ораторе».

«Оратор» – завершающее произведение риторической трилогии Цицерона. Вначале он рисует образ совершенного оратора, однако делает оговорку: «Создавая образ совершенного оратора, я обрисую его таким, каким, быть может, никто и не был» (Цицерон, 1972, 332).

В этом трактате больше всего Цицерон говорит о словесном выражении и о ритме, что диктуется его стремлением доказать аттицистам – а именно по этим вопросам шел спор – свою правоту: он стремился отстоять свое право на величественный и пышный слог, отведя упреки в азианстве и обличив недостаточность и слабость проповедуемой аттицистами простоты. Он выдвигает в качестве аргумента эллинистическое учение о трех стилях красноречия: высоком, среднем и простом. Простой стиль призван убедить, средний – усладить, высокий – взволновать и увлечь слушателя.

Цицерон видит красоту речи в ее свежести, сочности, нежности, учености, благородстве, пленительности, изяществе, страстности, причем «цветы слов и мыслей» должны распределяться в речи «с разбором». Словесные нагромождения, речь, расцвеченная чрезмерно яркими красками, не доставляет длительного удовольствия, пресыщает слушателей, раздражает их. По этим взглядам Цицерона нельзя было причислить ни к аттицистам, ни к азианцам. Он создал свой собственный стиль и требовал разумного употребления «цветов красноречия». Он продемонстрировал глубокое проникновение в сущность ораторского искусства, создав ораторскую теорию на основе своего богатого опыта. Блестящей теоретик, он обобщил и критически переосмыслил взгляды на ораторское искусство теоретиков и

практиков красноречия, путем тщательного анализа сопоставил различные точки зрения, создал свою теорию.

Знаменитый римский ритор Марк Фабий Квинтилиан (35 – ок. 100 г. н.э.) – автор обширного сочинения в двенадцати книгах «Риторические наставления» (Квинтилиан, ч. I, 1834; ч. II, 1834). Труд Квинтилиана систематичен и строго продуман. Здесь учтен весь опыт классической риторики и обобщен собственный опыт преподавателя риторики и судебного адвоката. В этой работе автор отмечает, что труд оратора обширен и разнообразен, и никогда о нем не сказано все, тем не менее он попытается изложить из традиционных правил самое лучшее, а кое-что неважное изменит, кое-что добавит или отбросит.

В конце предисловия Квинтилиан намечает план, которому и следует: I книга посвящена первоначальному воспитанию мальчиков в семье и у грамматика до их занятий риторикой; II – занятиям в риторической школе и природе риторики как науки; III–IX книги – своего рода энциклопедии традиционной теории ораторского искусства; X посвящена критическому разбору греческой и римской литературы по жанрам и характеристике образцов, интересных и полезных для будущего оратора; XI излагает внешние приемы оратора; XII посвящена моральному и общественному образу оратора.

Это хорошо систематизированное сочинение по ораторскому искусству: в нем анализируются теория и практика римского красноречия, рассматриваются проблемы педагогики, этики, дается характеристика риторических школ, стилей. Труд Квинтилиана – вершина исследования ораторского искусства. Ни до, ни после него не было работ, которые с такой тщательностью давали бы теоретический анализ красноречия.

Сначала Квинтилиан рисует образ идеального оратора, продолжая разрабатывать эту тему вслед за Цицероном: «Итак, да будет оратор таков, чтоб его по справедливости можно было назвать и мудрецом; не только совершен во нравах (ибо сего, по мнению моему, хотя другие иначе думают, еще не довольно), но совершен и во всех знаниях, во всех качествах, потребных для красноречия» (Квинтилиан, ч. I, 1834, VIII).

В первой книге Квинтилиан рассказывает о воспитании будущего оратора. Будущего оратора должны воспитывать с детства. На него влияет окружение (кормилицы, родители, дядьки), учителя, которые должны хорошо учить. Эта книга содержит методические рассуждения об учении в детском возрасте: учение должно быть забавою, ребенок сознательно должен запоминать материал, заниматься чистописанием и чтением вслух. Речь должна быть правильна, ясна и красива. Для этого необходимо изучать грамматику и образцовых ораторов, поэтов, прозаиков, затем переходить к собственным сочинениям. Будущий оратор должен знать очень много, в том числе философию, музыку, геометрию, произношение.

Вторая глава посвящена методике работы учителя, в частности говорится о системе упражнений, даются рекомендации для чтения художественных произведений и речей известных ораторов. «Следует ли жестко придерживаться риторических правил?» – спрашивает Квинтилиан. Он считает, что оратор не должен почитать риторические правила за непременные законы. В правилах может многое изменяться сообразно делу, времени, случаю и обстоятельствам. Квинтилиан отходит от принятой до него в риторике жесткой регламентации построения речи. Правила являются лишь руководством к действию, но не догмой, они не должны сковывать оратора и лишать его возможности проявлять самостоятельность. Он сравнивает жесткие правила с предписанием полководцу, как расположить войско. Но ведь расположение войска зависит от обстановки. «Так и в речи надобно знать, нужно ли или излишне вступление, и притом краткое или пространное; обращать ли всю речь к судьям или и к другому лицу, употребив на то какую-либо фигуру; успешнее ли для защищаемого дела повествование короткое или длинное, непрерывное или разделенное на части...» (Квинтилиан, ч. I, 1834, 136–137).

Квинтилиан риторiku как науку разделяет на три части: в первой рассуждают об искусстве, во второй – об искуснике, в третьей – о самом произведении. «Искусством будет то, чему по правилам учиться должно, и это составляет науку хорошо

говорить; искусник есть тот, кто постиг сие искусство, т.е. оратор, коего цель есть хорошо говорить. Произведение же то, что делает искусник, то есть хорошая речь» (Квинтилиан, ч. I, 1834, 141). Здесь Квинтилиан повторяет мнение Цицерона: истинным красноречием владеет лишь добрый и честный человек. Собственно, это мнение было распространено в Древнем Риме, ибо Квинтилиан ссылается и на других, кто придерживался этого.

Он пишет, что риторика состоит в способности и силе убеждать. Это определение, замечает Квинтилиан, идет от Исократы (риторика – творительница убеждения). Такого же мнения придерживается Цицерон. Тут же Квинтилиан иронически замечает, что убеждают словом и прелестницы, и ласкатели, и развратники. Тот же недостаток в определении Аристотеля, который говорил, что риторика есть способность или сила изобретать все, что может убеждать в речи. Автор уточняет эти определения, которые подхватили и школьные учебники красноречия. Он предлагает иное определение, делая оговорку, что оно найдено у других: риторика есть наука хорошо говорить (Квинтилиан, ч. I, 1834, 146). Квинтилиан утверждает, что риторика есть искусство и наука. Астрономию, которая ограничивается наблюдением своего предмета, можно назвать умозрительной; «плясание», которое состоит в действии, можно назвать «деятельной» наукой; живопись он называет «производительной» наукой. «Риторика можно, кажется, причислить к наукам, в действии состоящим, ибо она через действие достигает своей цели; все учителя так полагают» (Квинтилиан, ч. I, 1834, 161). Но он считает, что риторика много заимствует и от других наук. Собственно, эта мысль продолжает мнения Платона, Аристотеля и Цицерона о необходимости оратору знать и другие науки.

Квинтилиан задает вопрос: природное дарование или учение способствует красноречию? Оратором сделаться нельзя без помощи того и другого. Он замечает: «Словом, природа есть вещество, а наука художник: сия дает вид или образ, а та приемлет. Художество без вещества ничего не значит, вещество и без художества имеет свою цену; но превосходная отделка есть лучше самого драгоценного вещества» (Квинтилиан, ч. I, 1834, 164).

Предметом риторики может быть все, о чем можно говорить, то есть это широкая, по сути безбрежная, среда деятельности оратора. Так считает Квинтилиан, ссылаясь на Платона и Цицерона.

По Квинтилиану, риторика состоит из пяти частей: изобретения, расположения, изложения, памяти, произнесения (или действия). Цели оратора – поучать, возбуждать, услаждать, хотя не всякая речь преследует все три.

Он выделяет, следуя предыдущим теоретикам, три рода речи: доказательный, рассудительный и судебный. Первый род – доказательный – касается похвалы и порицания: надгробные речи, иногда речи в суде (подсудимый имеет хвалителей), похвала (или хула) может произноситься и в других случаях. Похвала особенно требует распространения и украшения. Может быть похвала богам, людям, а также городам и прочим предметам.

Второй род речи – рассудительный (или разбирательный, советовательный) – имеет цель советовать (выступления в Сенате и народных собраниях). В этой речи большую роль играет доброе мнение об ораторе. Оратор говорит здесь о мире, войне, числе войск, пособиях, податях. Он должен знать о силе государства и о нравах граждан.

Третий род речи – судебный – имеет целью обвинение и защиту. Этот род состоит из пяти частей: вступления, повествования, доказательства, опровержения, заключения. К этим частям некоторые прибавляют еще разделение, предложение, отступление – первые две относятся к доказательствам. Квинтилиан поясняет, как пользоваться этой схемой: «Оратор не должен думать, чтобы каждую из показанных мною частей надлежало излагать в том же порядке: а прежде всего надобно ему размыслить, к какому роду относится дело, в чем оно содержится именно, что может споспешествовать ему и что повредить; потом, что утверждать и что отвергать должно; после, каким образом повествовать приличнее (ибо повествование есть приготовление к доказательствам, и не может быть полезно, ежели предварительно не узнает оратор, какие точно доводы

выставить ему нужно); наконец, подумать о снискании благосклонности от судей. Ибо, не обозрев всех частей, сущность всего дела, нельзя нам знать, в какое расположение духа привести их для нашей пользы /.../» (Квинтилиан, ч. I, 1834, 225–226). Расположение частей, как видим, зависит от многих моментов. Однако Квинтилиан предупреждает, что это расположение свободно лишь относительно. Нельзя, например, вступление помещать в конце речи. Это естественно. Поэтому все-таки в конце главы он категорически настаивает на том плане, который предложил: «Итак, надобно располагать и начинать слово в предлагаемом нами порядке: надобно сочинять его в том же порядке, в каком и говорить должны» (Квинтилиан, ч. I, 1834, 226).

Квинтилиан разрабатывает систему доводов и их опровержений. Довод должен быть по большей части достоверен, а опровержение сильное. Однако автор считает, что сколько бы ни хороши были доводы, но они будут слабы, если не подкрепятся искусством оратора. Он пишет, соглашаясь с взглядами других ораторов: «Я и сам нахожу, что в них нужна ясность и определительность: и что в предметах малых слог и речения должно употреблять самые приличные и наиболее обыкновенные. Но когда говорим о предметах важных, тогда не почитаю излишним и украшение, лишь только бы не вредило оно ясности...» (Квинтилиан, ч. I, 1834, 409).

В заключении обычно кратко повторяют вышесказанное или же возбуждают страсти. И далее Квинтилиан говорит о возбуждении страстей, в чем и проявляется сила красноречия, ибо успех оратора, особенно в судебном деле, зависит не только от доказательств, но и от того, насколько он сумеет убедить слушателей (а в суде – судей), воздействуя на них эмоционально. Душевные движения, ссылаясь на древних, он делит на страсти и нравы. Нрав есть замечательное свойство душевной доброты, сопровождаемое кротостью, дружелюбием, благоприветливостью. «...Речь оратора должна быть скромнее, кротка, без всякого высокомерия, пышности и даже без всякой высокопарности. Довольно и того, если будем говорить выразительно, точно, приятно, вероподобно. Для сего-то и приличен здесь наиболее

слог речи средний» (Квинтилиан, ч. I, 1834, 443). Страсть же – это выражение гнева, ненависти, страха, негодования, соболезнования. «Итак, верх красноречия, сколько судить могу, состоит, относительно возбуждения страстей, в том, чтобы мы сами были ими движимы совершенно» (Квинтилиан, ч. I, 1834, 446). Как видим, психологическая сторона ораторской речи занимала в работе Квинтилиана немалое место, что, впрочем, было продолжением и развитием идей греческих и римских предшественников автора.

Быть красноречивым есть не что иное, как выражать словом все то, о чем мы думаем, и сообщать слушателям. Поэтому слова должны быть ясны, чисты, соответствовать нашему намерению, и они должны быть правильно, красиво и пристойно расположены. Но говорить исправно и ясно, по мнению Квинтилиана, – еще не значит быть оратором. Оратора отличает изящество и красота речи, ибо они приносят удовольствие и удивление. И здесь автор ссылается на Цицерона, который писал: «Красноречие, которое не внушает удивления, я не почитаю за красноречие» (Квинтилиан, ч. II, 1834, 51). Однако украшение должно быть сообразно с предметом и целью речи, должно учитывать аудиторию. Переносные слова, которые и украшают речь, должны рассматриваться в связи с целой речью. И здесь он говорит о целом тексте, об украшении целой речи. Он замечает, что необходимо иметь в виду два главных момента: придумать род слововыражения и произнести речь. Для этого необходимо знать, что нужно нам в речи возвеличить или унижить, что произнести стремительно или скромно, забавно или важно, пространно или кратко.

Разумеется, наша речь не может быть «красна», если не будет правдоподобна. По Цицерону, подчеркивает автор, правдоподобная речь имеет в словах значительность и силу, а «в мыслях или важность или по крайней мере сообразность со мнениями людей и со нравами» (Квинтилиан, ч. II, 1834, 63). И здесь же он отмечает, что недостатком речи является употребление сниженных выражений, «коими – великость или достоинство предмета умалется» (Квинтилиан, ч. II, 1834, 63). «Итак,

бывает слововыражение слабое, низкое, сухое, скучное, небрежное, подлое» (Квинтилиан, ч. II, 1834, 64). К недостаткам речи следует отнести ее неполноту, однообразие, навевающее скуку, ее растянутость и т.д. К красоте речи он относит живое изображение вещей и воссоздание живых картин, которые возбуждают эмоции, страсти, ибо подробное описание ощутительнее, нежели простое сообщение. Особенно здесь помогают фигуры и тропы.

«Троп есть выразительная перемена или искусный перенос слова или речи от собственного значения на другое» (Квинтилиан, ч. II, 1834, 101). Уже в этой работе Квинтилиан замечает, что между грамматиками и философами происходит нескончаемый спор о родах, видах, числе тропов и их отношении между собой. Он не считает возможным ввязываться в этот спор, ибо решить все проблемы, с его точки зрения, невозможно. Он показывает лишь «нужнейшие и употребительнейшие тропы», выделяя тропы для усиления речи – метафора, синекдоха, метонимия, антономасия (имя заменяется чем-либо равнозначимым: глава римских ораторов вместо Цицерон), ономатопоея (употребление новых, вновь придуманных имен для вещей: сосуд для уксуса – уксусница), катахрезис (злоупотребление, неверное употребление образов); тропы для украшения речи – эпитеты (прилог, приклад, сопровождение: влажное вино, белые зубы, ужасное злодеяние, необузданные страсти), аллегория, ирония, перифраз, гиперболо, гипербатон (перенос слов с одного места на другое: для плавности речи и смыслового выделения слова: римский оратор – оратор римский).

Фигуры изменяют нашу речь, употребляются для придания мысли большей силы, а слову – приятности. Он объясняет отличие тропа от фигуры: «Троп есть слововыражение, от естественного и главного знаменования на другое перенесенное, для красоты речи; или, как многие из грамматиков определяют, есть речение с того места, которое оному свойственно, перенесенное на место, ему не свойственное. А фигура, как и само название ее, показывает, есть некоторый оборот речи, от общего и обыкновенного образа изъяснения мыслей отступающий. Посему в тропах одни слова заменяются другими словами /.../. В фигурах же

не в том дело. Ибо фигура может состоять из слов собственных и в своем порядке поставленных» (Квинтилиан, ч. II, 1834, 124). Он традиционно выделяет фигуры мысли и фигуры речи.

Квинтилиан считает, что одни только правила не могут сделать человека, изучившего их, оратором. В главе «О избытии слов» он проводит мысль о том, что оратору необходимо постоянно увеличивать активный запас слов, однако это не означает, что оратор должен ими пользоваться для безостановочной болтовни. Жесткий отбор нужных слов из богатого запаса лексики должен быть постоянной заботой оратора. Он советует читать Гомера, Горация, Каллипаха, Эхила, Софокла, Эврипида, Демосфена, Платона, Лукреция, Сенеку, Цицерона и других греческих и римских писателей и ораторов. Большую роль Квинтилиан отводил подражанию и в словах, и в композиции, и в мыслях, а также советовал упражняться в написании собственных сочинений, в переводах и в размышлениях. «Размышление весьма близко подходит к письму: оно и силы свои получает от письма, и между упражнением в сочинении и между удачею говорить, не готовясь, составляет нечто среднее» (Квинтилиан, ч. II, 1834, 287).

Вершина ораторского мастерства, по мнению Квинтилиана, – способность говорить, не готовясь, а для этого необходимы огромные знания и разнообразные навыки.

Квинтилиан говорит о благоприличии в речи, о памяти и произношении. Слог речи зависит от положения, которое занимает оратор. Так, военным, по мнению Квинтилиана, приличен простой слог, юношам – слог смелый, государственный человек и истинный мудрец может пользоваться всеми красками речи. Следует принимать во внимание не только, кто говорит, но и за кого, перед кем, о чем, а также место, где произносится речь, и время, когда она произносится.

Выделяя три направления в ораторском искусстве – аттическое, азианское, родийское, или родосское (названное по месту возникновения – в Родосе, среднее между аттическим и азианским), – Квинтилиан все-таки считает: «Нет сомнения, что из всех родов слога аттический есть самый лучший» (Квинтилиан,

ч. II, 1834, 485). Вспомним, что Цицерон считал идеальным средний слог. Далее Квинтилиан продолжает: «В нем есть нечто общее всем прочим родам, то есть он требует тонкого и верного' вкуса, а отличается от других смотря по качеству умов» (Квинтилиан, ч. II, 1834, 485).

Труд Квинтилиана – это систематическое и строго продуманное изложение риторического учения с учетом достижений теоретической риторики и опыта классического красноречия. Квинтилиан говорит о необходимости всестороннего обучения оратора с детских лет, о разделении речи, ее логическом построении, тропах и фигурах, стилях речи, качествах оратора и его моральном облике. Автор доказывает, что для ораторского искусства необходимы два момента: обучение и следование определенным правилам. Общие правила облегчат проявление индивидуальности речи. По мнению ученого, специфичность ораторского искусства в том, чтобы убедить при помощи красивой речи. Риторика – искусство, одного дара природы для которого слишком мало, необходимо учиться и развивать его. Основная же цель оратора – при помощи этого искусства вмешаться в психику слушателей. Квинтилиан превозносит ясность, чистоту, правильность и соразмерность слога, украшения же могут выполнять свою функцию лишь в том случае, если соответствуют предмету речи и цели выступления.

Корнелий Тацит (ок. 57 – ок. 117 гг.) оставил нам трактат «Разговор об ораторах» (ок. 100 г.). Его как политика и историка занимает больше не стиль речи, а смысл красноречия, место риторики в жизни общества. По Тациту, ораторское искусство не мирное и спокойное искусство, а искусство боевое, оно крепнет в ожесточенных схватках. Хорошие воины закаляются в войне, а не во время мира, так же и красноречие. В мирных условиях красноречие приходит в упадок. Он объясняет кризис ораторского искусства нравственной деградацией и, главное, политическими причинами: республиканский строй с политической свободой способствует развитию красноречия, монархия же, в которую превратился Рим, подавляя свободу, подавляет и красноречие.

В республиканском Риме выделялась плеяда блестящих ораторов. Это, кроме уже названных, – Катон Старший, Тиберий и Гай Гракхи, Сципион Африканский Старший, Гай Лелий Мудрый, Публий Руф, Красс, Марк Антоний, Горгензий и многие, многие другие.

Виднейшие ораторы и теоретики красноречия Древней Греции и Древнего Рима смогли проникнуть в тайны слова, расширить границы его познания, выдвинуть теоретические и практические принципы ораторской речи как искусства, основываясь на собственном богатом опыте и на анализе многочисленных блестящих речей известных ораторов.

2. РУССКИЕ РИТОРИКИ XVII–XIX ВЕКОВ

В начале XVII века в России развивается наука об ораторском искусстве, появляются риторика, которые играют заметную роль в описании литературного языка, формировании стилистических взглядов.

Исследователь истории русского литературного языка В.П. Вомперский замечает, что традиции отечественной риторики восходят к риторикам античной и раннехристианской эпохи, Средневековья и Возрождения, восходят к общеславянской грамматической и риторической традиции. Складываясь и формируясь как часть европейской риторики, русская отражает национальную культуру, обладает своей национальной характерностью (см. Вомперский, 1988, 5–11).

Самая ранняя дошедшая до нас – «Риторика» вологодского епископа Макария написана в 1617–1619 гг. Она открыла страницу в истории риторической мысли России, связанную с формированием учения о трех стилях. Макарий выделяет в русской речи три «рода глаголаная»: «смиранный, высокый и мерный». Первый относится к разговорной, обиходной речи и не поднимается «над обычаем повседневногo общения»; второй – это образная речь, украшенная различными образными средствами; третий характерен в основном для письменной и деловой речи, он предполагает сплав первого и второго.

К «Риторике» Макария и его учению «о тройных родах глаголения» восходит «Риторика» (1699), условно приписываемая Михаилу Ивановичу Усачеву. В главе «О приличном положении речений и сказаний» Усачев, развивая толкование трех «родов глаголения», наделяет каждый из них особой функцией («должностью»). Смиранный вид выполняет задачу «научити», средний (соответствует «мерному» у Макария) – «усладити», высокий – «возбудити». Меняется только порядок их перечисления. Это разделение «родов глаголения» свидетельствует о наметившемся функционально-стилистическом подходе к разговорному и литературному языку и представляет для нас научный интерес. Риторика давали образцы того, как надо говорить и писать в соответствии с законами поэзии и красноречия, открытыми ораторами прошлого, в частности античными теоретиками ораторского искусства (Вомперский, 1988, 70–72).

Памятниками раннего периода развития теоретико-литературной мысли в России, написанными на латинском языке, являются «Поэтика» и «Риторика» Феофана Прокоповича (1681–1736), курсы которых он читал в Киево-Могилянской академии соответственно в 1705 и 1706–1707 гг.

Знаменательным этапом развития риторической науки было учение М.В. Ломоносова, который по праву занял положение главы первой филологической школы. Попытка Ломоносова создать учебник риторики – событие большого исторического значения. Риторика Ломоносова – это свод правил, которому предлагалось следовать в тех устных и письменных произведениях, в которых затрагивались преимущественно государственные, общественные и религиозно-философские темы. Первый вариант риторики под названием «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» написан в 1744 г. и остался в рукописи; второй, уже напечатанный и более пространный, под названием «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки» появился в 1748 г. Эта риторика существенно повлияла на последующее развитие риторической мысли в России (Ломоносов, 1952).

Ломоносов так определяет риторику: «Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать, то есть оную избранный речьми представлять и пристойными словами изображать на такой конец, чтобы слушателей и читателей о справедливости ее удовлетворить. Кто в сей науке искусен, тот называется ритор» (Ломоносов, 1952, 23). Ломоносов определяет риторику как науку о письменной и устной речи. В своем труде он выделяет риторику, то есть учение о красноречии вообще, касающееся прозы и стихов; ораторию, то есть наставление к сочинению речей в прозе; поэзию, то есть наставление к сочинению поэтических произведений. Такое понимание риторики в принципе расходится с пониманием ее в Древней Греции и в Древнем Риме. Хотя следует отметить, что Квинтилиан уже разбирает в аспекте риторики прозу и поэзию. Такое понимание риторики в России идет от понимания ее в Средние века в Западной Европе и, конечно же, сказывается влияние Квинтилиана. «Красно» в определении риторики означает «красиво, хорошо, превосходно, даруя радость». Именно эти требования и предъявлялись к речи. В определении имеется указание на выбор слова и его образительность, а также отмечается цель речи – доказать справедливость своей мысли.

Ломоносов выделяет четыре части риторики: изобретение, украшение, расположение, произношение. Это основные части, которые в последующих риториках будут уточняться и дополняться. Будет изменяться и уточняться также понимание риторики. Ученый считает риторическим изобретением собрание разных идей (Ломоносов, 1952, 100). Идеи, по Ломоносову, суть отношения внутри материального и духовного мира человека. Он сводит эти идеи к шестнадцати разновидностям: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные (величина, фигура, движение, упругость, твердость), 4) свойства жизненные (душевные дарования, страсти, добродетели, пороки, внешнее состояние, чувства), 5) имя (небо, август, Москва), 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобию, 15) противные и несходные вещи, 16) уравни-

ния. Идеи по происхождению могут быть первичными, вторичными, третичными. Скажем, термин (исходное положение, от которого образуются идеи) «труд» образует первичную идею «пчелы» и вторичную идею «летание по цветам, собирание меда». В данном случае мы видим, что речь идет о развертывании мысли. По мнению Ломоносова, идеи изображают подлинные вещи или действия. Простые идеи можно объединять в сложные при помощи союзов, например, надежда и ободрение, которые можно привести во взаимное соответствие, например, надежда есть ободрение. Пример сложной идеи, состоящей из простых: богатство и честь суть побуждения к трудам. Исследователь говорит здесь о способах развертывания мысли, об усложнении мысли, о построении высказывания и делает вывод: «Таким образом, сложенные идеи по-логически называются рассуждениями, а когда словесно или письменно сообщаются, тогда их предложениями называют» (Ломоносов, 1952, 117).

Ломоносов разрабатывает учение о периодах, выделяя одночленные, двухчленные, трехчленные, четырехчленные периоды. В связи с периодами он пишет о так называемом распространении слова, которое основано на шестнадцати вышеперечисленных идеях. Именно эти идеи, выраженные словами, распространяются другими словами. Например, шумящий ветер; поля, улаждающие надеждою жатвы земледельцев. Как видим, распространителями может быть одно слово, сочетания слов, даже целые конструкции. Вся эта часть об изобретении посвящена принципам развертывания речи.

Сила слова состоит «в риторических доводах или доказательствах, которые суть сложенные идеи, удостоверяющие о справедливости предлагаемой материи» (Ломоносов, 1952, 154). Ломоносов подробно разрабатывает учение о силлогизмах, энтимеме, доказательствах. Здесь явно прослеживается логический аспект риторической науки.

Не менее интересен и психологический аспект риторики. В своих работах Ломоносов ссылается на учение Платона, Демосфена и Цицерона. Автор считает себя последователем идей Платона, когда пишет: «Для сего предлагаются здесь правила к воз-

буждению страстей, которые по большей части из учения о душе и из нравоучительной философии происходят» (Ломоносов, 1952, 167). Но именно Платон опирался в разработке риторической науки на свое учение о душе и духовном (см. выше). Несомненно, позднейшая риторическая наука, в частности гомилетика (гомилетика – раздел богословия, в котором рассматриваются теоретические и практические вопросы церковной проповеди. – *Н.К.*), конечно, в разной степени, но использовала учение Платона о воздействии на души слушателей. В связи с этим всплывает учение о страстях, которое разрабатывал еще Платон, считавший страсти принадлежностью души. Вот что пишет Ломоносов о страстях: «Страстью называется сильная чувственная охота или неохота, соединенная с необыкновенным движением крови и жизненных духов, причем всегда бывает услаждение или скука. В возбуждении и утолении страстей, во-первых, три вещи наблюдать должно: 1) состояние самого ратора, 2) состояние слушателей, 3) самое к возбуждению служащее действие и сила красноречия» (Ломоносов, 1952, 167). И здесь же он отмечает, какие особенности аудитории необходимо учитывать ратору: возраст, пол, воспитание, образование. Уже Ломоносов наметил социологический аспект теории красноречия.

Ратору необходимо хорошо знать действенность красноречия: «Оно долженствует быть велико, стремительно, остро и крепко, не первым токмо стремлением ударяющее и потом упадающее, но беспрестанно возрастающее и укрепляющееся... И, таким образом, ежели кто хочет приятную или скучную страсть возбудить, то должен он своим слушателям представить все к предлагаемой вещи принадлежащее добро или зло в великом множестве и скоро одно после другого» (Ломоносов, 1952, 169). Таков порядок доказательства, которое служит основой действенной речи. Больше всех служат к возбуждению страстей, по мнению Ломоносова, живо представленные описания, «которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седилица разум к чувствам

свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился» (Ломоносов, 1952, 170). Именно конкретные описания, конкретные сцены вызывают конкретные представления, конкретные ассоциации и связанные с ними чувства. В качестве примера Ломоносов приводит описание Аристидом города Смирны после землетрясения, сделанное Антонию, римскому императору: «Смирна, украшение Азии, честь вашей империи, огнем и трясением земли повержена и сотренна (потом, описав ее бывшую красоту, говорит). Сие все ныне покрыто пеплом, затворилась оная пристань, разрушились прекрасные площади, исчезли преизрядные улицы, училища с учителями и отроками упали, храмы инные рассыпались, инные поглощены землею. Приятнейший зрению город, и по имени своему прекраснейший, стал неприятное позорище, громада разрушенных зданий и трупов. Уже ныне по опустошенному только зефиры провевают» (Ломоносов, 1952, 170). Таким образом, речь идет об огромном воздействии зрительных образов на чувства слушателей.

По мнению автора, «украшение есть изобретенных идей пристойными и избранными речениями изображение. Состоит в чистоте штиля, в течение слова, в великолепии и силе оно-го» (Ломоносов, 1952, 236). Течение слова – это благозвучие речи. Ломоносов выделяет шесть тропов речений: метафору, синекдоху, метонимию, антономазию, катахресис, металепсис. Антономазия – взаимная перемена имен собственных и нарицательных. Автор так определяет катахресис: «Катахресис есть перемена речений на другие, которые имеют близкое к ним знаменование, что бывает ради напряжения и послабления какого-нибудь действия или свойства, например: для напряжения – *бояться* вместо *ждать*; *бежать* вместо *итти*...» (Ломоносов, 1952, 249). В работе дается определение металепсису: «Металепсис есть перенесение слова через одно, два или три знаменования от своего собственного, которые одно из другого следуют и по оному разумеются: *Как десять жатв прошло, взята пространно Троя*. Здесь через *жатву* разумеется *лето*, через *лето* целый *год*» (Ломоносов, 1952, 249). Автор работы выделяет пять тропов предложений: аллегория, парафразис, эмфазис, гиперболу, иронию.

Относительно фигур речений Ломоносов пишет: «Из фигур речений знатнейшие суть: повторение, усугубление, однознаменованье, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие и согласование. И хотя в латинских риториках считают таковых фигур больше, однако прочие отчасти только сродни латинскому языку и для того надлежат для грамматики больше, нежели до риторики, отчасти не имеют столько достоинства, чтобы они за особливые способы в красноречии почтены быть могли» (Ломоносов, 1952, 257). Единознаменованье, в понимании Ломоносова, – соединение слов, близких по значению: выступил, ушел, *вырвался, убежал*. Усугубление – это повторение слов в одном предложении. Он выделяет также и некоторые другие фигуры. Стилистические фигуры, по мнению Ломоносова, значительно усиливают речь, если употребляются в системе. В работе проводится мысль о системном и функциональном использовании фигур в ораторской речи.

Ломоносов неоднократно ссылается на древнегреческую и древнеримскую риторические науки, в частности на Цицерона. Влияние этих риторик на М.В. Ломоносова несомненно. Такое же огромное влияние оказала и его «Риторика» на последующее развитие науки о слове в России.

В конце XVIII века появляется ряд интересных риторик. В 1779 г. был издан «Златослав, или Открытие риторической науки, то есть искусство витийства, составленное греческим священником Иларетом Скуфою», переведенный на русский язык Стефаном Писаревым (Златослав, 1779). Это «искусство витийства», как называет труд переводчик в предисловии, первоначально в 1681 г. было издано в Венеции на греческом языке. В книге рассказывается об истории изучения риторики, расположении частей речи, тропах и фигурах, доводах и силлогизмах и т.д. Все теоретические положения иллюстрируются примерами из Священного Писания и христианской мифологии. Много внимания уделяется проповедничеству христианской морали, говорится о ненависти, страхе, гневе и всепрощении, грехе, нечестной жизни. Это одна из ранних гомилетик.

В 1787 г. была издана в Москве «Детская риторика, или Благоразумный вития, к пользе и употреблению юношества сочиненная» анонимного автора (Детская риторика, 1786). Это краткое изложение основных положений риторики: роды речи (судебная, доказательная, советовательная), свойства речи (изобретение, расположение, украшение, память, произношение), стили (высокий, средственный, простой, шуточный), части речи (приступ, повествование, подтверждение, заключение). Само определение риторики весьма упрощено: «Риторика есть наука красно говорить обо всем без изъятия» (Детская риторика, 1787, 2). Книга имеет практический характер и предназначена для обучения.

Работа А. Никольского «Логика и риторика, кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенная, изъясненная и в пользу юношества изданная» (1790) была предназначена для юношества и соответственно изложена просто и кратко (Никольский, 1790). Автор на первое место ставит логику, а риторику связывает с грамматикой: «Справедливо мыслить научает нас логика; а изъяснять приятно мысли наставляет при помощи грамматики риторика» (Никольский, 1790, 1). Это положение впоследствии будут развивать некоторые теоретики риторики. Первая часть посвящена логике (о понятиях, предложениях, силлогизмах, истинном и ложном), вторая часть посвящена риторике, причем некоторые вопросы, как и заявлено на первой странице, рассматриваются сквозь призму грамматики. В этой работе большое место отведено структуре предложения, периода (одночленного и многочленного), хрии (соединение многих периодов), затем традиционно разбирается расположение частей речи, украшение периодов (тропы, фигуры: фигуры речи, фигуры предложений). В особый раздел выделено изучение писем как жанра (письма ответные, упредительные, поручительные, уведомительные, поздравительные, благодарительные, просительные, советовательные, утешительные, извинительные, содержащие жалобу или выговор).

Более широко представлена классификация слога. Никольский делит слог на риторический, стихотворный, разговорный,

письменный, многословный, соразмерный, аттический. А по отношению к теме, с которой выступает оратор, автор работы делит слог на высокий, посредственный, низкий, а также на философский, богословский, исторический, судебный, церковный. Как видим, в этом случае учитывается, во-первых, системность языка, чем руководствовался еще Ломоносов при выделении стилей, во-вторых, предмет и ситуация речи. В первом же случае намечается разделение с учетом формы речи (стихотворная, разговорная и т.д.) и отношение к словесному выражению мысли (многословное, пространное выражение мысли; аттическое, краткое, сжатое, строгое выражение мысли; соразмерное, среднее между первым и последним, выражение мысли).

В 1791 г. издан «Опыт ретирики, сокращенный большею частью из наставлений докт. Блером в сей науке преподаваемых», переведенная с английского (Опыт ретирики, 1731). Книга предназначалась для юношества и содержала описание различных сторон поэтического и прозаического слогов, в том числе и красноречия. Автор пространно рассуждает о вкусе, его проявлении и воспитании, о даровании и его совершенствовании, о высоком в прозе, о красоте и ее проявлении, о начале и усовершенствовании человеческого слова, о слоге и его точности, о расположении периодов, о тропах и фигурах речи сквозь призму вкуса и совершенства.

В «Опыте ретирики» представлена уже иная классификация слога: рассматриваются следующие его разновидности: пространный, краткий, слабый, сильный, сухой, ясный, приятный, красивый, изящный, простой, принужденный, порывистый. Эта классификация учитывает языковую систему и отношение к ней говорящего.

Автор определяет красноречие следующим образом: «Красноречие есть искусство уверять. Самые существенные к оному потребности суть основательные доказательства, ясное преподавание, вид искренности в ораторе, соединенный с некоторой приятностью слога и выговора, кои возбуждают внимание и привлекают к оному» (Опыт ретирики, 1791, 210). Как видим, важное в красноречии – искусство уверять, которое определяет

ся доказательствами, логикой и ясностью речи, а также искренностью оратора и «приятностью слога», первая цель – привлечь внимание слушателей. Красноречие, по мнению автора, состоит из трех степеней: первая (самая низшая) – оратор старается понравиться слушателям; вторая (высшая) – оратор не только старается понравиться слушателям, но и стремится их научить, наставить, убедить; третья (наивысшая) – оратор пытается воздействовать на слушателей, чтобы они подчинились его призывам.

Основное требование – содержательность речи: «основание всякого рода красноречия есть хороший смысл и основательные мысли» (Опыт ретирики, 1791, 229).

В книге дана высокая оценка греческого и римского красноречия, выделяется красноречие народных собраний, судебное красноречие, церковное красноречие, то есть те роды красноречия, которые выделялись и в древних риториках.

Структура речи, по автору, состоит из вступления, определения, или разделения (показа способа, как оратор будет говорить свою речь), описания (или толкования). Затем выделяется доказывающая речь, «чувствительная речь» и заключение. Состав структуры речи обусловлен определением красноречия. Так, «присутствие» доказывающей речи связано с принципиально важной ролью логики в красноречии, а «чувствительной части» с конструктивной ролью в ораторской речи психологического воздействия на слушателей. Однако автор замечает: «Не требуется того, чтобы они в каждом публичном слове имелись или чтобы они поставлены были в том порядке, в каком я их предложил» (Опыт ретирики, 1791, 255). В книге много внимания уделено украшению речи: тропам и фигурам, а также произнесению речи.

В 1791 г. появилось второе издание книги (первое – в 1778 г.), написанной префектом Московской Академии иеромонахом Амвросием и посвященной архимандриту Московскому и Калужскому и Троице-Сергиевой лавры, полному директору и проректору Московской Академии Платону, под названием «Краткое руководство к оратории российской, со-

чиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося» (Краткое руководство к оратории, 1791). В предисловии автор сочинения подчеркивает, что он старался не давать лишнее, а нужное все представить как можно яснее и понятнее, в изложении следовал древним и новейшим исследованиям, хотя для лучшего изложения отступал от них. Примеры автор приводил из современных ему писателей – в основном из Ломоносова и Сумарокова, из поучительных слов архимандрита Платона, а также в меньшинстве – из переводов с греческого и латинского.

Амвросий так определяет ораторское искусство: «Оратория есть искусство преклонять словом других к своему намерению... Материя или предмет оратории есть свойства души человеческой, все вещи, знанию нашему подлежащие» (Краткое руководство к оратории, 1791, I). В этом определении выделяется психологический аспект воздействия.

В книге рассматриваются традиционно риторические вопросы, однако имеются и некоторые особенности. В частности, большое внимание уделяется изобретению тем и соотношению их с родами слов (выступлений). «Общая тема есть избранная, которая от оной производится... Из вышеописанного определения видно, что предмет изобретения есть размножение, украшение и вероятность темы. Случаются иногда обстоятельства, которые препятствуют общую тему наложить на основание всего слова или оратору сами по себе кажутся маловажны...» (Краткое руководство к оратории, 1791, I). С темой связано изобретение доказательств, острых мыслей, изобретение в различных родах слов, в том числе в письмах, посвящениях, притчах и подписях. Изобретение понимается автором очень широко: и как нахождение темы, и как расположение материала, и как его соединение, в частности, например, соединение предложений – простых и сложных. «Сие расположение и соединение предложений обыкновенно называется хрией» (Краткое руководство к оратории, 1791, 73). В работе традиционно рассказывается о стилях, чистоте и ясности стиля, украшении речи: тропах и фигурах.

В 1792 г. появилось анонимное сочинение «Краткий и всеобщий чертеж наук и свободных художеств», которое знакомило русских читателей со «словесными науками» как определенной системой знаний (Возникновение русской науки о литературе, 1975, 124). «Словесные науки» занимают в этой системе самое первое место, поскольку творческим началом для автора являлось слово. Словесные науки, которые вообще можно назвать филологией (любословие), говорилось в «Кратком чертеже», суть не что иное, как собрание правил и примечаний о употреблении слова, чистоты его выговора, расположений в сочинении. Первая из словесных наук – грамматика, которая есть не что иное, как искусство чисто и исправно говорить и правильно писать. Грамматика, как видим, тесно связана с красноречием, ибо основное требование аттического красноречия – правильность, нормативность речи. После грамматики автор в числе словесных наук называл красноречие – искусство говорить «исправно, порядочно, прилично, важно, основательно, приятно и тем преклонять других к своему с той материи мнению /.../. Правила о красноречии вообще, как говорить и писать прозою и стихами, составляют риторикку /.../. Риторика как общее руководство обою красноречия разделяется на две особые науки. Правила к сочинению всякого слова прозаического называются оратория, а искусство о всякой материи говорить и писать стихами есть поэзия или стихотворство» (Возникновение русской науки о литературе, 1975, 124–125). Таким образом, оратория – красноречие – занимает особое место в словесных науках.

XIX век в России, особенно первая половина, – самый богатый учебными руководствами по красноречию. Их авторы – видные теоретики ораторского искусства (в скобках называются годы издания риторик): И.О. Рижский (1805), А.Ф. Мерзляков (1809), С.И. Антоновский (1814), Я. Толмачев (1814–1822), Ф.Л. Малиновский (1816), А.Г. Могилевский (1817), А.С. Никольский (1814), А.И. Галич (1830), П.Е. Георгиевский (1836), А.З. Зиновьев (1836), Н.Ф. Кошанский (1832, 1854), М.М. Сперанский (1844), А.А. Данский (1853), М.М. Бродовский (1888), Н.И. Греч (1830), А. Глаголев (1834) и др.

В 1801 г. вышла «Краткая реторика в пользу любящего российский слог юношества» в переводе с латинского языка И. Богоявленского. Перевод осуществлен с книги, в которой начало было утеряно, поэтому ее автор неизвестен. Переводчик посвятил книгу Г.Р. Державину. Во вступлении риторика определяется так: «Реторика есть наука хорошо и красно говорить. Чтобы хорошо говорить, требуется разумно и основательно подумать о том, что говорить намерены. Чтобы красно говорить, нужно выбирать слова, лучшие употреблять выражения и упражняться в ораторской науке» (Краткая реторика, 1801, 9). В этом определении выделяются два момента: содержательность речи и владение словом. Книга содержит традиционные разделы классических риторик: части речи (изобретение, расположение, украшение, память, произнесение), которые подробно объясняются, и в этом ее традиционность.

Теория красноречия в России XIX века считалась наукой, которая занималась законами красноречия как искусства, законы относились ко всем письменным и устным произведениям вообще или к каждому роду и виду в отдельности. Поэтому риторика делилась на общую, излагающую общие законы, присущие всем произведениям, и на частную, исследующую особенности каждого рода произведений в отдельности, в том числе и особенности устного выступления. Об этом сказано в «Общей и частной риторике» неизвестного автора, где определяются объем и задачи риторики как науки: «В наше время риторика принимается в обширнейшем значении, нежели у древних. Древние под именем риторики разумели совокупность тех сведений, которые нужны к образованию оратора; следовательно, их риторика ограничивалась только ораторским красноречием. В наше время под именем риторики или науки красноречия разумеют науку, изучающую красноречие, которое как искусство объемлет собою все те произведения, в которых преимущественно выражается способность мыслящая и деятельная, а художественная служит только средством и орудием выражения.

Красноречие может быть изучаемо или со стороны его внешних изменений, которым оно подвергается в различные

времена и у разных народов, или со стороны основных, неизменяемых законов. Отсюда и наука красноречия распадается на теорию и историю красноречия.

Теория красноречия есть наука, излагающая законы красноречия; как искусство эти законы могут относиться или ко всем произведениям красноречия вообще, или к каждому роду и виду в отдельности. Поэтому теория красноречия разделяется на две части: на общую, излагающую законы, общие всем произведениям красноречия, и на частную, исследующую каждый род произведений порознь» (Общая и частная риторика, 1859, 5). Именно такой точки зрения на риторику придерживалось большинство русских исследователей в XIX веке.

И.С. Рижский (1761–1811) в своем «Опыте риторики», написанном в С.-Петербургском горном кадетском корпусе и выдержавшем по крайней мере три издания (I – 1795; II – 1805; III – 1822), исходит из «Риторики» Ломоносова. Рассматривая различные роды прозаических сочинений, Рижский разделяет науку красноречия на риторику и поэзию. Он пишет: «Силою слова проникать душу других, повелевать их умами, растрогать их чувствительность разительным изображением нравственного, восхитить их воображение живейшим выражением естественного изящества есть искусство красноречия, составляющее предмет риторики» (Рижский, 1805, 5). На первое место Рижский ставит воздействие на ум и чувства слушателей силой слова, под которой он понимает выразительность и образительность речи.

Первая часть книги посвящена проблемам риторики и качествам речи: «Чистота языка, пристойность и точность слов, частью ясность сочинения, плавность оного, или словотечение, наконец, благоразумное употребление общих украшений суть те совершенства слова, которые происходят почти единственно от выражений» (Рижский, 1805, 13). Отметив главные качества речи, автор подробно останавливается на их характеристике в нормативном и образительном аспектах. Особенно подробно рассматривается структура периода и образительно-выразительные средства (тропы и фигуры).

Во второй части повествуется «о совершенстве мысли» и «о страстях» (Рижский, 1805, 71–155), то есть рассматривается красноречие в психологическом аспекте. Вообще следует отметить, что психологический подход к произведениям пронизывает почти все риторические исследования XIX века. Чистота речи, как считает Рижский, может быть нарушена, если используем немотивированно: 1) иностранное слово вместо русского, 2) словосочетание, нарушающее правила русского языка, 3) какое-нибудь иностранное выражение, свойственное только иностранному языку, 4) простонародное (сниженное), областное (диалектное) слово или словосочетание, 5) неологизмы, не отвечающие законам русского языка, выражающие те понятия, для которых уже имеются слова в русском языке, и если немотивированно смешиваем славянские (церковно-славянские) и чисто русские слова.

Ясность речи нарушается излишней краткостью, а также излишней подробностью («...или думая быть изобильным, употребляет иногда такие слова и выражения, которые, не представляя ничего существенно принадлежащего к изображаемой им мысли, распространяют только речь к обременению внимания слушателей». – С. 20), двусмысленностью слов, путанностью синтаксических конструкций.

Что же касается пристойности речи, то это понятие Рижский связывает с соответствием пластов лексики (славянские, славянорусские, российские речения) со стилями высоким, средним и низким. Точность же слова связана с точностью выражения мысли, а плавность речи – с произносительными нормами, благозвучием.

Во второй части говорится о совершенстве мыслей, выражающих материальные свойства, действия, обстоятельства, время, место, причину, признаки, подобие, сравнение; говорится о справедливости мыслей, новости мыслей, естественности мыслей, пристойности мыслей, благоразумном сокращении мыслей, ясности мыслей, острых мыслях, отважных мыслях, простодушных мыслях, выразительных мыслях, сильных мыслях, искренности мыслей: «Все зависящее от выражений совершенства и

красоты слова останутся вовсе не действительными, когда сочинение не имеет ничего достойного внимания со стороны мыслей» (Рижский, 1805, 71).

По мнению автора, оратор должен разбудить в слушателях страсти, в этом его мастерство. «Истинный источник страстей есть врожденное всякому из нас желание себе добра. От сего обыкновенно происходит удовольствие, которое мы чувствуем от того, что почитаем добром; и огорчение от того, что нам кажется злом» (Рижский, 1805, 139). К страстям он относит надежду, страх, отчаяние, радость, печаль, любовь, ненависть, зависть, раскаяние, гнев, стыд.

Рассматривая в третьей части различные роды прозаических сочинений, автор «Опыта риторики» выделяет, наряду с письмами, «разговорами», историческими описаниями, различные роды «больших речей»: церковные (проповеди и надгробные слова), гражданские («мнения, произносимые в собраниях»), судебные, академические («декламации», «торжественные», «диссертации»). Кроме того, Рижский выделяет одну общую для всех групп (исключая судебную речь) форму выступления – панегирик (похвальное слово).

Последняя, четвертая часть посвящена слогу. Следуя традиции Ломоносова, Рижский говорит о трех слогах: низком, посредственном, высоком. «Низкий или простой слог есть такое красноречие, которое, по-видимому, весьма мало различно от повседневного разговора. Естественная простота, тонкая замысловатость, нередко нежность составляют главное его совершенство» (Рижский, 1805, 317). Этот слог обычно используется в разговорах, в переписке, в различных исторических описаниях, в сочинениях на научные темы.

О слоге посредственном, который Рижский называет еще «ораторским», читаем: «/.../ Когда он (оратор. – *Н.К.*) хочет убедить и тронуть своим словом, в таком случае, питая разум слушателей справедливостью и основательностью своих мыслей, старается еще пленить их воображение красивою и приятною речью, дабы тем успешнее войти в их сердце. На сей конец он употребляет все то, что только красноречие имеет пленительного, и даже не скрывает сего искусства» (Рижский, 1805, 336).

О высоком: «/.../ высокий поражает их (воображение, ум, сердце. – *Н.К.*) величественным наречием /.../» (Рижский, 1805, 350). Высоким слогом пользуются, если излагается важная мысль, сильная страсть и героическое действие. Однако он дает и более детальную классификацию слога, выделяя слог разговорный и слог письменный, слог исторический, слог поучительный, слог сухой, слог грубый, слог красивый, слог философский, слог холодный, слог надутый, слог сильный. Автор исследования обращает особое внимание на смешение слогов, отмечая, что часто встречается такой слог, который невозможно отнести ни к одному вышеперечисленному. Рижский много пишет и о языковом вкусе оратора, выделяя градации слога: правильный – неправильный, нежный – грубый.

«Опыт риторики» стал первой фундаментальной книгой по риторике на рубеже XVIII–XIX веков, пользовался таким успехом, что выдержал несколько изданий.

В 1814 г. выходит 3-е издание «Основания российской словесности» А.С. Никольского. Известно, по крайней мере, шесть изданий этой работы: ч. I – 1807 г. (первое издание), ч. I–II – 1809 г. (второе издание), ч. I–II – 1814 г. (третье издание), ч. I–II – 1828 г. (шестое издание).

Автор рассматривает грамматику, риторику и поэзию. Он подчеркивает, что намеренно объединил эти аспекты, так как они составляют сложную систему, поэтому их следует изучать вместе. Это, пожалуй, первая книга, в которой с такой настойчивостью проводится мысль о речевой системности. Автор отмечает, что учение о словесности состоит из двух частей: «Граматики, научающей правильному употреблению слов, и риторики, показывающей способ, как располагать и изъяснять мысли» (Никольский, ч. I, 1814, 10). В первой части книги излагается грамматическое учение: буквы, части речи (их грамматические характеристики и употребление), частично стихосложение (стопы и рифмы). Вторая часть – «Риторика» – понимается традиционно шире, чем древнегреческими и древнеримскими риторами. В ней изучаются периоды, хрии, тропы, фигуры, расположение слов (композиция), поэзия (ее разделение; к поэзии он относит

стихотворные, прозаические, драматические произведения). Таким образом, в книге рассматриваются все элементы поэтического и прозаического произведения, в том числе устного выступления. Автор выделяет специальную главу – «О расположении больших слов» (о речах), в которой разбирает композицию ораторского выступления (начало, предложение – содержание выступления, предложение идеи – исследование, заключение). В традициях классической риторики выделяет высокий, средний и простой слог.

Вот как понимает автор слог: «Слог есть известный образ выражения мыслей или чувствований посредством слов» (Никольский, ч. II, 1814, 151). Совершенство выступления зависит от выбора слов и выражений, от течения речи, от сходства слога с родом мыслей, от сходства слога с родом сочинения. Главное достоинство при выборе слов – точность и ясность. Течение речи связано с плавностью, то есть с незатрудненностью в произношении. Что же касается сходства слога с родом мыслей, то автор выделяет мысли высокие, средние, простые, которые должны соответственно излагаться высоким, средним, простым слогом.

Никольский подчеркивает, что слог зависит от психического состояния оратора, которое определяет и эмоциональное напряжение речи, и движение речи к кульминации. «Положение души говорящего делает то, что он объясняется иногда изобильно и обширно, иногда сокращенно и отрывисто; иногда сильно и стремительно, иногда кратко и спокойно; иногда красиво и пленительно, иногда просто и сухо» (Никольский, ч. II, 1814, 169).

И еще Никольский выделяет ситуацию общения, от которой зависит речь: «Место, в котором говорит оратор или другое лицо, и лица, перед которыми говорится, требуют также различного образа объяснения. Лица и место бывают или обыкновенные, или важные, или священные; а потому, соображаясь с ними, говорящий или пишущий должен объясняться или обыкновенно, или почтительно, или с благоговением» (Никольский, ч. II, 1814, 170).

Эта работа во многом повторяет предшествующие риторики, что вполне естественно, однако автор, как я уже отмечал, подчеркивает системный характер своего труда.

В 1816 г. в Москве вышла книга «Оратор, или О трех главных совершенствах красноречия, о ясности, важности и приятности» анонимного автора. В книге отмечается: «Три суть главные совершенства как всякого красноречия, так и латинского штиля: ясность, приятность и важность речи. Ясность делает материю полною и вразумительною; приятность увеселяет слушателей и читателей, а таким образом снискивает их благосклонность и внимание; наконец, важность дает материю истинно чувствовать и возбуждать в читателе или слушателе к чему-нибудь любовь и удивление, или презрение и отвращение» (Оратор, 1816, I).

В книге перечисляются источники ясности: хорошие природные дарования, тщательное и внимательное учение, скромность (отсутствие «темноты» в речи), познание людей, подробное знание языка, благоразумие, веселый характер. Источником доказательства речи служит достаточное количество примеров, мнения и свидетельства других авторов, объяснения происхождения каких-либо фактов (как произошло действие), для ясности речи существенно прибавление идеи времени, идеи места, действия и последствия, разделение целого на части, рода на виды, сравнения и подобия, повторения идей, красивое изображение идей.

Особое внимание обращается на выбор слов, их ясность, ясность в соединении слов, ясность в порядке слов. «Важно говорить есть так говорить, чтобы сердце слушателя тронуть, чтобы возбудить в нем радость, любовь, удивление, ненависть и негодование, презрение, страх и проч.» (Оратор, 1816, 93).

Источники важности: «дух благородный, и к честности, скромности и ко всем добродетелям расположенный», хорошие дарования, обширное и основательное просвещение, познание человеческих сердец, познание мнений, обширное и подробное знание языка.

Дается также объяснение некоторых тропов, создающих ясность речи. Эта идея ясности речи благодаря тропам высказывалась уже в начале XIX века.

«Приятность речи есть такое совершенство, коим мы нравимся читателям или слушателям, так что они нас охотно читают и слушают» (Оратор, 1816, 160). Источниками приятности могут быть: ясность речи, надлежащая краткость и обилие речи, скромный отзыв о себе и своих добродетелях, учтивость и человеколюбие, скромность в речи, отсутствие простонародных слов, сниженных слов, новый образ изображения, непринужденность речи, возбуждение внимания слушателей, приятные описания, юмор, складные периоды, плавность речи.

В общую систему науки о красноречии входит книга Я. Толмачева «Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия» в четырех частях. Во всех частях дается системное описание языка в его проявлениях: «Наука риторики должна показать средства, каким образом достигнуть к тому, чтоб говорить прилично и красиво; должна руководством правил образовать слово человека и сделать его истинно красноречивым» (Толмачев, ч. I, 1815, I). Автор часто в своем исследовании ссылается на древнегреческих и древнеримских риторов (Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана). Так, со ссылкой на Квинтилиана он выделяет такие совершенства, необходимые оратору, как память, доброту сердца, тонкий слух. В четвертой главе первой части, названной «О философской истории языка», он рассматривает вопросы соотношения языка и культуры, дает общие понятия о грамматических частях речи, рассматривает место языка в человеческом познании мира, соотношение слова и понятия, рассказывает о падежной системе, системе времен и наклонений, системе существительных. В последующих главах первой части анализируется синтаксическая структура: предложение (подлежащее и сказуемое), его распространители, сложные элементы – периоды и хрии (их типы и структуры). Периодическая речь разобрана очень подробно, по сути это изложение взглядов Квинтилиана.

Вторая часть исследования – «Наука о слоге». Толмачев рассматривает слова как «знаки понятий». Здесь он следует Цицерону и Квинтилиану, считая, что можно разделить слова на собственные, переносные и нововымышленные. Собственные – древние и в настоящем состоянии, областные и повсеместные, разговорные и книжные. Переносные – тропы. Нововымышленные – заимствованные из иностранных языков, из древнерусского, составлены говорящим.

Автор приводит мнение Квинтилиана о задачах оратора: «На сем основании, говорит Квинтилиан, что вития имеет три обязанности: научить, пленить, возбудить. Действием рассудка он научает, силою воображения пленяет, движением страстей возбуждает. Сообразно сим трем началам можно разделить роды речей на три слога: на слог рассудка, слог воображения и слог страсти» (Толмачев, ч. II, 1815, 179). Он выделяет следующие действия тропов: они сообщают речи «приятный вид новости»; «второе действие тропов есть обогащение языка»; «третье действие тропов, от быстроты воображения происходящее, есть сила речи». «Предметы, стремительно увлекающие мысли, суть предметы разительные. Они еще сильнее делаются от тропического сжатия, через ощущение в одном слове включающего два и более понятий, которые в нем гораздо живее и сильнее представляются...»; «четвертое действие тропов есть та приятная красота речи, которую воображение рождает, предоставляя, как выше сказано, вместо главных понятий прибавочные» (Толмачев, ч. II, 1815, 193–196). Автор выделяет фигуры рассудка, фигуры воображения, фигуры страстей и фигуры слов, следуя установившимся канонам.

А какова же, по Толмачеву, сущность ораторского слога? «Вития, имея целью что-нибудь полезное, употребляет все усилия внушить другим правильное понятие об оном и своим словом преклонить их к известному действию» (Толмачев, ч. III, 1818, 155). Итак, основная задача оратора – словом внушить и преклонить к действию, основываясь на страстях.

Автор насчитывает до полутора тысяч наименований слога, выделенных по разным основаниям, например, от знания и не-

знания языка (чистый или грубый, книжный или простонародный, ясный или темный), от совершенства или грубости слуха (мягкий, легкий, громкий, жесткий), от различия вкуса (строгий, важный, цветущий, игривый, сатирический), от предмета, круга и степени познаний (естественный, философский, богословский, твердый), от различия дарований (глубокомысленный, острый, краткий, растянутый, высокий, низкий), от частных наклонностей (мужественный, повелительный, пламенный, едкий, флегматический), от образа воспитания (вежливый, придворный, грубый и т.д.), от времени (древний, средних веков, новый).

В четвертой части своего труда Толмачев приводит различные точки зрения на деление речей на роды. Он ссылается на мнения древних риториков, согласных с Аристотелем, которые делили речи на совещательные (произносились перед народом в собрании), показательные (описывались добродетели, пороки и т.д.), судебные (выступления в суде). Ссылается на Блера, который выделял речи народные, церковные, судебные. Однако Толмачев считает, что здесь нет единого основания для выделения речей, поскольку, по его мнению, во-первых, части делимого должны входить одна в другую, во-вторых, будучи соединены, они должны составлять правильное целое. Он предлагает другое деление: поучительные, описательные и совещательные речи. Содержанием поучительных речей бывают объяснения и доказательства умозрительных истин; описательных – изображение предметов и явлений чувственного мира; совещательных – убеждение к действиям внутренним или внешним. По мнению автора, эта классификация включает все предметы чувственного и умственного мира и позволяет проследить тройную цель речей: наставлять, пленять, побуждать – и учесть три главные способности души: рассудок, воображение и страсть. Судебные речи автор относит к совещательным. Их содержание тройного рода: справедливо или несправедливо приписывается действие обвиняемому, каково это действие по своей сути, каково оно в отношении к законам. Народные речи отличаются от судебных числом и качеством слушателей, важностью содержа-

ния и целью. Церковные речи также принадлежат к совещательному роду. Они отличаются от прочих совещательных речей местом произнесения, характером оратора, качеством слушателей.

Другой не менее популярной работой первой трети XIX века была «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических» А.Ф. Мерзлякова, выдержавшая четыре издания (I – 1809, II – 1817, III – 1821, IV – 1828) и предназначенная для воспитанников Московского университетского пансиона. Риторические наставления, по мнению ее автора, относятся к хорошему слогу вообще и к различным родам прозаических сочинений: письмам, разговорам, рассуждениям (или учебным книгам), историям истинным или вымышленным, собственно так называемым речам. Сообразно этому порядку он и рассматривает эти роды, давая риторические наставления для каждого из них. Нас интересует последняя часть – «Речи ораторские» (Мерзляков, 1821, 91–108). Автор считает: «Слово, речь в тесном смысле означает рассуждение, составленное по правилам искусства и назначенное к изустному произношению. Сие рассуждение заключает в себе одну какую-нибудь главную мысль, которая объясняется или доказывается для убеждения слушателей» (Мерзляков, 1821, 91).

Он дает классификацию речей, которая несколько, лишь по терминологии, отличается от классификации Рижского, выделяя речи духовные («...в которых предлагаются истины и обязанности религии»), политические («о выгодах, отношениях и обязанностях общества»), судебные («где защищается невинно притесненный или обличается преступник»), похвальные («заключающие в себе похвалу заслуг»), академические («касающиеся до ученых предметов»).

Мерзляков пишет о трех намерениях оратора: научении, убеждении и искусстве тронуть слушателя. Все эти намерения взаимосвязаны. «Оратор... старается не только убедить разум, но особенно хочет действовать на волю. Убеждение рассудка служит ему средством к достижению цели, – к сильнейшему воспламенению страстей» (Мерзляков, 1821, 93), Убеждение в речи производится посредством доводов и ясного представле-

ния предмета речи, разбора возможных мнений и объяснения понятий, доказательств. «Оратор должен действовать не на один только разум человека, но и на все его душевные силы. Он старается особенно воспламенить воображение слушателя, дабы таким образом привязать к себе все его внимание» (Мерзляков, 1821, 99). «...Чем подробнее, полнее и, так сказать, существеннее изображение предмета, тем легче можно понять его и долее удержать в памяти» (Мерзляков, 1821, 99–100). Но самое главное дело оратора – возбуждение страстей.

Он отмечает, что риторика «подает правила к последовательному и точному изложению мыслей, к изящному и пленительному расположению частей речи, сообразно с видами каждого особенного рода прозаических сочинений» (Мерзляков, 1821, 5). Риторика заключает в себе полную теорию красноречия, которое понимаем как способ выражать свои мысли и чувства письменно или устно в соответствии с целью говорящего или пишущего. Древние понимали под красноречием искусство оратора, а под риторикой – правила, служащие для образования ораторов. Оратор так же, как и писатель, имеет свою цель научать, занимать, трогать, доказывать. Мерзляков очень высоко ставит красноречие, отмечая, что красноречие, как и изящное искусство, пленяет наши сердца, воспламеняет воображение, способствует распространению познания, открытию новых истин, при его помощи прошлое становится достоянием настоящего. Оно должно обязательно иметь благородную цель.

Он считает, что политическое красноречие используется не столь обширно, как в древние времена, но оно требует больших знаний о своем отечестве; судебное красноречие – гражданского права, законов; духовное красноречие – христианских истин и всего, что связано с религией.

«Российская риторика, основанная на правилах древних новейших авторов» (1817) А.Г. Могилевского представляет собой учебник с традиционными разделами и традиционным осмыслением риторики как науки. Можно отметить лишь широкое поправление автором фигур. «Фигура в нашем языке значит вид или образ, слово, введенное в грамматику, логику и риторикау чрез

подражание /.../. Фигуры, или все то, что имеет характер оных, мы разделим на три класса: одни из них переменяют значения слов и называются тропами; другие, оставляя слова в собственном их значении, состоят или в некотором особливом расположении слов, или в особом образе мыслей; в первом случае называются фигуры слов, в последнем фигуры мыслей» (Могилевский, 1817, 216–217). Через всю риторику проходит идея о том, что истоки красноречия находятся в общенародном языке, «когда уже оно приняло выражения и обороты возвышеннее обыкновенной речи и показалось в виде искусства» (Могилевский, 1817, 1).

В 1822 г. вышло «Краткое начертание теории изящной словесности» в двух частях А.Ф. Мерзлякова. К изящным искусствам Мерзляков относит стихотворство, красноречие, музыку, танцы, театральные зрелища, живопись, резьбу, ваяние, зодчество и изящное расположение садов. Предметы, способные к изображению посредством изящных искусств, по мнению автора, могут быть или чувственные, или не подлежащие чувствам. К первым относится вся видимая нами природа; к другим принадлежат понятия, мысли, духовные и нравственные качества, движения духа и страсти. «Главная цель изящных искусств есть удовлетворение вкусу или возбуждение непосредственного удовольствия, в котором равно участвуют сердце и разум» (Мерзляков, 1822, 10). Эта книга посвящена поэтическим и прозаическим жанрам, но она связана и с другой книгой А. Мерзлякова – «Краткой риторикой». Красноречие, по мнению автора, входит в состав изящных искусств. Эта работа еще раз подчеркивает необходимость изучения красноречия как искусства в системе других искусств.

Изучением теории военного красноречия занимался профессор С.-Петербургского университета Я. Толмачев. Он написал книгу, посвященную военному красноречию. Третья часть (1825) этой книги – хрестоматия, в которой приводятся образцы военного красноречия (иностранные и отечественные), речи и отрывки из речей военных деятелей древности и Средних веков. Выступления государственных и военных деятелей России

(Суворова, Кутузова, Петра I и т.д.) представлены приказами, воззваниями, манифестами и другими письменными источниками, а также несколькими обращениями к войску по ходу сражений или маневров.

«Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений» А.И. Галича традиционно делится на общую («Часть общая, или чистая») и частную («Часть особенная, или прикладная») риторику (Галич, 1830). В общей части рассматриваются свойства ораторского языка, периоды, фигуры, свойства и роды слога, ораторское изобретение и расположение. «Общие свойства совершенного или, что все одно, ораторского языка, суть его: а) чистота, б) правильность, с) ясность, d) определительность и точность, е) единство, f) сила и выразительность, g) благозвучие» (Галич, 1830, 7). Он подчеркивает, что слог состоит из двух главных родов – чистого и прикладного. Первый основывается на соблюдении общих всем сочинениям правил; второй изменяет общие начала по требованиям каждого рода сочинений. Общие начала – грамматические, основывающиеся на выборе, размещении и связи слов, психологические, происходящие от влияния духовных сил человека на его слог, логические, основывающиеся на общих законах мышления, эстетические, имеющие в виду красоту формы (Галич, 1830, 56).

Говоря о низком (простом), среднем и высоком стиле, автор подчеркивает, что их употребление определяется особенным характером и талантом писателей или ораторов, свойством предмета речи, особенной целью прозаических сочинений.

«Стиль ораторский занимается постановлением законов для торжественной речи, которая, как произведение словесности, назначается для изустного предложения или для провозглашения, – на тот конец, чтобы или 1) научить и убедить, или 2) тронуть и потрясти, или же 3) соединением обеих сих целей произвести тем сильнейшее впечатление» (Галич, 1830, 141–142).

Галич анализирует духовные речи (проповеди) и светские речи. «Те и другие либо а) наставляют нас в известных истинах – общих (догматические) и частных (исторические, то повествующие о событиях, то описывающие состояние явлений),

либо b) возбуждают сердечные чувствования, либо с) подвигают волю к желаниям и начинаниям. Сверх того к разряду светских речей относятся судебные, забавные и смешанные; далее – приветствия, школьные речи, похвальные слова и пр.» (Галич, 1830, 158–159). Судебные речи произносятся в судах и бывают обвинительные или защитительные. Государственные речи произносятся в торжественных случаях (при восшествии на престол, на конгрессах и т.д.). Исторические речи изображают происшествия с их последствиями. Речи догматические (поучительные) имеют своей задачей непосредственно действовать на ум (сюда же относятся школьные и похвальные речи), ибо они изображают общие, отвлеченные истины. Он выделяет также речи забавные и приветственные.

Во «Введении» он дает интересное определение риторики: «Теория красноречия, риторика научает систематически обрабатывать сочинения на письме и предлагает изустно так, чтобы они и со стороны материи и со стороны формы, т.е. и по содержанию и по отделке, нравились читателю или слушателю, производя в его душе убеждение, растроганность и решимость удачным выбором и размещением мыслей, а равно и приличным выражением мыслей с помощью слов и движений телесных» (Галич, 1830, 1). Это определение несколько отличается от определений, даваемых в предыдущих риториках.

Галич выделяет четыре главных момента, на которых основывается наука красноречия: счастливое изобретение мыслей, приличных предмету, – это задача гения; благоразумное расположение мыслей и умение воздействовать на слушателей так, чтобы они могли легко воспринимать идею в целом и по частям; изложение или выражение мыслей словами; провозглашение, то есть произнесение ораторской речи. «Итак, красноречие есть искусство мыслить и говорить, в котором должно столько же прилагать старания о выражении, сколько и об умственном запасе. Но, поелику для сообщения мыслей оратор имеет, с одной стороны, слово, с другой, телодвижения, то и витийство мы разделим на словесное и телесное» (Галич, 1830, 2).

Относительно тропов и фигур Галич пишет: «Несобственных выражений два рода – тропы и фигуры. Там настоящий, прямой предмет умалчивается, а вместо него ставится другой, близкий к нему по природе; здесь употребляется особенный, от языка общежитийского уклоняющийся, оборот выражения для высших целей красоты» (Галич, 1830, 29). Он выделяет три типа фигур, что было ново для риторики: грамматические, собственно ораторские и поэтические. К грамматическим относятся анаграмма (перестановка букв: *мир – рим*), бессоюзие, многосоюзие, усугубление (повторение слова или двух-трех в предложении), единозначие, возвращение (эпанафора), наклонение, окружение (повторение слова в начале и в конце периода), перемещение (перестановка слова в предложении), умолчание, соответствие (расположение слов в двух или нескольких предложениях, одно другому отвечающих либо подобными звуками, либо подобными грамматическими окончаниями). К фигурам ораторским относятся совещание (со слушателями), сомнение, поправление (оратор поправляет себя), предупреждение (вопрос – ответ), прехождение (делает вид, что хочет коснуться вещи слегка, а на самом деле подробно говорит о ней), вопрошение, уступление, умедление, отступление, возвращение (отходит от предмета речи и возвращается к нему), остроумие, противоположение. Звукоподражание, эпитет, метонимия, синекдоха, метафора, аллегория, сравнение, ирония, гиперболола, описание, олицетворение, обращение, восклицание, заклинание, благословение – это фигуры поэтические. Галич подчеркивает, что при выделении этих фигур он руководствовался следующими положениями: грамматик в своих фигурах играет словами, оратор – мыслями, поэт – картинами. Речь ораторская представляет себе право пользоваться всякими украшениями.

Психологические начала, считает автор, – это духовные способности, имеющие влияние на изложение: память, фантазия, смысл, рассудок, разум, остроумие, ощущения и хотение, или воля.

Что же касается эстетических начал стиля, то они связаны с изяществом формы, основывающейся не на отдельных словах и

фразах, а на целом способе изображения, «ибо эстетические законы научают отливать в приятную форму то, что есть правильного и в мыслях и в языке. Сии свойства стиля основываются либо а) на способности представлений, либо б) на способности ощущений, либо с) на способности воли» (Галич, 1830, 61). Сюда относятся логическая и грамматическая правильность, ясность, полнота выражения, грация, разнообразие, живость, простота, сила, соответствие, оригинальность, приличие слога.

Выделяя низкий, средний и высокий стили, он подчеркивает, что в зависимости от предмета речи, цели речи и личных качеств оратора выделяются и другие стили: сухой, простодушный (безыскусственный), цветущий (кудрявый), растянутый (обильный, слабый), сжатый, пылкий (страстный, патетический).

Несомненным культурным явлением представляется труд Н.И. Греча «Учебная книга русской словесности» в четырех частях (1830), в которой объясняются правила риторики и поэтики. Первая часть посвящена кратким правилам общей риторики, и автор выделяет в ней такие прозаические произведения, как письма, разговоры, описания, исторические сочинения. Во второй части дается описание учебных сочинений (книга была предназначена для гимназий, военных, горных, коммерческих, медицинских институтов), деловых бумаг, различных речей. Части третья и четвертая посвящены поэзии и драматическим жанрам.

Ораторскую речь ученый определяет следующим образом: «Речь, или Слово (в тесном смысле), есть сочинение, написанное по правилам риторики, назначенное для изустного произнесения и имеющее целью убедить слушателей в какой-либо истине, действуя на ум, воображение, чувство и волю их всеми средствами красноречия» (Греч, ч. II, 1830, 172).

В каждом сочинении автор выделяет предмет и форму. К предмету он относит изобретение (или выбор предмета речи), расположение материала. К форме – выражение мыслей на бумаге (или выражение мыслей речью).

Интересно замечание Греча о единстве речи: «В речи, как и во всяком сочинении, должно господствовать единство. Оратор

выбирает тему, или предмет, о котором ему надлежит говорить исключительно. Иногда вдается он в мнимые отступления, но единственно для того, чтобы вновь обратиться к главному предмету и подкрепить частными доводами силу господствующей мысли» (Греч, ч. II, 1830, 173).

Он несколько по-иному классифицирует принятые роды красноречия. В частности, он выделяет речи духовные и светские (политические, судебные, академические и похвальные). В словах духовных предлагаются истины, касающиеся веры (проповеди) или относящиеся к каким-либо особым случаям (речи надгробные). Духовное красноречие, требующее основательного познания во всех частях богословия, преподается особенной наукой – гомилетикой. Это, пожалуй, первое упоминание гомилетики как науки. Речь политическая и судебная, как отмечает автор, заключают в себе изложение предметов, касающихся управления государством или обвинения преступника и оправдания невинного. Академические или учебные речи сочиняются и произносятся в ученых сословиях при особенных случаях или относятся к каким-либо предметам наук и литературы. Особого внимания заслуживают слова похвальные (панегирики), произносимые в честь знаменитых особ, живых или умерших. В сочинениях этого рода проявляется вся сила красноречия. Автор не обязан изображать всю жизнь прославляемого им героя: он предполагает, что она известна его слушателям, и старается только возвысить и достойным образом восхвалить его добродетели и отличные качества, представив точную, живую картину его характера и украсив истину всеми цветами философии и красноречия. Выделяются также поздравительные речи, которые называются приветствиями. Чувство, живость, новизна и естественность оборотов придают им особую цену.

В этом сочинении автор рассуждает и о стиле отдельных родов речей. Он считает, что стиль речей духовных должен быть торжествен, благороден, величествен, язык их преимущественно заимствует выражения славянские. В речах политических и судебных господствует благородство, краткость, торжественность, допускаются и простые выражения. Академические речи

допускают возвышенность только во вступлении и заключении, остальная часть произносится в стиле рассуждения. Как видим, здесь намечается стилевая дифференциация по родам речей. В некоторых риториках зачатки такой дифференциации уже можно наблюдать.

Сквозь призму психологии воздействия рассматривается ораторское искусство в книге А. Глаголева «Умозрительные и опытные основания словесности» в четырех частях (1834). Он отмечает, что «ораторская речь не что иное есть, как ум в действии, – ум, постепенно раскрывающийся и облакаемый в слово» (Глаголев, ч. III, 1834, 73). Глаголев выделяет лишь две главные части речи: предложение и рассуждение, состоящее из доводов. «При сем надобно заметить, что ораторская речь в расположении своем следует порядку не простого логического силлогизма, но превращенного, т.е. заключение ставится наперед и занимает место предложения; меньшая посылка скрывается в рассказе и в частных доводах; большая служит связью частных доводов с предложением или темою» (Глаголев, ч. III, 1834, 89).

Он отмечает, что «все фигуры, украшающие речь оратора, бывают трех родов: одни из них имеют целью убеждение разума и в особенности приличествуют способу выражения повествовательному, как то: противоположение, сравнение, разделение и т.п.; другие пленяют воображение и дают движение способу выражения драматическому, например: одушевление, изображение, обращение и диалог; наконец, все прочие, в которых говорящий и повествует и действует, преимущественно принадлежат ораторскому выражению; к ним могут быть отнесены: восклицание, сомнение, занятие, вопрошение, повторение, перерыв и пр.» (Глаголев, ч. III, 1834, 98).

Автор считает, что тропы можно разделить на три разряда: синекдоха и метонимия принадлежат к действиям разума; метафора и аллегория рождаются от игры воображения; гиперболы и ирония выражают внутренние движения или чувства.

Для нас представляет интерес третья часть, которая посвящена ораторскому искусству. Вот как автор определяет красноречие: «Из согласия помянутых трех предметов (истина, кра-

сота, нравственность. – *Н.К.*) со внешними формами ораторского выражения образуется изящество, как главное единство, к которому ум оратора должен стремиться. Без сего согласия все усилия искусства тщетны; ибо там нет красноречия, где нет истины и нравственности; не действительна истина, не одушевленная движениями и картинами, и теряет силу сама нравственность, чуждая доводов, убеждающих ум, и украшений, пленяющих воображение» (Глаголев, ч. III, 1834, 81–82). Здесь выделена новая категория речи – изящество, в состав которого входят истина, красота и нравственность. В эти понятия входят логическая сторона речи и язык. Автор соглашается с древними, которые делили ораторское искусство на совещательное, описательное и судебное, таким образом, он не дает новой классификации.

В четвертой части Глаголев, делая обзоры риторик, отмечает большое значение «Риторики» Ломоносова как первого опыта подобного рода, которая впитала в себя опыт древнегреческих и древнеримских риторик и в частности Аристотеля. Отмечает он и «Краткое руководство к оратории российской...», сочиненное иеромонахом Амвросием; по этому руководству получили образование многие из духовных ораторов. В расположении этого сочинения, подчеркивает Глаголев, автор следовал древним и новейшим риторам, хотя примеры приводил только из одних российских писателей. «Самые речи разделяет на два рода: на показательный и советовательный, включал в сих двух и третий род судебный. Автор заплатил дань своему веку подробным исчислением речей поздравительных с браком, днем рождения, чином и пр.» (Глаголев, ч. IV, 1834, 42–43). Интересно суждение о «Риторике» Рижского: «Появление риторики Рижского, которая в первый раз издана в свет в 1796 году, составило новую эпоху в истории русской литературы, по части теории красноречия. До сего времени русская риторика, ограничиваясь одним механизмом, сооруженным древними риториками, оставалась как бы в бездействии и в усыплении; Рижский, следуя за ходом просвещения европейского, распространил ее пределы, и сближая красноречие с основами эстетики, старался дать ему

новое направление и душу. Предложенные им правила о строении периодов, о разных родах и качествах слога, об источниках высокого, о вкусе и изящном, как предмете вкуса, всегда будут иметь свою важность и цену» (Глаголев, ч. IV, 1834, 44–45). О риторических изысканиях Толмачева он отзывался так: «Правила словесности г. профессора Толмачева также заслуживают внимания. Он основывает свою теорию на трех способностях души: рассудке, воображении и страстях. Отсюда происходят три рода слога и три рода фигур. Рассудок, рождая понятия, делает слог ясным, точным и верным; картины воображения также должны быть ясны, красивы, точны и сообразны предмету» (Глаголев, ч. IV, 1834, 45–46).

Глаголев выделяет духовное, академическое и деловое красноречие. Это была новая классификация. Впервые выделялось деловое красноречие.

Приведем суждения К. Зеленецкого в книге «Опыт исследования некоторых теоретических вопросов» (1835) о риторике: «Риторика имеет предметом своим показать условия, по коим строится речь, т.е. полное развитие мысли посредством других, с нею соприкосновенных и ей подчиненных. Законы ума нашего определяют взаимные отношения между нашими мыслями, и, как направляется само мышление наше, так по всей очевидности должно направлять и его выражение в мире слова» (Зеленецкий, 1835, 78). Цель речи – склонить к известным действиям слушателей. Автор подчеркивает роль воли в жизни человека. Отсюда и его суждение: «Если в каком-либо словесном произведении воля духа человеческого проявляется самостоятельным деятелем, то это в речи оратора» (Зеленецкий, 1835, 83). Первое место в теории ораторской речи, по мнению автора, занимает учение о свойствах и условиях ораторской речи, которые сводятся к способу, по которому излагается речь и располагаются ее части. Второй предмет теории – исследование различных родов речей. Зеленецкий дает свою классификацию речей, выделяя 1) торжественные речи (похвальные слова, академические речи, надгробные слова и пр.), 2) судебные, 3) воззвания (поучения духовных отцов, воззвания к народу – манифесты и воззвания полководцев).

В 1836 г. вышла книга профессора словесности при Демидовском лицее А. Зиновьева «Основания риторики по новой и простой системе» в двух частях. Риторика, как стилистика и поэтика, по мнению автора, разбирается по жесткой схеме (эта схема действует для всех наук): общая риторика – правильность: 1) качество (ясность, основательность, очевидность), 2) количество (полнота, краткость, сила), 3) отношение (порядок, связь, соразмерность); частная риторика – изящество: 1) образность относительно предметов представления (история, наука, дидактика), 2) образность относительно состояния мыслящих способностей (чистая проза, пиитическая проза, эстетическая проза), 3) образность относительно представляющих лиц и представляемых предметов (монолог, беседа, приветствие, речь, письмо и разговор). По этой же примерной схеме рассматриваются и стилистика и поэтика.

Итак, Зиновьев делит риторику на общую и частную. «Общая риторика учит рассматривать и выражать мысли, как чистое произведение разума, без отношения к особенным предметам и другим силам душевным... Свойство речи, по которому она соответствует сему общему назначению, мы называем правильностью» (Зиновьев, 1836, 20).

Вот как он пишет о качестве: «По качеству мысли относительно их формы, т.е. развития признаков и доводов, должны сообразоваться с законами мышления, а относительно содержания – с предметом (материей); другими словами, должны заключать наружную (формальную) и внутреннюю (материальную) истину» (Зиновьев, 1836, 20–21). Ясность он связывает с логичностью изложения, а основательность – с правильными логическими доводами, очевидность – правильное соотношение мысли с предметом.

Вот его определение количества: «По количеству мысли относительно объема должны заключать все однородное; относительно содержания должны соединять важнейшее, т.е. образовать совершенное целое» (Зиновьев, 1836, 25).

И третье понятие – отношение: «Отношение требует, чтобы мысли, как члены речи, по соответствию с целым заключа-

ли единство (в расположении и соединении); а по взаимной связи – многообразие, т.е. должны быть в системе» (Зиновьев, 1836, 29).

Частная риторика, считает автор, учит рассматривать и выражать мысли сообразно с предметами представления, состоянием духа и с соотношением объективным и субъективным. Образность он понимает как представление предмета или объекта мысли слушателям.

П. Георгиевский в «Руководстве к изучению русской словесности» посвящает вторую часть (из четырех) теории красноречия.

Автор, как и некоторые его предшественники, считает страсти основанием красноречия. Совершенно необходимы оратору сильное чувство и живое воображение. Он определяет красноречие как «дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий» (Георгиевский, ч. II, 1842, 2). Из этого определения ясно, что оратору необходимо иметь блистательное воображение и сильный ум, но природный дар можно усилить знанием правил, чтением образцов и упражнением в сочинениях. Истинный оратор соединяет в себе глубокий и пронизательный разум философа с воображением и чувствительностью поэта. Один разум без пламенного воображения и чувствительности никого не сделает красноречивым.

Во второй части работы Георгиевский так определяет ораторскую речь: «Под словом, или речью, в тесном смысле, разумеется сочинение, назначенное к изустному произношению и имеющее целью научить ум, возбудить чувства, воспламенить воображение и склонить волю слушателей, действуя всеми средствами красноречия. – Завидный талант составлять такого рода сочинения, соединенный с способностью произносить их приятно и убедительно, называется вообще красноречием; обладающий всеми дарованиями, для того потребными, именуется оратором или витиею» (Георгиевский, ч. II, 1842, 65). Ораторскую речь он делит на следующие части: вступление, изложение предмета и его объяснение, доказательства, возбуждение стра-

стей, заключение. Возбуждение страстей получило самостоятельный статус в композиции речи.

Георгиевский выделяет речи духовные (проповеди, надгробные слова) и светские (академические, судебные, политические, похвальные речи), а также воинские (обращение к воинам) и народные (обращение к простому народу), которые «при естественности своей должны как бы отзываться теми народными звуками, которые всегда найдут отголосок в сердцах поселян» (Георгиевский, ч. II, 1842, 79).

Большим культурным событием был выход книги М.М. Сперанского «Правила высшего красноречия» (1844 г.). Этот курс Сперанский читал после 1792 г., когда окончил С.-Петербургскую Духовную Академию и был определен в это же учебное заведение преподавателем словесности.

«Основания красноречия суть страсти, – писал он. – Сильное чувствование и живое воображение для оратора необходимые совершенно» (Сперанский, 1844, 5). И далее: «Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий» (Сперанский, 1844, 7).

Сперанский много пишет о духовном красноречии, что вполне естественно, так как данная книга явилась изложением лекций, читанных в Духовной Академии. Автор предлагает отличать кафедру философскую от кафедры церковной: с одной говорят уму, с другой – сердцу. Но говорить уму и говорить сердцу, по мнению Сперанского, два случая очень между собой различные, различные как по выбору самого предмета, так и по образу его представления, хотя часто мы приходим к сердцу через ум, а к уму через сердце.

Он подробно разбирает части ораторской речи. Вступление должно быть простым и связанным с темой выступления. Истинное основание вступления состоит в том, что оно «есть введение или преустройство души к тем понятиям, которые оратор ей хочет внушить, или к тем страстям, кои в ней он хочет возбудить» (Сперанский, 1844, 15). И в связи с этой основной посылкой он выдвигает правила вступления: оно должно быть простым, вводя слушателей в образ ваших мыслей, приучая их

следовать за вами; слушатель, войдя в образ ваших мыслей, будет лучше понимать вашу речь; оно должно быть соразмерным содержанию, ибо высокое и многообещающее вступление может быть гибельным для оратора; оно должно лишь слегка касаться содержания, не раскрывать в нем всей «материи». Что касается доказательств, то доводы должны поддерживать друг друга, и дело оратора, по словам автора, найти точку их соединения и поставить так, чтобы казалось, что один непосредственно следует за другим. В классической триаде заключение – последняя, третья часть слова (речи). В заключении повторяют основные идеи выступления, причем «делать заключения сухие и холодные значит потерять плод своего слова» (Сперанский, 1844, 42).

Много внимания уделяется учению о страстях: «Под страстным в слове я разумею сии места, где сердце оратора говорит сердцу слушателей, где воображение воспламеняется воображением, где восторг рождается восторгом... Оратор должен быть сам пронзен страстью, когда хочет ее родить в слушателе» (Сперанский, 1844, 23). Изучение правил красноречия, чтение, размышление, анализ лучших речей не дадут должного результата, если страсть «не дышит» в ораторе: такой оратор никогда не воспламенит воображения слушателей.

Сперанский считает, что страстное должно занимать главное место в доказательствах, то есть логические доказательства подкрепляются эмоциональной речью. Доводами начинается убеждение, а завершается оно потрясением сердца. Основу страстей составляют чувствительность и воображение. «Отсюда происходит главное и единственное правило для возбуждения страстей: чувствуй, ежели хочешь, чтоб другие с тобою чувствовали» (Сперанский, 1844, 37).

Сперанский много размышляет о вкусе. «Вкус есть способность чувствовать изящное в вещах... Чувства изящного можно разрешить на сии теории: на чувство высокого, красивого, тонкого и естественного (Сперанский, 1844, 71). Изящное автор делит на три рода: высокое, красивое и простое. Размышляя о высоком, он пишет: «Через высокое в слове разумею я то, что возвышает душу и заставляет ее о самой себе принять высшее

мнение...» (Сперанский, 1844, 72). Он говорит о высоком в мыслях, высоком в страстях, считая источником высокого твердость в душе, возвышенный образ мыслей, силу воображения и чтение, которое «поддерживает душу на высоте ее понятий».

Книга Сперанского – книга философского направления, разрабатывающая, как отмечает сам автор, принципы высшего красноречия, в которое входят понятия высокого, красивого и простого, все эти три особенности речи составляют изящное. Он пишет о красивом в мыслях, то есть о тонкости и глубине мысли, о красивом в страстях, то есть о проявлении нежности.

«Исследования о риторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она в общей теории слова и к логике» К. Зеленецкого (1846) – интересная теоретическая работа, рассматривающая риторику в общей системе учений, входящих в состав науки о слове. Автор подвергает критике существующие риторики, отмечая, что некоторые устоявшиеся их положения должны быть пересмотрены. В частности, он подчеркивает, что риторика должна не только анализировать красноречие, но и «показать прежде общие и необходимые условия и требования речи вообще, а потом уже перейти к красноречию и его различным видам» (Зеленецкий, 1846, 38). Он рассматривает риторику как часть науки о слове. «Речь как полное выражение мысли со всех ее сторон составляла постоянный, исконный предмет нашей науки» (Зеленецкий, 1846, 53). «Риторика имеет предметом своим речь в ее грамматическом построении из предложений, в логическом расположении ее частей, словом, в ее образовании и составе и, наконец, в ее особых чисто риторических условиях и свойствах» (Зеленецкий, 1846, 55). Через науку о слове (в широком понимании – словесность) риторика связана с логикой. «Риторика, как учение о речи, т.е. о полном развитии мысли посредством словесного выражения, должна находиться в тесной связи с логической теорией развития мысли, т.е. теорией определений, разделений и доказательств» (Зеленецкий, 1846, 82). Он выделяет внутреннее, логическое построение речи и внешнее, словесное ее образование, а также свойства речи: ясность, живописность, одушевленность и иносказание; первое достига-

ется фигурами слов, второе – фигурами, действующими на воображение, третье – фигурами, действующими на ум, четвертое – фигурами, действующими на чувства. Исследование подводит итоги теоретическим изысканиям риторики, критически осмысливая их.

Наиболее четкой и последовательной нам представляется теория Н. Кошанского, изложенная им в двух книгах – «Частная риторика» (1832) и «Общая риторика» (1854). Кошанский, следуя традициям, делит словесные науки на три главные части: грамматику, риторику, поэзию, которые граничат с эстетикой. «Риторика (вообще) есть наука изобретать, располагать и выражать мысли, и (в особенности) руководство к познанию всех прозаических сочинений. В первом случае называется общею, во втором частною» (Кошанский, 1854, 2). Каждая из этих риторик имеет свой предмет, свою цель и свои границы. Каждая как наука имеет свою теорию и как искусство – свою практику. Общая риторика содержит начальные, главные, общие правила всех прозаических сочинений. Частная же риторика, основываясь на правилах общей, рассматривает каждое прозаическое сочинение порознь, показывая его содержание, цель, главные достоинства и недостатки.

Для нас интересна третья глава – «Выражение мыслей»: «Не должно смешивать языка со слогом. Язык ребенка, старца, слуги, ремесленника, придворного и пр. употребляет только слова, выражения и подобию, близкие к понятиям звания или состояния каждого из них: но не предполагает слога, т.е. искусства писать» (Кошанский, 1854, 87).

В «Частной риторике», выдержавшей несколько изданий (5-е издание – 1840), выделяется шесть разделов. Первый раздел «Словесность» посвящен поэзии, прозе и красноречию, которые ставятся в один ряд. Кошанский свидетельствует, что в новое время (XIX в.) в России выделяется главный род красноречия – духовный, а в других странах, например в Англии и Франции, он отмечает начала политического и судебного красноречия.

Пятый раздел этой книги «Ораторство» наиболее важный. «Ораторство, витийство есть искусство даром живого слова дей-

ствовать на разум, страсти и волю других» (Кошанский, 1832, 84). «Ораторство в кругу всех родов прозы занимает высшее место; оно составляет особое изящное искусство и не довольствуется изобретением, расположением и выражением мыслей, как все роды прозы, но требует еще произношения – языка действий» (Кошанский, 1832, 84). Оратор действует на разум красноречием ума, силою доказательств, убеждений – движет страсти красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души. У древних было три рода речей: торжественные, политические, судебные. Иногда эти виды смешивались. Кошанский делит речи на два больших рода: мирские (торжественные, похвальные, академические, политические, военные) и духовные (проповеди, беседы, поучительные слова, надгробные слова). Он выделял два существенных действия оратора: доказательство и опровержение.

Кошанский связывал красноречие с нравственными проблемами: «Красноречие имеет три признака: силу чувств, убедительность и желание общего блага. Первые два могут быть в красноречии мнимом, последний существенно отличает истинное красноречие /.../ желание общего блага – красноречия, добродетели – есть тот существенный признак, по которому узнается истинное красноречие и отличается от мнимого. Пламенное желание добра, стремление к сей цели – вот благородный предмет истинного красноречия, достойный добродетели!» (Кошанский, 1832, II–III). «Содержание ораторства – ораторская речь, в которой предлагается: похвалы героям, монархам, любви к Отечеству, к добродетели, ко благу людей или высокие истины нравственные, политические, ученые, или обвинения и оправдания» (Кошанский, 1832, 84). Связь красноречия с нравственностью подчеркивалась и другими риториками.

В сокращенном курсе «Общей и частной риторики» (1859) неизвестный автор выделяет по традиции общую риторику, которая излагает законы общие для всех произведений красноречия, и частную, исследующую каждый род произведений порознь. Общая риторика делится на три части: изобретение – излагает законы отыскания мыслей и содержание сочинений; расположе-

ние – законы приведения мыслей в порядок; выражение – законы воплощения их в слове. В частной риторике автор выделяет три главных рода сочинений: историко-описательные (описание и повествование), ученые или дидактические (научные рассуждения) и ораторские. «Ораторскими называются такие сочинения, которые назначаются для устного произношения и имеют целью убедить слушателей в какой-либо истине» (Общая и частная риторика, 1859, 56). Автор делит ораторское красноречие на два вида: светское (речи совещательные, судебные, похвальные, академические) и духовное, или церковное (проповеди, поучения, надгробные слова).

Он подчеркивает, что существуют два вида расположения мысли: аналитический и синтетический. «1) Аналитический способ состоит в том, что расположение мысли начинается с самого частного понятия предмета и переходит к общему понятию об нем /.../. 2. В синтетическом способе начинают исследование с общего понятия и доходят до частного, следовательно, переходят от сущности к явлениям /.../» (Общая и частная риторика, 1859, 62). Вникая в развитие мысли, мы можем различить в нем три главных момента: первоначальный момент в развитии мысли есть синтез, или общий взгляд на целое предмета, затем следует анализ, или рассмотрение частей предмета. Полное представление о предмете мысли получаем тогда, когда все части рассуждения о предмете приводим в единое целое и познаем предмет мысли и в целом составе, и в отдельных частях. Этот третий момент мысли, составляющий крайний предел ее развития, исследователь называет высшим синтезом в отличие от первоначального. Он связывает эти части со структурой речи: низшему синтезу соответствует ее начало, анализу – середина, высшему синтезу – заключение. Этот закон развития мысли он прилагает к трем типам речи: описанию, повествованию, рассуждению. Предмет описания – то, что существует в пространстве. Первоначальный синтез состоит в общем взгляде на предмет, анализ – рассмотрение частей предмета; в высшем синтезе мы созерцаем целое предмета и части его в их взаимном отношении. Предметом повествования бывает событие, развивающееся

во времени. Три момента (настоящее, прошедшее и будущее) соответствуют трем главным моментам мысли: прошедшее – первоначальный синтез, настоящее – анализ, будущее – высший синтез. Рассуждением называется такое сочинение, в котором доказывается какая-либо мысль как истинная или опровергается как ложная. В рассуждении предварительное убеждение в несомненности истины – первоначальный синтез. Решение вопроса, доказательства – это анализ. Последняя часть – рассмотрение основной мысли как доказанной.

В 1888 г. вышла книга М.М. Бродовского «Практическое руководство к технике сочинения». Чем интересна эта книга? «Новое, что мы даем здесь, состоит в следующем: во-первых, возможно подробнее и яснее, с чисто практической точки зрения рассматривали план и слог сочинения вообще, во-вторых, мы даем здесь полный обзор техники современной повествовательной и драматической поэзии, что до сих пор почти вовсе не затрагивалось в нашей литературе по словесности, а в заключение мы излагаем здесь технику ораторской речи и газетной корреспонденции. Первое, т.е. ораторская речь, довольно часто разбиралось в разных теоретических сочинениях; ввиду значения этого отдела мы изложили его с более практической точки зрения» (Бродовский, 1888, 111).

Автор выделяет три «отдела»: «1. Речь научная, имеющая в виду повлиять на разум слушателей. 2. Речь патетическая, имеющая в виду повлиять на чувства слушателей. 3. Речь общая, имеющая в виду действия на разум и чувства слушателей, повлиять на их волю» (Бродовский, 1888,113).

Научные речи, иначе называемые «чтения», или «лекции», имеют целью повлиять на познавательную способность слушателей, возбудить в них или представления о единичных предметах, или же понятия о предметах общих; в первом случае речь будет устно переданным извещением, во втором – устно переданным суждением.

Патетическими речами он называет речи, произносимые с целью возбудить в слушателях известного рода чувства – серьезные и веселые. Оратор может достигнуть подобного действия

на слушателей тем, что он описывает признаки предмета, способные повлиять на чувство, и его речь является тогда устно переданной картиной, или же он приводит свои заключения о значении предмета, и его речь является тогда устно переданным рассуждением.

Под общими, или собственно ораторскими, речами автор подразумевает такие речи, в которых оратор стремится возбудить в своих слушателях известного рода решения, следовательно, повлиять на их волю, склонить их к исполнению намеченной им цели. Общая, или собственно ораторская, речь содержит в себе постоянно элементы научной и патетической речи. Предмет общей, или собственной ораторской, речи – постоянно известное деяние, известное действие в будущем, исполнение или неисполнение которого предлагается оратором.

Он выделяет следующие виды общей, или собственно ораторской, речи в зависимости от той сферы жизни, в которой употребляются эти речи: 1. Политические речи имеют целью склонить к известному решению волю слушателей в делах государства или в делах общественных. Сюда он относит только речи общественные, произносимые гласными земства и городских управлений. 2. Судебные речи. 3. Церковные речи, или проповеди. 4. Частные речи имеют целью склонить слушателей к какому-либо полезному или приятному частному предприятию. Как видим, данная классификация новая по сравнению с классификациями предыдущими.

Ряд исследований конца XIX века (Левенстим, 1894; Тимофеев, 1897; Тимофеев, 1900) посвящен судебному красноречию. В них отмечается, что судебное красноречие составляет раздел ораторского искусства, отличающийся некоторыми техническими особенностями, обусловленными требованиями судебного говорения, хотя приемы составления речи и аргументации по существу одни и те же как у судебного, так и у других ораторов, например политических. Авторы постоянно подчеркивают связь формы речи с ее содержанием: «Цель речи – произвести впечатление, увлечь слушателей, завладеть их вниманием и симпатией. Для этого ораторское искусство устанавливает правила

как по существу, так и по форме речи, но оно бессильно, если оратор не в состоянии дать благодаря своим знаниям действительно интересного содержания речи и если его слова не представляются для слушателей результатом искреннего; глубокого убеждения» (Тимофеев, 1897, 11–12).

Впоследствии идеи теоретиков судебного красноречия были развиты А.Ф. Кони в работе «Советы лекторам» (Кони, 1956, 107–115), в многочисленных работах о задачах прокуратуры и суда присяжных, воспоминаниях о судебных деятелях (Кони, т. 4, 1967; Кони, т. 5, 1968), П.С. Сергеичем (П.С. Пороховщиковым) в книге «Искусство речи на суде» (Сергеич, 1988).

Исследователи XIX века обычно относили красноречие к числу изящных искусств. Так, И.П. Войцехович писал: «Красноречие принадлежит также к числу изящных искусств и требует великого образования ума и других душевных способностей. Его определяют искусством выражать свои мысли на письме или на словах правильно, ясно и сообразно с целью говорящего или пишущего. Итак, материалы сего искусства суть: язык и письмо» (Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. I, 1974, 298). В риторических работах того времени авторы настойчиво требовали от речи единства формы и содержания, осознавая, что только правильное их соотношение может создать настоящее произведение искусства, имеющее воспитательное и образовательное значение.

Первую половину XIX века можно считать расцветом интереса к риторике, «золотым веком» риторической науки. Появление многих теоретических исследований, изучение законов речи способствовали развитию практического красноречия.

В последние десятилетия нашего века вновь возник интерес к ораторской речи. Среди ее исследователей известные ученые Г.З. Апресян, Н.Г. Белостоцкая, Ю.А. Бельчиков, Л.А. Введенская, В.В. Виноградов, В.П. Вомперский, Л.К. Граудина, И.А. Зимняя, О.А. Лаптева, А.А. Леонтьев, Г.И. Миськевич, Н.Г. Михайловская, А.Е. Михневич, Е.А. Ножин, В.В. Одинцов, Ю.В. Рождественский, В.П. Чихачев.

Можно выделить четыре аспекта исследования: нормативно-стилистический, функционально-стилистический, психолингвистический, теоретико-исторический. Нормативно-стилистический аспект связан с изучением ораторской речи с точки зрения нормативного использования всех уровней языка (орфоэпического, лексического, фразеологического, морфологического и синтаксического). Функционально-стилистический – с исследованием функционирования и оптимального использования в ораторской речи различных средств языка для эффективного выражения мысли. Психолингвистический аспект предполагает изучение ораторской речи с точки зрения соотношения между ее содержанием и намерением оратора, воздействия речи на слушателей, ее восприятия слушателями. Теоретико-исторический аспект связан с изучением развития родов и видов ораторской речи от их возникновения до наших дней.

Сейчас, когда развивается парламентское красноречие, изучение этих аспектов особенно актуально.

3. РОДЫ И ВИДЫ КРАСНОРЕЧИЯ

В начале XX века, после Октябрьской революции, в Петрограде был образован Институт живого слова. В его организации участвовали виднейшие литературоведы, лингвисты, деятели культуры – С.М. Бонди, А.В. Луначарский, В.Э. Мейерхольд, Л.В. Щерба, Н.А. Энгельгардт, Л.П. Якубинский и другие. В Институте были открыты три отделения: учебное, научное, просветительное, в задачу которых входила подготовка работающих со словом специалистов: преподавателей, писателей, ораторов, актеров.

Исторический и научный интерес представляет речь А.В. Луначарского 15 ноября 1918 г. на открытии этого Института. Она была по сути программой обучения живому слову в новом обществе. Идеи этого замечательного оратора и сегодня актуальны для теории и методики публичной речи. Анатолий Васильевич отмечал повышение роли живого слова в жизни народа. Он

усматривал одну из черт нового человека в умении публично выступать, излагать идеи и развивать социальные взгляды.

«Все формы политического творчества, – считал он, – идут через речь. Россия заговорила, и заголосила даже, и нам необходимо, чтобы этот разговор приобрел как можно скорее четкость, чтобы возможно было больше таких людей, которые бы говорили то, что они думают, которые умели бы влиять на своего ближнего и которые умели бы парализовать вред влияния, если это влияние демагогическое, если это злые чары, благодаря которым тот или иной ритор побивает словом» (Записки Института живого слова, 1919, 23). Луначарский красочно и убедительно характеризует социальную, психологическую, этическую, эстетическую и эмоциональную роль живой устной речи, призывает к ее внимательному изучению. Настоящее владение речью – это сложное искусство. «Дать возможность в споре, в доказательствах, в стремлении эмоционально потрясти другого человека, размерить вес, силу, остроту того слова, которое ты бросаешь, это и есть настоящее владение речью» (Записки Института живого слова, 1919, 15).

Богатый запас активной лексики, прекрасный голос, бойкая речь еще не означают, что человек владеет техникой выступления. «Умеет говорить человек тот, кто может высказать свои мысли с полной ясностью, выбрать те аргументы, которые особенно подходящи в данном месте или для данного лица, придать им тот эмоциональный характер, который был бы в данном случае убедителен и уместен» (Записки Института живого слова, 1919, 115). «Человек, который умеет говорить, т.е. который умеет в максимальной степени передать свои переживания ближнему, убедить его, если нужно, выдвинуть аргументы или рассеять его предрассудки и заблуждения, наконец, повлиять непосредственно на весь его организм путем возбуждения в нем соответственных чувств, этот человек обладает в полной мере речью» (Записки Института живого слова, 1919, 15). Как видим, в основе действенной речи лежат ясные аргументы. И не просто аргументы, а такие, выбор которых мотивирован ситуацией общения и составом аудитории. Эти аргументы должны

действовать не только логически, но и эмоционально. В таком случае они могут быть убедительными. И вторая особенность эффективной речи – ее психологическое воздействие на аудиторию, ибо только взволнованная, страстная речь, подтвержденная правильными аргументами, может рассеивать заблуждения, воздействовать в нужном направлении на слушателей. Слово, речь дают возможность «открыть свою душу и открыть для себя души других».

«Всякая речь, которая является настоящей, подлинной речью, которая вас потрясает, есть речь художественная; она переходит невольно в эту художественную форму. Речь художественна, если она ярка, если она заражена вашим чувством; и даже когда вы не заботитесь о том, чтобы возбудить в ваших слушателях определенное чувство, даже тогда, когда приводите только аргументы, – и тогда про вашу речь говорят, что это искусная аргументация, что он (оратор. – *Н.К.*) художественно, четко доказал /.../» (Записки института живого слова, 1919, 18). Художественная речь потрясает читателя своей глубиной, яркостью, образностью, возбуждает в нем эмоции. И ораторская речь также эмоционально действует на слушателя. Поэтому Луначарский на первый план выдвигает яркие, четкие аргументы, а также изобразительно-выразительные средства – основу художественности публичной речи. Анатолий Васильевич был мастером аргументации и изобразительности, что подтверждают все его выступления.

Живое, словесное общение – это и наука, и искусство; они представляют собой две стороны одной и той же медали. И только во взаимодействии, в соединении того и другого возможно процветание той части культуры, которая называется ораторским искусством. Эта мысль проходила через все выступления при открытии Института живого слова. Луначарский подчеркивал: «Надо учить говорить весь народ от мала до велика» (Записки Института живого слова, 1919, 23). Развитие речи тесно связано с физическим, умственным, этическим и эстетическим воспитанием человека. Только гармоничное развитие способствует становлению настоящего оратора.

В практике ораторского искусства, считал Луначарский, необходимо психологическое воздействие на слушателей: «/.../ Каждое слово после того, как оно было произнесено, вступает в особый мир, в психику другого человека через его органы чувств, оно вновь одевается в те же, как будто, одежды и превращается в эмоцию и идею внутреннего мира того ближнего, к которому я обращался с речью. Но у нас нет никаких гарантий того, что слово, как объективное явление в субъекте людей, к которым мы обращаемся, вызывает правильные результаты, что оно находит именно тот резонанс, которого мы хотим /.../. Следовательно, нам нужно приучить человека понимать внимающих ему и окружающих его, приучить проследить судьбу слова не только в воздухе, но и в душе тех, к кому слово обращено» (Записки Института живого слова, 1919, 14). Речь влияет на слушателей интеллектуально и эмоционально. Однако это влияние может быть действенным лишь в том случае, если выступающий хорошо знает психологию аудитории. И не только. Необходимо связать этот аспект с социальным аспектом, и сегодня мы можем полностью согласиться с выводом Луначарского, «что /.../ искусство речи глубоко психологично и глубоко социально, что не изучивши той общественной и психологической среды, в которой слово раздается как духовный символ, а не как простое физическое явление, нельзя, в сущности говоря, сказать, что ты умеешь говорить» (Записки Института живого слова, 1919, 14). Такова точка зрения Луначарского на ораторское искусство, которая представляет собой фактически программу и новый этап его исследования, поскольку к этому времени виды красноречия уже более или менее оформились.

В ораторском искусстве России XVII–XVIII веков обычно выделяют пять основных направлений: придворное красноречие, развивающееся в высших кругах дворянства; духовное красноречие; народное красноречие, особенно развивавшееся в периоды обострения классовой борьбы, во время которой вожаки крестьянских восстаний обращались с пламенными речами к народу; военное красноречие – обращения полководцев к солдатам; дипломатическое красноречие. Условия для развития ora-

торского искусства в России были крайне неблагоприятны: отсутствовал парламент, не существовало гласного суда, научные, лекторские выступления подвергались цензурному ограничению. Стремительное развитие красноречия начинается только со второй половины XIX века, что обусловлено историческим развитием общественной жизни страны.

В основе выделения родов и видов красноречия лежит фактор общественной сферы коммуникации, соответствующий основным функциям речи (общение, сообщение, воздействие). Сферы деятельности человека обслуживает, как нам представляется, и ораторская речь: научную сферу – лекция вузовская, научный доклад, научный обзор, научное сообщение или информация; деловую сферу – доклад (выступление) на съезде (собрании, конференции), дипломатическая речь, прокурорская (или обвинительная) речь, общественно-обвинительная речь, адвокатская (или защитительная) речь, общественно-защитительная речь, самозащитительная речь обвиняемого, речи на официальных церемониях; информационно-пропагандистскую сферу – доклад на социально-политические и политико-экономические темы, политическая речь, политическое обозрение, военно-патриотическая речь, митинговая речь, агитаторская речь, научно-популярная лекция, проповедь (слово); социально-бытовую сферу – юбилейная (или похвальная) речь, застольная речь (тост), надгробное слово (поминальная речь). Конечно, такое деление не имеет абсолютного характера. Например, доклад на социально-экономическую тему может обслуживать научную сферу (научный доклад), деловую сферу (доклад на конференции экономистов), информационно-пропагандистскую сферу (выступление пропагандиста в группе слушателей). По форме они также будут иметь общие черты.

Можно выделить следующие роды красноречия: социально-политическое, академическое, судебное, социально-бытовое, духовное (церковно-богословское). Род в ораторском искусстве – это часть красноречия, характеризующаяся общностью объекта речи, его разбора, оценки. Вид (жанр) является дальнейшей дифференциацией по еще более конкретным признакам.

Эта классификация носит ситуативно-тематический характер, так как, во-первых, учитывается ситуация выступления (в том числе и характер аудитории – ее состав, уровень образования и культуры, возрастной состав и т.п.), во-вторых, тема и цель выступления.

К **социально-политическому красноречию** относятся выступления на социально-политические, политико-экономические, социально-культурные, этико-нравственные, социально-бытовые темы, по вопросам научно-технического прогресса, отчетные доклады на собраниях, конференциях, съездах, дипломатические, политические, военно-патриотические, митинговые, агитаторские и парламентские речи. Некоторые виды красноречия могут носить черты официально-делового и научного стиля речи, так как составляются в соответствии с официальными документами, в них дается научный анализ. Основная цель социально-политических речей – дать информацию слушателям о каких-либо общественно значимых фактах и ситуациях. В этих публичных выступлениях содержится различная политическая, экономическая и другая информация, оцениваются текущие социально-политические события, даются рекомендации, ставятся и решаются различные задачи, сообщается собранию о проделанной работе, анализируются и оцениваются ее результаты, успехи, недостатки. Эти выступления могут быть посвящены актуальным вопросам времени и могут носить призывный, разъяснительный, программно-теоретический характер, связаны с внутрисоциальными и межгосударственными отношениями. Выбор и использование языковых средств зависит в первую очередь от темы и целевой установки речи. Для политических речей типа отчетного доклада общественной организации, инструктажа агитаторов и т.п. характерны, как уже отмечалось, стилистические черты, которые свойственны официальному стилю: безличность или слабое проявление личности, книжная окраска, функционально окрашенная лексика, политическая лексика, политические, экономические термины, аналитические сочетания. В других политических речах используются самые разнообраз-

ные изобразительные и эмоциональные языковые средства для достижения запланированного эффекта и цели выступления.

Политическое красноречие в России в целом было развито слабо. Лишь военное ораторское искусство достигло сравнительно высокого уровня. Не раз Петр I обращался к воинам. Выдающимся военным оратором был и полководец А.В. Суворов. Его беседы с солдатами, его речи и приказы, дошедшая до нас «Наука побеждать» наглядно показывают, как искусно владел он словом. Военным оратором был русский полководец конца XVIII – начала XIX века М.И. Голенищев-Кутузов. Он неоднократно обращался с речами к солдатам и народу, призывая их к борьбе с врагами Отечества 1812 г. Среди русских дипломатов-ораторов XVII–XVIII веков видное место занимает А.О. Ордын-Нащокин. Во второй половине XVIII века при Екатерине II выдвинулись талантливые дипломаты-ораторы – Г.А. Потемкин и Н.И. Панин. Обращались к народу с яркими речами руководители крестьянских восстаний – Петр Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачев. Это были ораторы из народа. Их речи не дошли до нас, но мы знаем о них по мемуарам, по «прелестным письмам» (воззваниям). Главная цель этих речей – возбудить ненависть к крепостникам, поднять народ на борьбу.

Талантливыми политическими ораторами были М.А. Бакунин, русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества, П.А. Кропоткин, русский революционер международного масштаба, участник многих событий в Европе, В.И. Засулич, одна из организаторов группы «Освобождение труда».

Пролетарскими ораторами были рабочий-ткач, активный участник революционного движения 70-х годов П.А. Алексеев и один из организаторов «Северного союза русских рабочих» С.Н. Халтурин. Перед многочисленной аудиторией нередко выступали рабочие-революционеры В.И. Прошин, Ф.А. Афанасьев, Е.А. Афанасьев, П.А. Заломов, И.В. Бабушкин. Их речи зажигали аудиторию.

В период подготовки и проведения Октябрьской революции развернулась деятельность революционных ораторов. Основной ареной стал митинг. Митинговая речь была краткой, исключительно эмоциональной, насыщенной полемикой. Красноречие политических ораторов воздействовало на слушателей, ораторы несли в массы новые идеи, новые представления о жизни и будущем.

Уже в первые годы установления советской власти активно выступали такие сложившиеся еще до 1917 г. политические ораторы, как И.Ф. Арманд, Н.И. Бухарин, С.М. Киров, А.М. Коллонтай, Н.К. Крупская, В.В. Куйбышев, В.И. Ленин, А.В. Луначарский, Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, М.С. Урицкий, М.В. Фрунзе, Г.В. Чичерин. Их речи имели особую прагматическую направленность.

В послевоенные годы выступали с пламенными речами в защиту мира наши деятели культуры. Интересны речи И.Г. Эренбурга на Пражском конгрессе сторонников мира, на сессии постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира в Стокгольме, на первой сессии Всемирного Совета Мира в Берлине, на второй сессии Всемирного Совета Мира в Вене, выступления А.А. Фадеева на форумах мира и перед деятелями культуры.

В наши дни стремительно развивается демократическое парламентское красноречие, в котором отражается столкновение различных суждений, борьба мнений и которое имеет свои правила и этические нормы, связанные с дискуссионным направлением речи.

Анализ речей политических деятелей и деятелей культуры позволяет увидеть все многообразие использования композиционных и языковых средств в выступлении. Стиль политического выступления – явление сложное, многогранное, оно складывается из многих черт, которые по-разному вступают во взаимоотношения друг с другом и играют разную роль в этой сложной системе. Речи этих ораторов, имея общие стилевые черты, присущие публичному выступлению, в то же время весьма индивидуальны по стилю. Они увлекают нас содержанием,

большой эмоциональностью, блестящим слогом. Сравнивая эти выступления, мы полнее осознаем своеобразие системы политической речи.

Ценность в речах ораторов выразительных средств как элемента формы, в первую очередь средств эмоциональности, образности и элементов композиции, определяется характером связи этих средств с содержанием, видом и целями выступления. Эти средства не играют роль украшения, которое можно механически переносить из речи в речь или без которого можно бы вообще обойтись. Они выступают в системе, конструируя выступление. Стиль выступлений каждого оратора разнообразен и по форме речи, и по словарю, и по средствам художественности, и по композиции.

Академическое красноречие (лекция вузовская, научный доклад, научный обзор, научное сообщение, научно-популярная лекция) – род речи, помогающий формированию научного мировоззрения, отличающийся научным изложением, глубокой аргументированностью, логической культурой. Виды этого красноречия характеризуются большой информативностью, познавательной направленностью, логичностью суждений, в них сообщаются новые или рассматриваются уже известные для слушателей факты, обобщаются проведенные исследования, результаты поисков, экспериментов, проявляются принципиально новые подходы к известным явлениям. Академическое красноречие представляет собой активное средство гражданского воспитания, развития логического и творческого мышления слушателей, средство эстетического воздействия на них.

Лекторское красноречие – это искусство, и выдающиеся профессора всегда оставляли глубокий след в сердцах своих учеников. Вот что писал, например, Р.К. Баландин о В.И. Вернадском: «/.../ Чем определяется мастерство лектора? Каковы критерии этого? На что более должна походить лекция: на яркий фейерверк, вызывающий восторг у слушателей, или на посев, результаты которого вызревают не вдруг, исподволь, подчас незаметно, но плодотворно? Казалось бы, для Вернадского вопрос этот решался однозначно: лекция, сообщение, до-

клад – один из способов передачи информации /.../ В действительности было не совсем так. Ученый хорошо понимал: всякое публичное выступление, даже посвященное научным проблемам, несет элемент искусства. Он заботился об организации материала лекции, стиле и тональности изложения, с тем, чтобы держать слушающих в напряжении и в то же время не утомлять монотонном» (Живое слово науки, 1981, 28–29).

В России академическое красноречие сложилось в первой половине XIX века с пробуждением общественно-политической мысли. Однако еще в XVIII веке Е.Р. Дашкова, руководитель Академии наук и президент Российской академии, в состав которой входил Академический университет, вводит чтение лекций и даже просит у Екатерины II разрешения открыть общедоступные курсы по основным отраслям наук для всех желающих «на российском языке», что будет способствовать распространению просвещения. И ежедневно в течение четырех летних месяцев крупнейшие специалисты читают публичные лекции по основным отраслям науки: С.К. Котельников – математику, Н.Я. Озерецковский – естественную историю, Н.П. Соколов, Я.Д. Захаров – химию, В.М. Севергин – минералогию, А.К. Кононов, М.М. Гурьев – физику. Успех курсов был огромен. В первой своей речи на заседании ученых Дашкова выразила надежду, что наука распространится из Академии по всему Отечеству.

В 40–60 годы XIX века на многие университетские кафедры приходят молодые ученые, воспитанные на идеалах декабристов и европейских революций. Это совпадает с мощным общественно-политическим подъемом в России. Университетские кафедры становятся общественной трибуной для проповеди передовых идей.

Один из выдающихся ученых, общественных деятелей и лекторов первой половины XIX века – Т.Н. Грановский, профессор Московского университета, с именем которого связывают развитие гражданских традиций в русской лекторской школе. Его лекции стали крупнейшим общественно-политическим явлением того времени. Публичные выступления Т.Н. Грановского по истории Западной Европы, ежегодные курсы по всеобщей

истории в Московском университете пользовались огромной популярностью. Главным предметом исследований ученого была история западноевропейского средневековья. Но его интересы были гораздо шире, охватывали также древнюю, новую и новейшую для того времени историю, живо интересовался он и отечественной историей, ее методологическим осмыслением, связью прошлого с современными вопросами. Профессор А.Л. Панина говорила об ученом: «Т.Н. Грановский был прирожденным оратором. Он и сам чувствовал и сознавал это свое призвание. «Что такое дар слова? – писал он друзьям. – Красноречие? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убеждения». И трудно выразить это точнее /.../ «Художником на кафедре» называл Т.Н. Грановского профессор К.Д. Кавелин, с актером сравнивал русский историк профессор М.С. Соловьев /.../ Все лекции Т.Н. Грановского были очень эмоциональны и художественны /.../ Каждая его лекция воспринималась как законченное художественное произведение» (Этюды о лекторах, 1974, 20–22).

Как замечательный лектор и автор знаменитого курса истории известен В.О. Ключевский – русский историк второй половины XIX – начала XX века. Академик М.В. Нечкина писала о В.О. Ключевском: «Глубокое знание предмета и художественные особенности мышления позволяли Ключевскому как бы видеть то, о чем он говорил. Он конкретно представлял себе прошлое и воссоздавал в воображении слушателей, но не просто как «картинку», а как основу своего научного вывода. Он проникал в строй старой жизни и зримым образом познавал ее. Он, по мнению современников, владел даром «художественного внушения» (Этюды о лекторах, 1974, 51).

Гражданские традиции, утверждаемые Т.Н. Грановским, получили дальнейшее развитие в лекторской деятельности многих ученых. Видными представителями русской лекторской школы были С.М. Соловьев, И.М. Сеченов, Д.И. Менделеев, П.Ф. Лесгафт, А.Г. Столетов, К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман, Н.И. Вавилов, И.И. Соллертинский и многие дру-

гие. Замечательные выступления этих ораторов захватывали аудиторию, мощно влияли на них.

Судебная речь призвана оказывать целенаправленное и эффективное воздействие на суд, способствовать формированию убеждения судей и присутствующих в зале суда граждан. Обычно выделяют прокурорскую, или обвинительную, речь и адвокатскую, или защитительную, речь. К ним примыкают общественно-обвинительная и общественно-защитительная речи, а также самозащитительная речь, которые в судебном процессе занимают второстепенное место. Они произносятся сравнительно редко и по содержанию примыкают к двум основным.

Русское судебное красноречие начинает развиваться во второй половине XIX века после судебной реформы 1864 г. с введением суда присяжных. Судебные речи талантливых русских дореволюционных юристов С.А. Андреевского, А.Ф. Кони, В.Д. Спасовича, К.К. Арсеньева, А.И. Урусова, П.А. Александрова, Н.И. Холева, В.И. Жуковского, Н.П. Карабчевского, К.Ф. Хартулари, Ф.Н. Плевако с полным правом называют образцами судебного красноречия. Одни ораторы, например Н.П. Карабчевский, А.Ф. Кони, П.А. Александров, В.Д. Спасович, Н.И. Холев, дают детальный разбор обстоятельств дела, подробно анализируют доказательства, умело подбирают аргументы, убедительно обосновывают выводы. Другие ораторы блестяще владеют полемикой с обвинителем, таковы речи В.Д. Спасовича, К.К. Арсеньева. В речах С.А. Андреевского, А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, А.И. Урусова, К.Ф. Хартулари находим тонкий психологический анализ событий, характера и действий подсудимого.

Дореволюционное судебное красноречие, отражая объективный подход к исследованию обстоятельств дела, пронизано глубоким психологизмом, поскольку ораторы старались сильно воздействовать на чувства присяжных заседателей и слушателей. Доказательная сторона судебной речи в настоящее время приобретает гораздо большее значение, чем психологический анализ. Советская адвокатура выдвинула немало талантливых судебных ораторов (И.Д. Брауде, Л.А. Ветвинский, С.К. Казна-

чеев, Я.С. Киселев, В.Л. Россельс и др.), создавших и разработавших принципы и стиль судебной речи.

Судебный процесс – это разбирательство уголовного или гражданского дела, исследование всех материалов, связанных с ним, которое происходит в обстановке поисков истины, борьбы мнений процессуальных оппонентов. Его конечная цель – вынести законный и обоснованный приговор, для того чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден. Достижению этой цели способствуют обвинительная и защитительная речи. Судебные прения представляют собой полемику по материалам конкретного дела и помогают суду лучше разобраться в фактических и юридических обстоятельствах дела.

Прокурор, являясь представителем органов надзора, в судебном заседании выступает государственным обвинителем, защитником интересов общества и государства, и его основная процессуальная задача – помочь суду правильно оценить как отягчающие, так и смягчающие ответственность подсудимого обстоятельства, вынести законный, справедливый приговор.

Адвокат, являясь защитником законных прав подсудимого, должен проанализировать материалы дела с точки зрения защиты, доказать невиновность подзащитного или меньшую степень виновности, вменяемой органами предварительного расследования, а также проанализировать причины совершения преступления и смягчающие вину обстоятельства.

Обвинительная речь прокурора и защитительная речь адвоката служат выяснению истины, вынесению справедливого приговора, в чем и состоит ближайшая цель судебной речи. Чем глубже и убедительнее проанализированы в речи обстоятельства дела, тем большее влияние оказывает она на выносимый судом приговор. Выяснить, доказать, убедить – три взаимосвязанные функции, определяющие содержание судебного красноречия.

К **социально-бытовому красноречию** относится юбилейная речь (посвященная знаменательной дате или произнесенная в

честь отдельной личности, носящая торжественный характер), приветственная речь, застольная речь (произносимая на официальных, например дипломатических, приемах, а также речь бытовая), надгробная речь, посвященная ушедшему из жизни, например, речь В.И. Ленина «Памяти Я.М. Свердлова» на заседании ВЦИК от 18 марта 1919 г.

Одним из видов социально-бытового красноречия было придворное красноречие, для которого характерно пристрастие к высокому слогу, пышным, искусственным сравнениям и метафорам. На этот вид красноречия сильно повлиял классицизм, господствовавший в то время в литературе и искусстве. Приведем в качестве примеров несколько речей подобного типа. «Слово похвальное блаженной памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26-го дня 1755-го года» М.В. Ломоносовым (Греч, ч. II, 1830, 236–266), – светская речь, относящаяся к панегирикам, составлена в лучших традициях этого вида ораторского искусства. Речь выдержана в торжественном стиле. Иногда эта торжественность, даже витиеватость, достигает такой степени, что затемняет содержание. Сначала Ломоносов долго восхваляет Елизавету, вступившую на престол после смерти Петра I: «Священнейшее помазание, и венчание на Всероссийское Государство всемилостивейшей Самодержицы нашей празднуя, слушатели, подобное видим к ней и к общему отечеству Божие снисхождение, каковому в ее рождении и в получении отеческого достояния чудимая» (Греч, ч. II, 236). После восхваления Елизаветы Ломоносов сказал: «Итак, когда несравненная государыня наша предзнаменованное в рождении, полученное мужеством, утвержденное победоносным венчанием и украшенное преславными делами отеческое царство возвысила: то по справедливости всех дел и похвал его истинная наследница. Следовательно, похваляя Петра, похвалим Елисавету» (Греч, ч. II, с. 240). Такой ход позволил оратору перейти к рассказу о Петре I. И далее в таком же высоком стиле перечисляются заслуги Петра I: распространял знания, науки, развивал военное дело, защищал отечество и т.д. Довольно подробно в пространной речи обрисовывается облик Петра I. И заключение таково:

«А ты, великая душа, сияющая в вечности и героев блистанием помрачающая, красуйся! Дщерь твоя царствует, внук наследник, правнук по желанию нашему родился; мы тобою возвышены, укреплены, просвещены, обогащены, прославлены. Прими в знак благодарности недостойное сие приношение. Твои заслуги больше, нежели все силы наши!» (Греч, ч. II, 265). В таком же стиле М.В. Ломоносов произнес «Слово похвальное Государыне Императрице Елисавете Петровне» 26 ноября 1749 г. (Греч, ч. II, 266–287).

Таким же высоким стилем пользовался Н.М. Карамзин в панегирике «Победы Екатерины М» (Греч, ч. II, 287–304) и в «Речи, произнесенной в собрании Российской Академии, декабря 5-го 1818 года», которая посвящена делам Академии, распространяющей науку и культуру в России (Греч, ч. II, 316–327). Последняя речь отличается от предыдущих менее возвышенным стилем, оратор дает подробный и деловой анализ работы Академии. Однако, поскольку речь панегирическая, она не лишена мест возвышенных, но в основном это объективированное изложение. Например: «Но деятельность Академии, при новых местных знаках монаршего к ней внимания, не должна ли, если можно, удвоиться? Изданием словаря и грамматики заслужив нашу благодарность, Академия заслужит, конечно, и благодарность потомства ревностным, неутомимым исправлением сил двух главных для языка книг, всегда богатых, так сказать, белыми местами для дополнения, для перемен необходимых по естественному, беспрестанному движению живого слова к дальнейшему совершенству» (Греч, ч. II, 318).

В XIX веке пышность утрачивается. Приведем в качестве примера выступление С.А. Андреевского «Над могилой князя А.И. Урусова». Начало речи: «Благодарю вас, товарищи, что вы предоставили мне говорить первым, как ближайшему другу покойного. Не думал я, чтобы мне, когда бы то ни было, пришлось произносить надгробное слово, но вот что случилось» (Андреевский, 1909, 593). Далее – небольшое воспоминание об Урусове, его оценка («лицо историческое», «первосоздатель русской уголовной защиты»), его сопоставление с известными адвокатами,

оценка его выступлений в качестве защитника и действенности его речей. Конец речи – прощание с покойным. Надгробная речь обычно речь краткая.

Речь С.А. Андреевского на юбилее В.Д. Спасовича 31 мая 1891 г. начинается с обращения: «Владимир Данилович! Я бы мог в вас приветствовать все, что угодно, – только не юбиляра. Простите мне мою ненависть к времени! Вы глава нашей адвокатуры, славный ученый, большой художник, вечно памятный деятель, – лично для меня: дорогой друг и человек, – все, что хотите, – но только не завоеватель двадцатилетней пряжки, не чиновник – юбиляр! Упаси боже!» (Андреевский, 1909, 584). А затем – свободная импровизация: об итоге жизни (юбилее), отношении Спасовича к искусству и его творчестве («Вы – поэт», «Ваш сильный язык поучал», «Ваши слова западали в чужие сердца...»).

Для речей подобного типа, как кажется, характерен свободный план изложения и освещение разных сторон личности. Их объединяет одно: говорится лишь о положительных сторонах личности, то есть это – панегирики.

Духовное (церковно-богословское) красноречие – древний вид красноречия, имеющий богатый опыт и традиции. Выделяют проповедь (слово), которую произносят с церковного амвона или в другом месте для прихожан и которая соединяется с церковным действием, и речь официальную, адресованную самим служителям церкви или другим официальным лицам.

После того как князь Владимир Святославович в 988 г. крестил Русь, в истории древнерусской культуры начинается период освоения духовных богатств христианских стран, главным образом Византии, создание оригинальных памятников ораторского искусства. В форме ораторского слова в Древней Руси впервые высказаны многие важные политические, философские идеи, много написано о психологии, эстетике, красоте духовной, милосердии, нравственности и других культурных и жизненных вопросах, ораторы стремились осмыслить факты действительности, историю своего народа и государства.

Уже в ораторской речи Киевской Руси выделяют два подвита: красноречие дидактическое, или учительное, которое преследовало цели морального наставления, воспитания, и панегирическое, или торжественное, которое посвящено знаменательным церковным датам или государственным событиям (см. Красноречие Древней Руси, 1987). В речах отражается интерес к внутреннему миру человека, источнику его дурных и хороших привычек. В них осуждаются такие пороки, как болтливость, лицемерие, тщеславие, сребролюбие, гнев, гордыня, пьянство. И, наоборот, прославляется мужество, мудрость, правда, целомудрие, милосердие, трудолюбие, чувство любви к Родине, чувство национального самосознания.

Приведем в качестве примера отрывок из наказа-поучения «12-го слова» митрополита Московского Даниила (XVI в.): «Возвьсь свой ум и обрати его к началу пути твоего, от чрева матери твоей, вспомни годы и месяцы, и дни, и часы, и минуты – какие добрые дела успел совершить ты? Укрепи себя смирением и кротостью, чтоб не рассыпал враг добродетели твои и не лишил бы тебя царского чертога! А если же ты злое и пагубное для души творил – кайся, исповедуйся, плачь и рыдай: в один день по блуду согрешил ты, в другой – злопамятством, в третий – пьянством и обжорством, потом еще и подмигиванием и еще – клеветой и осуждением, и оболганием, и роптанием, и укорами. И сколько дней еще проживешь, – все прилагаешь к старым грехам новые грехи.

Больше всего позаботься о том, чтобы избегать греха. Возьми себе за правило: заставь себя не согрешить ни в чем один только день; вытерпев первый, и другой прибавь к нему, потом третий, и мало-помалу обычным это станет – не грешить и, уклоняясь, бежать от греха, как убегают от змеи» (Красноречие Древней Руси, 1987, 278–279).

Видными ораторами петровской эпохи были служители церкви Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Первый выражал интересы противников петровских реформ, второй был активным борцом за дело Петра I. Речи Стефана Яворского, как и речи других церковных ораторов того времени, отличались изысканностью формы, большим количеством отступлений,

развитием побочных линий, эмоциональной манерой произнесения. Феофан Прокопович – талантливый ученый, публицист, церковный и общественный деятель, убежденный сторонник церковных преобразований. В отличие от Стефана Яворского он избегал искусственных аллегорий, туманных символов, отхождений от основной темы. Его речи обладают четкой, логически обоснованной структурой, деление на части всегда обусловлено содержанием.

Замечательные образцы духовного красноречия – «Слово о законе и благодати» Илариона (XI в.), проповеди Кирилла Туровского (XII в.), Симеона Полоцкого (XVII в.), Тихона Задонского (XVIII в.), митрополита Московского Платона (XIX в.), митрополита Московского Филарета (XIX в.), Патриарха Московского и всея Руси Пимена (XX в.), митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (XX в.).

В качестве примера можно назвать речи и слова, помещенные в «Учебной книге русской словесности» Н. Греча: «На коронацию императора Александра I» Платона, «Речь на прибытие Екатерины II в Мстиславль» Георгия, «Слово, при совершении годовичного поминовения по воинам, на брани Бородинской живот свой положивших» Августина, «Речь на погребение Самуила, Митрополита Киевского» Иоанна Леванды (Греч, ч. II, 192).

Духовное красноречие изучает наука о христианском церковном проповедничестве – гомилетика. Главное, чем занимается гомилетика, – предмет и природа проповеди, существенные черты ее содержания и метода, ее изложение, построение и произнесение, воздействие на паству, место пастырского учительства.

Следует иметь в виду, что большую часть в любом роде красноречия составляют общеязыковые, межстилевые средства. Однако основа каждого рода имеет специфические языковые черты, которые составляют микросистему с одинаковой стилистической окраской. Речевая системность родов красноречия не означает, что они изолированы друг от друга. Наоборот, как и функциональные стили, они не образуют замкнутых систем, между ними существует широкое взаимодействие, границы между ними подвижны. Особенно это касается первых двух

родов красноречия: их тематика (объект речи) не всегда поддается четкой дифференциальной характеристике. Они перекрещиваются по тематике, предмет (объект) речи может быть одним и тем же, например, проблемы экономики могут рассматриваться в докладе и в лекции. Три следующие рода красноречия определены по тематике более четко.

По другому основанию можно выделить строго рациональный, логизированный стиль, лишенный образности, так называемый автологический (автология – употребление слов в собственном значении); эмоционально насыщенный, экспрессивный, темпераментный, построенный на использовании образности, так называемый металогический (металогия – употребление слов в переносном значении); средний, синтетический, в котором сливаются черты первого и второго стилей. Примером первого стиля могут служить некоторые речи Г.В. Чичерина, второго – А.В. Луначарского, третьего – С.М. Кирова. В основу данной классификации положен логико-экспрессивный принцип. Впрочем, эта классификация тесно переплетается с предыдущей классификацией, составляя с ней единое целое.

Необходимо помнить, что выделение родов и видов ораторской речи обусловлено их функциональным аспектом, определенной сферой деятельности людей, организацией языковых средств, а также приоритетными целями из тех, которые ставит себе оратор: информировать, убедить, воодушевить, призвать к действию, наконец, заинтересовать.

Истинная ораторская речь, являясь средством познания и просвещения, развития духовности и укрепления нравственности, воспитания людей в духе гуманизма и добра, связана с нашей историей, развитием общества и культурой.

Современные виды ораторской речи представляют собой сложную систему, которая развивалась и совершенствовалась на протяжении веков, отражая исторические процессы в обществе. Многообразие видов не поддается строгому, а тем более абсолютному разграничению. Имеются некоторые переходные формы. Однако и представленная здесь классификация достаточно точно и полно определяет эти роды и виды и знакомит нас с их системой.

Глава вторая

ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ КАК ПРОЦЕСС: ОТ ЗАМЫСЛА К ВОПЛОЩЕНИЮ

1. ЭТАПЫ РАБОТЫ НАД ВЫСТУПЛЕНИЕМ

Ораторская речь, являясь сложным творческим процессом, – речь подготовленная и требует большой, упорной работы. Конечно, эта работа у каждого оратора индивидуальна и зависит от особенностей его психики, опыта, аудитории, вида красноречия. Скажем, чтобы произнести митинговую речь, нужна одна система подготовки, а для чтения научно-популярной лекции – другая. После выступления на митинге вопросы не задают, а на научно-популярной лекции их задают всегда. Однако существуют общие принципы работы оратора, которые могут учитываться, конечно, в разной степени при подготовке разных видов речи. Подготовка (докоммуникативная фаза) включает в себя два этапа: первый – определение вида, темы, цели, названия выступления и оценка состава слушателей, обстановки, в которой будет произноситься речь; второй – составление плана, отбор теоретического, фактического материала, работа над ним и одновременно работа над языком, стилем речи, композиционно-логическим расположением ее частей. Таким образом, перед оратором стоят три взаимозависимых вопроса: что сказать, где сказать и как сказать. Следует выделить репетицию (предкоммуникативная фаза), собственно произнесение (коммуникативная фаза), куда входят также ответы на вопросы и, если необходимо или запланировано, ведение дискуссии, а затем – последующий анализ и оценка своего выступления (посткоммуникативная фаза), для того чтобы учесть его достоинства и недостатки, скорректировать дальнейшие выступления.

Разработка речи начинается с уяснения ее темы, главной идеи, центральной мысли. Как правило, тему определяет не сам оратор, а те, кто приглашает его выступить. Иногда она

определяется ситуацией. В некоторых же случаях оратор имеет возможность сам назвать тему. Конечно, тема должна быть актуальной, интересной, конкретной, вызванной потребностями жизни; она должна быть четко сформулирована, быть доступной и привлекать внимание слушателей. Тема не должна быть перегруженной проблемами, слишком широкой: достаточно взять для освещения два-три вопроса, объединенных одной идеей.

Направленность речи зависит от ее целевой установки, точное определение которой позволяет оказывать воздействие на аудиторию. Цели могут быть разными. Например, на лекции по математике мы ставим перед собой основную цель – информировать слушателей, то есть научить их, дать им определенные сведения по интересующим их математическим проблемам. В речи на митинге мы стараемся воздействовать на слушателей, сформировать у них убеждения, представления, знания, идеи, которые станут мотивами поведения людей, определяющие их отношение к действительности. Большую роль в речи играет внушение – различные способы словесного эмоционально окрашенного воздействия на слушателей для создания у них определенного состояния или побуждения к определенным действиям. Чаще всего цели перекрещиваются, то есть выступление преследует цель – информировать слушателей и воздействовать на них. Отсюда и задачи оратора: привлечь внимание слушателей, удержать это внимание на протяжении всей речи, увлечь своей речью, зажечь их, дать информацию, знания, призвать слушателей к действию, а в итоге – сформировать стереотип поведения. Обратимся, например, к докладу А.М. Коллонтай на XIII съезде РКП(б) 22 марта 1919 г. «О работе среди женщин». В начале доклада оратор привлекает слушателей, особенно женщин, прямой постановкой вопроса о их роли в строительстве новой жизни: «Конечно, мне не придется доказывать вам важность включения женщины-работницы и крестьянки в нашу борьбу и строительство. Весь вопрос заключается не в том, надо ли это или не надо, а в том, как это осуществить» (Коллонтай, 1972, 268). Затем Коллонтай удерживает внимание слушателей, увлекает их изложением своего плана, как привлечь женщин к

строительству новой жизни. Прежде всего необходимо раскрепостить их, облегчить их жизнь: построить ясли, дома материнства, общественные столовые, прачечные и т.д. Выдвигать женщин на руководящую работу, обучать их. Все эти идеи были в то время близки людям, поэтому они слушали доклад с большим интересом.

Чаще всего название выступления или фиксировано, например академические лекции, или предлагается его организаторами, или связано с ситуацией (судебное красноречие). Оно должно быть конкретным, кратким, уместным, отражать функции, которые ему присущи. Это функции – номинативная (назывная), информативная, убеждения, рекламная, конспективная. Оптимальное название совмещает в себе две-три функции, так как эти функции не изолированы друг от друга. Номинативная, или назывная, функция связана с выделением данного явления в ряду других однотипных явлений, то есть название выделяет речь из ряда других речей. К этой функции близка информативная функция, которая и является основной, преобладающей над всеми другими функциями: названием выражается содержание речи. Например, эти две функции имеют названия судебных речей. Ср. у А.Ф. Кони: обвинительная речь по делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем, обвинительная речь по делу о расхищении имущества умершего Николая Солодовникова, обвинительная речь о подлоге расписки в 35 тысяч рублей серебром от имени княгини Щербатовой (Кони, т. 3, 1967, 23–77). Функции и структура названий этих речей определяются сущностью и традициями судебного красноречия. Функция убеждения заключается в том, что название внушает слушателям основной вывод оратора, направляет мнение слушателей. Например, «Спасите природу!», «Мы – за разоружение!», «Активно вести перестройку!» Часто забывают об очень важной функции названия – рекламной. Рекламное название привлекает внимание слушателей, заинтересовывает, заинтриговывает их. Например, рекламно звучат такие названия: «Летающие тарелки: правда и вымысел», «Умеем ли мы считать

деньги?», «Тайны рецидива преступности», «Мафия – у нас», «Нужны ли нам атомные электростанции?»

Конспективная функция выполняется в совокупности всеми названиями частей речи. Внутренние названия дают краткий конспект содержания речи. Конспективная функция – это в то же время своеобразное преломление информативной функции в пределах целой речи. Например, лекция «Социальное управление» могла бы содержать такие подзаголовки: общество и проблема управления, понятие социальной информации, понятие социального управления, субъект и объект управления, типы социального управления, принципы социального управления, управления как фактор социального развития.

Итак, задачи названия речи можно определить следующим образом: сжато сообщить основное содержание речи, отделить ее от других однотипных выступлений, привлечь внимание слушателей и заинтриговать их, оказать на них определенное эмоциональное воздействие.

Следующий вопрос, который возникает перед оратором: оценка состава слушателей и обстановки. Неожиданная, непривычная обстановка может вызвать дискомфортное ощущение оратора, если он психологически не подготовит себя к ней. Поэтому по возможности следует обстоятельнее выяснить, где будет происходить выступление, вплоть до таких, казалось бы, мелочей, как количество слушателей, наличие микрофона, трибуны, стола, размер и интерьер зала, а также время выступления (утро, вечер), отношение выступления к другим выступлениям, если их несколько. От времени зависит самочувствие слушателей: вечером они придут после работы уставшие. Это следует иметь в виду и постараться по ходу выступления снять или, по крайней мере, уменьшить утомление за счет повышения интереса. Не можем мы игнорировать и предшествующие выступления: каждое последующее должно быть интереснее по содержанию и форме предыдущего, что связано с законами восприятия.

Готовя речь, необходимо представить себе, как воспримут ее слушатели и что им будет непонятно. Широко известны слова В.И. Ленина, опытного оратора, что «нельзя говорить одинаково

во на заводском митинге и в казачьей деревне, на студенческом собрании и в крестьянской избе /.../» (Ленин, т. 21, 21).

Успех воздействия оратора на аудиторию зависит не только от его личных качеств, но и от состава слушателей и особенностей их восприятия. Оратору необходимо по возможности учитывать особенности конкретной аудитории и в процессе подготовки к речи, и во время ее произнесения, постоянно корректируя ее в зависимости от реакции слушателей. Несомненно, требуется дифференцированный подход к ним. Оратор может почувствовать и учесть все моменты, построив соответствующим образом свою речь. Но это зависит, конечно, от опыта и профессиональной подготовки выступающего. Мы оцениваем аудиторию по нескольким параметрам: социально-профессиональный состав (рабочие, учителя, инженеры и т.д.), культурно-образовательный уровень (среднее, высшее образование) и направление образования (гуманитарное, негуманитарное), возраст, пол, национальность. И самое главное – однородность и неоднородность аудитории по всем параметрам. Разумеется, наиболее тяжело выступать перед неоднородной аудиторией.

Эффективность речи возрастает, если она предназначена не аудитории вообще, а определенным группам людей, которые имеют свои интересы, цели. Поэтому следует прежде всего учитывать мотивы, которые привели слушателей в аудиторию: интеллектуальные, моральные, эстетические. Необходимо учитывать также настроение слушателей, их физическое состояние, отношение к теме выступления и к оратору, степень их осведомленности в вопросах, обсуждаемых оратором.

Практика показывает, что весьма сложная аудитория – молодежная. Ведь интеллектуальные и физические изменения, которые происходят в молодости, противоречивы: с одной стороны, проявляется объективное отношение к действительности, положительная оценка людей, удовлетворенность своим положением, с другой, – крайний субъективизм, отрицание всего, болезненное самолюбование. Поэтому наиболее эффективны для молодежи эмоциональные речи, хотя для всех возрастных групп необходима и логическая убедительность речи, лаконичность

и точность изложения мысли. Взрослые же предпочитают логическое развитие мысли, на первом месте у них аргументированность, доказательность изложения, хотя ценят они и эмоциональность изложения, которая, правда, отходит на второй план.

Исследователи А.А. Завтур и А.И. Тимуш выделяют пять основных типов аудитории устной пропаганды. Первый тип – это трудовой коллектив, который отличается непосредственным контактом людей, высоким уровнем общения, наличием ряда традиций, коллективных мнений, установок, профессиональных интересов, ценностных ориентаций. Можно выделить множество разновидностей, например производственный, научный, учебный коллективы. Второй тип – аудитории системы экономического образования, различных кружков, курсов, семинаров. Состав слушателей этих подразделений по своим социально-демографическим и психологическим характеристикам более или менее однороден. Третий тип – аудитория однородная по образованию, возрасту, профессиональному составу, уровню информированности. Сюда входят специалисты, интеллигенция (с высшим и средним специальным образованием), руководящие работники различного уровня (партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные), лекторы. Этот тип характеризует большая избирательность к информации, самостоятельность суждения и оценок, сложившаяся точка зрения, высокие требования к оратору. Четвертый тип – молодежь в возрасте от 15 до 30 лет. Для этого типа характерно стремление к знаниям, содержательному творческому труду, социальной активности. Слушатели предъявляют высокие требования к содержанию, ставят острые вопросы, склонны к дискуссиям, чутко реагируют на актуальность информации и эмоциональность речи. Пятый тип – люди пожилого возраста, пенсионеры, которые активно участвуют в оценках явлений и фактов; обладая большим жизненным опытом, они требовательны к достоверности информации (Завтур, Тимуш, 1984, 12–20). Конечно, эта классификация относительна, поскольку в своем чистом виде эти типы встречаются не так часто.

Могут быть и другие критерии выделения типов аудитории: например, с учетом мотивов посещения выступления. Во-первых, интеллектуально-личностная ориентация, которая характеризует слушателей, стремящихся к удовлетворению своих духовных запросов; эти слушатели хорошо разбираются в вопросах общественной жизни, у них самостоятельная оценка различного рода информации. К ним относятся инженеры, учителя, врачи, рабочие, студенты. Во-вторых, интеллектуально-профессиональная ориентация, которая связана с профессиональными интересами и повышением квалификации. Слушатели хорошо информированы в области экономической, политической и культурной жизни, воспринимают информацию как специалисты. В-третьих, интеллектуально-бытовая ориентация, которая характеризует слушателей, стремящихся заполнить свой досуг, приходящих послушать выступления в связи с какими-либо бытовыми, семейными нуждами. Эффективность речи зависит, таким образом, от учета интересов, потребностей, восприятия слушателей и от мастерства выступающего.

Следующий этап – работа над теоретическим, фактическим материалом и составление самой речи, то есть ее композиционно-речевое оформление. Вначале целесообразно составить предварительный план, который в процессе работы будет уточняться. Собственно, предварительное обдумывание речи обычно и завершается созданием плана, более или менее конкретизированной схемы речи как целого.

Текст речи может быть написан или «составлен в уме» на основе проработанных материалов, на основе прошлых текстов или прошлого опыта выступающего. Пример тому – выступления А.В. Луначарского. Бывали случаи, когда тему доклада он узнавал чуть ли не в машине, по дороге на собрание. Так случилось в 1928 г. во время приезда А.М. Горького из Сорренто в Москву. В Большом театре приветствовать писателя поручено было А.В. Луначарскому, который узнал об этом лишь за сорок минут до выступления. Несмотря на это, речь по случаю приезда А.М. Горького – блестящий образец ораторского искусства. А когда некоторые, знавшие о внезапности этого выступления, по-

ражались такой импровизации, А.В. Луначарский отвечал: «Ну какая же импровизация? Ведь сколько я писал о Горьком еще до революции и, разумеется, продолжаю как критик заниматься его творчеством». Н. Луначарская-Розенель вспоминает: «Когда случалось, его уговаривали выступить на самую неожиданную тему (а отказываться он не любил и легко давал себя уговорить), он вынимал блокнот, снимал пенсне и, щурясь, писал несколько строчек своим мелким, неразборчивым почерком. «Ну что ж с вами делать? Вот моя шпаргалка готова». Он прятал блокнот и во время доклада почти никогда не заглядывал в него. Очевидно, пока Анатолий Васильевич писал, у него создавался план выступления, и он мог ограничиться такой «подготовкой» /.../

Как у пианиста-виртуоза сложнейший пассаж кажется легким, чем-то само собой разумеющимся, а на самом деле является результатом многолетнего упорного труда, так и ораторские выступления Луначарского помимо врожденного таланта требовали огромной предварительной работы, колоссального накопления знаний, умения мобилизовать эти знания» (Луначарская-Розенель, 1965, 7–9). Отсюда и возникает понятие «импровизация речи». Строго говоря, импровизированная речь – это речь, которая строится на основе хорошо подготовленного материала, знаний и прошлого опыта.

При подготовке речи можно написать ее полный текст, конспект, тезисы, развернутый план или краткий план. Опытный оратор может только в общих чертах продумать свою речь, наметить ее общую композиционно-смысловую линию.

Работа над речью невозможна без тщательного отбора и осмысления разнообразной информации. Ученые выделяют несколько типов информации, в том числе содержательно-фактуальную и содержательно-концептуальную (Гальперин, 1981, 26–50). Содержательно-фактуальная информация – это сообщение о фактах, событиях, процессах, явлениях, которые имели, имеют или будут иметь место в действительном или воображаемом мире, отношение к ним со стороны других людей. Содержательно-концептуальная информация – это выражение индивидуального, личного понимания отношений между фактами,

явлениями, событиями, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в нашей жизни, их взаимодействия, то есть концептуальный подход к фактам.

Степень насыщенности речи фактическим и теоретическим материалом зависит от ее вида, темы и состава слушателей. Одно дело академическая лекция, в которой разбираются какие-либо научные явления, другое – выступление на митинге, посвященном борьбе за мир, перед массовой аудиторией.

Умело подобранный фактический и цифровой материал обогащает речь, делает ее конкретной, предметной, доходчивой и убедительной. Факты выполняют две функции: иллюстрации положений речи и доказательства их правильности. «Факты, – писал В.И. Ленин, – если взять их в целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь» (Ленин, т. 30, 350).

Факты должны быть яркими, но не случайными, а типичными, отражающими суть явлений. К ним предъявляется также требование актуальности, практической направленности и значимости, достоверности и абсолютной точности, системности и связи с общей идеей речи, направленности на учет интересов и потребностей аудитории.

При подготовке к ораторской речи необходимо работать с разными источниками: трудами философов, социологов, историков, экономистов, документами, архивными материалами, различной специальной литературой, журналами и газетами, энциклопедиями и справочниками. Умелый отбор, систематизация и организация фактического и теоретического материала, выражение личного отношения к нему, оригинальность его интерпретации дают хорошие результаты: ораторская речь становится действенной, то есть активизирует внимание слушателей, влияет на их чувства, вызывает эмоциональное отношение к материалу, способствует эффективному его запоминанию, будит их творческую мысль.

Параллельно происходит работа над стилем изложения и композиционно-логическим расположением частей речи (об этом см. гл. IV).

Таким образом заканчивается докоммуникативная фаза, которую иногда называют «речь в себе», поскольку оратор накапливает необходимый материал, фиксируя его письменно или в своем сознании, осмысливает его, пропускает материал через свой интеллект, оформляет его в виде текста, частично или полностью проговаривая (как правило, внутренний монолог).

Закончив подготовку материала, полезно прочитать его, уточнить время его звучания, ориентируясь на соответствующий нормам публичного выступления темп. Это промежуточная (предкоммуникативная) фаза, которую иногда называют «речь для себя», то есть произнесение текста либо мысленно (внутренний монолог), либо вслух (внешний монолог). На этом этапе следует обратить внимание на технику произношения. Прежде всего на орфоэпию – образцовое литературное произношение, соответствующее произносительным нормам, а также на правильное ударение в словах. Следует иметь в виду, что, только читая книги, нельзя овладеть правильным русским произношением. Литературному произношению нужно учиться, внимательно вслушиваясь в произношение высокообразованных, культурных людей, владеющих правильной литературной речью, специально изучать нормы и пользоваться словарями и справочниками. Важно уметь слышать звучание своей речи, чтобы иметь возможность корректировать и совершенствовать ее. Следует обратить внимание и на дикцию – ясное, четкое, «чистое» произношение звуков. Имеет значение также интонация, то есть ритмикомелодическая сторона речи, служащая в предложении средством выражения синтаксических отношений во фразе и эмоционально-экспрессивной окраски. Составными частями интонации являются мелодика, осуществляемая повышением и понижением голоса, например, при произнесении вопросительного, восклицательного предложения; ритм – чередование ударных и безударных, долгих и кратких слогов; интенсивность – сила или слабость произнесения, связанные с усилением или ослаблением выдыхания, например, разная речь по интенсивности будет в комнатной обстановке и в большой аудитории. К интонации относится и темп – скорость протекания

речи во времени и паузы между речевыми отрезками. Слишком быстрая речь не позволяет слушателям вникнуть в содержание высказывания, слишком медленная речь также вызывает их раздражение. Большую роль играют паузы: они облегчают дыхание, позволяют обдумать мысль, подчеркнуть и выделить ее. Тембр – звуковая окраска, придающая речи те или иные эмоционально-экспрессивные оттенки, например интимный, веселый, иронический. Фразовое и логическое ударения служат средством выделения речевых отрезков или отдельных слов во фразе и также повышают выразительность речи.

Существуют три способа выступления: чтение текста, воспроизведение его по памяти с чтением отдельных фрагментов, свободная импровизация. Читают текст в следующих случаях: если он представляет собой официальное изложение, от формы и содержания которого нельзя отступать; если оратор «не в форме» (болен, плохо себя чувствует); если материал большого объема и совершенно новый для выступающего. Вообще же чтение по тексту не производит такого сильного впечатления, как живая речь, во время которой оратор смотрит на слушателей, а не на бумажки. Нет ничего более утомительного для слушателей, когда оратор, читая речь, перестает контролировать реакцию аудитории. Конечно, искусство свободной речи приобретается не сразу, а в процессе длительной работы и необходимых тренировок.

После речи могут быть вопросы, в которых иногда заключается прямая или скрытая полемика. Это наиболее трудная часть выступления, поскольку требует быстрой реакции оратора. Вопросы могут быть связаны с уточнением какого-либо факта или теоретического положения, с целью дополнения или разъяснения содержания, с оценкой оратором фактов или с его мнением относительно данной проблемы. Большое количество вопросов свидетельствует об интересе слушателей к выступлению.

Заключительный этап – тщательный анализ своего выступления. Эта самоучеба позволяет при достаточно критическом отношении к речи вскрыть ее недостатки, отметить достоинства, с тем чтобы учесть все это в последующей работе.

2. КНИЖНО-ПИСЬМЕННЫЕ СТИЛИ И ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ

При подготовке к выступлению оратор пользуется книжно-письменными источниками, поэтому ораторская речь тесно связана с функциональными стилями, которые в той или иной степени влияют на нее.

Проблема функциональных стилей, как отмечают многие исследователи, относится к числу центральных в стилистике и связана с функциями языка: общением, сообщением и воздействием. При помощи языка мы что-то сообщаем людям (функция сообщения), воздействуем на них (функция воздействия), передаем при непосредственном общении познавательную или аффективно-оценочную информацию (функция общения). Для выполнения этих функций исторически сложились так называемые функциональные стили – разновидности языка, каждый из которых характеризуется определенными лингвистическими признаками. Например, в стилях частично различаются лексический состав, фразеология, синтаксические конструкции.

Будучи тесно связанными с содержанием, целями и задачами высказывания, стили различаются между собой внутриязыковыми признаками: принципами отбора, сочетания и организации средств общенационального языка. Чаще всего выделяют стили официально-деловой (основная функция – сообщение), научный (основная функция – сообщение), публицистический (основная функция – сообщение и воздействие), литературно-художественный (основная функция – воздействие, а также эстетическая, без которой нет искусства), разговорный (основная функция – общение). Эти стили обслуживают соответственно деловую, научную, информационно-пропагандистскую, художественно-эстетическую, бытовую сферы человеческой деятельности.

Стили, выделяемые в соответствии с основными функциями языка, связанные с той или иной сферой и условиями деятельности человека, отличаются системой языковых средств. Образую эти системы, они имеют свои речевые особенности, взаимодействуют друг с другом, влияют друг на друга.

Книжные стили (а к ним относятся все, кроме разговорного) содержат межстилевые, нейтральные языковые средства (*город, дом, институт, человек, машина, говорить*) и характерные для них наборы языковых средств с однородной стилистической и функционально-стилевой окраской. Системность функциональных стилей заключается в том, что их языковые средства взаимосвязаны на основе обслуживания определенной сферы общения, выполнения необходимого коммуникативного задания, в результате чего образуется общая стилистическая окраска речи, которая выделяет данный стиль из группы стилей. Например, в научном стиле активизируются термины и слова, которые в контексте имеют наиболее обобщенно-отвлеченное значение. В художественной речи – слова, которые приводят к художественно-образной речевой конкретизации. Выделяется ряд факторов, влияющих на формирование стилей. В частности, факторы, связанные с сущностью языка, например форма общественного сознания и специфический для каждой формы сознания тип мышления: конкретно-образный или словесно-понятийный. На отбор языковых средств влияет также тематика и содержание речевых высказываний, форма проявления языка (письменная, устная), вид речи (монолог, диалог), способ коммуникации (массовая, личная), жанр речи (очерк, корреспонденция, интервью, рассказ, роман, докладная записка, резолюция, деловое письмо, автобиография, научная статья, научный реферат), способ изложения (описательный, рассуждающий), выражение авторской позиции (степень объективности или субъективности изложения), отсутствие или проявление авторской индивидуальности.

Официально-деловой стиль обслуживает сферу официальных деловых отношений, основная функция – информативная (сообщение, передача информации) проявляется главным образом в письменной форме, отличается многообразием жанров (например, законы, международные договоры, инструкции, официальные сообщения, заявления, справки, отчеты, протоколы, автобиографии и т.д.). Для этого стиля характерно наличие речевых стандартов (*комплексное развитие, темпы роста,*

развитие производства), общепринятой формы изложения, стандартного расположения материала (ср. заявления), широкое использование терминологии и номенклатурных наименований (*арендатор, потребитель, инструкция*), наличие особой лексики и фразеологии (*реализовать, изыскать, принять во внимание*), сложносокращенных слов и аббревиатур, отглагольных существительных и отыменных предлогов (*утверждение, распределение, возложение, разделение, в деле, в целях, в связи*), преобладание прямого порядка слов, сложных предложений, отражающих логическое подчинение одних фактов другим, почти полное отсутствие эмоционально-экспрессивных речевых средств, слабая индивидуализация стиля или полное ее отсутствие. Приведем в качестве примера официально-делового стиля фрагмент из «Всеобщей декларации прав человека» (Права человека. М., 1990, с. 134–135): «*Принимая во внимание*, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира; и

принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и

принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения; и

принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами /.../,

Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав

и свобод /.../». В этом отрывке мы видим все лингвистические признаки, о которых говорилось выше: наличие стандартов, много отглагольных существительных, отсутствует эмоционально-экспрессивная окраска, что создает сухость изложения, одно сложное предложение с большим количеством однородных членов и т.д.

Научный стиль обслуживает сферу научного знания, основная функция информативная, цель – доказательство истинности информации. Для этого стиля характерно наличие терминов, то есть слов или словосочетаний, служащих обозначением логически сформулированных понятий и тем самым несущих логическую информацию большого объема (*инфаркт, пролонгировать, плюрализм, синтез*), общенаучных слов (*система, значение, функция*), абстрактной лексики (*впечатление, мышление*). В научном стиле преобладает имя существительное, что объясняется номинативной направленностью научного стиля (главное – обозначить, описать явления), конкретные существительные в единственном числе приобретают обобщенное значение (*сосна – хвойное дерево*), немало отвлеченных и вещественных существительных приобретают форму множественного числа (*инициативы, нефти, смолы*), активно используются формы 1-го лица множественного числа в значении совместности, собственно авторском (лекторское «мы»), активны возвратно-безличные формы. Синтаксис логический, фраза отличается грамматической и логической полнотой, типичны осложненные и сложные конструкции, в которых преобладает выражение причинно-следственных отношений, с причастными и деепричастными оборотами. В научном стиле широко употребляются графики, таблицы, диаграммы, особые формулы, статистические данные. Он должен обеспечить ясность, точность, объективность, логичность, доказательность, сжатость изложения при сохранении насыщенности содержания. Приведем в качестве примера научного изложения фрагмент из учебного пособия А.Г. Спиркина «Основы философии» (М., 1988): «Мы не смогли бы справиться с обилием впечатлений, наплывающих на нас ежечасно, ежеминутно, ежесекундно, если бы непрерывно

не объединяли их, не обобщали и не фиксировали средствами языка. Для того чтобы выявить общее, необходимо отвлечься от того, что его заслоняет, вуалирует, а иногда и искажает. Научное обобщение – это не просто выделение и синтезирование сходных признаков, но проникновение в сущность вещи: усмотрение единого в многообразном, общего в единичном, закономерного в случайном. Примерами обобщения служит мысленный переход от понятия «ель» к понятию «хвойное растение», от суждения «механическая энергия превращается в тепловую» к суждению «всякая форма энергии превращается в иную форму энергии» (с. 305–306). В этом тексте проявляются многие признаки, перечисленные выше.

Публицистический стиль обслуживает сферу общественно-политических, общественно-экономических, социально-культурных и других общественных отношений, основные функции – сообщение и воздействие. Этот стиль проявляется в газетах, в общественно-политических и литературно-художественных журналах, в общественно-политической литературе, в материалах радио-, кино- и тележурналистики, отличается разнообразием и стилистической спецификой жанров (например, стиль хроникальной информации, интервью, репортажа, статьи, корреспонденции, очерка, фельетона). В публицистических произведениях рассматриваются и оцениваются многообразные явления современности, представляющие интерес для общества. В этом стиле используется все стилистическое богатство русского языка. Для него характерна экономия языковых средств, лаконичность и популярность изложения при информативной насыщенности; отбор языковых средств с установкой на их доходчивость и эффективную воспринимаемость; широкое использование общественно-политической лексики и фразеологии (*диктат, административно-командная система*), нейтральных и стилистически окрашенных средств, различного типа образных средств, в том числе новых метафор с оценочным значением (*реанимировать экономику*), слов и словосочетаний, типичных для публицистической речи (*равнодушное большинство*), оценочных слов (*оживленный, восторженный*), разго-

ворных и просторечных фразеологизмов, нередко обновленных (*бить баклуши, греть руки*), а также актуализация некоторой части лексики и словосочетаний, иногда использование всего богатства ресурсов словообразования, разговорного и экспрессивного синтаксиса (риторические вопросы и восклицания, параллелизм построения, повторы, инверсия и т.д.). Публицистика интенсивно вовлекает в свой оборот самые разнообразнейшие средства общенародного языка и его изобразительно-выразительные ресурсы, обогащая язык неологизмами, способствуя стабилизации норм литературного языка. Сильное влияние на публицистику оказывают другие функциональные стили. В настоящее время наблюдается воздействие на публицистический стиль разговорной речи, что можно считать явлением положительным, так как это повышает восприятие публицистических материалов. Приведем в качестве примеров два фрагмента из публицистических произведений. Первый – из материала А. Друзенко «О коллегах-кандидатах», опубликованном под рубрикой «Заметки публициста» («Известия», 4 февраля 1989 г.): «Перестройка – всего-то за несколько лет! – многое решительно изменила в общественном сознании. В том числе и представление о роли средств массовой информации в быстротекущей нашей жизни. Не буду здесь перечислять аргументы (они, что называется, у всех на виду, на слуху и на устах). Отмечу лишь факт, исторически для нас беспрецедентный: в ходе нынешней, трудной, во многом складывающейся как бы интуитивно, переменчивой и противоречивой избирательной кампании кандидатами в депутаты названы десятки журналистов. Знаменательно, что среди них не только (и даже не столько) руководители средств массовой информации (их избирали и в прежние времена), но именно журналисты (среди них, кстати, и шестеро известнейших).

Меньше всего в этом непривычном факте современной политической жизни видится повод для долгожданного удовлетворения эдакого узковедомственного, ремесленнического самолюбия. Все гораздо проще и... серьезнее. Не о чьих-то заслугах и популярности речь, не о талантах и поклонниках, а о важнейших процессах, идущих в недрах общественной жизни. Выдвиг-

гая наших коллег кандидатами в депутаты, люди подтверждают не только правильность, но и насущность курса на расширение гласности, на ее поддержку».

Второй фрагмент – из фельетона М. Лебедевой «Информация про баклуши» («Известия», 25 февраля 1989 г.): «Я никогда не думала, будто в подотделе кадров и учебных заведений системы Министерства финансов СССР бьют баклуши. Но когда я пришла туда и мне намекнули, что мы, мол, здесь не баклуши бьем, я не обиделась. Повторение – мать учения. Может быть, в этом отделе просто не знали, что я знаю, что они там не бьют баклуши.

Примерно в середине беседы мне с легким раздражением заявили, что отдел кадров и учебных заведений Минфина не стоит на месте. Я знала, что отдел не стоит на месте. Тем не менее я не обиделась. Может быть, отдел раздражен только потому, что у них нет информации, которая есть у меня. Информация такая: отдел не стоит на месте.

Да и кто сейчас стоит на месте? Всех сокращают, переименовывают, отправляют в инициативный поиск. Вот и подотдел кадров и учебных заведений недавно сократили, говорят, на целую четверть. Шестерым пришлось уйти. А если завтра попросят еще шестерых? После того, конечно, на месте не усидишь. Заерзаешь.

Когда служащий ерзает, у него как-то сам собою рождается трудовой порыв. Мысли приходят светлые, свежие, новаторские. Например, разослать вопросник. Всем, всем, всем. И затребовать отчетность. Ото всех, ото всех, ото всех. И сформулировать так, чтобы от ответа не уклонился. Никто, никто, никто».

Эти фрагменты содержат многие стилистические признаки, перечисленные выше. Если же сравнить между собой последние два примера (заметку и фельетон), то можно легко увидеть даже при весьма поверхностном анализе, что они имеют общие стилистические признаки, но в то же время отличаются стилистически друг от друга. Жанры, таким образом, особенно публицистические, могут иметь свои признаки внутри функционального стиля.

Художественно-беллетристический стиль (язык художественной литературы, художественно-литературный стиль) имеет функцию воздействия и эстетическую, поскольку художественная литература – явление искусства. Он имеет две основные разновидности – прозаическую речь и стихотворную речь и отличается разнообразием жанров. В этом стиле наиболее полно и ярко отражается литературный и шире общенародный язык во всем его многообразии и богатстве, становясь явлением искусства, средством создания художественной образности. В этом стиле представлены все структурные стороны языка: словарный состав во всем его смысловом разнообразии, со всеми прямыми и переносными значениями слов, грамматический строй отличается сложной и разветвленной системой морфологических форм и синтаксических типов. Художественно-беллетристический стиль включает в себя не только средства различной стилистической окраски (сниженные, высокие), но и элементы других функциональных стилей, социально-профессиональных жаргонов, диалектов, а также использует наиболее характерные особенности языка отдельных исторических эпох и народов, образуя эстетическую, художественную систему (ср. «Петр I» А. Толстого). В понятие художественной речи входит неповторимость и свежесть выражения при создании образов и неприменная индивидуальность стиля.

Вот два примера из художественной литературы: «Озеро около берегов было засыпано ворохами желтых листьев. Их было так много, что мы не могли ловить рыбу. Лески ложились на листья и не тонули.

Приходилось выезжать на старом челне на середину озера, где доцветали кувшинки и голубая вода казалась как деготь.

Там мы ловили разноцветных окуней. Они бились и сверкали в траве, как сказочные японские петухи. Мы вытаскивали оловянную плотву и ершей с глазами, похожими на две маленькие луны. Щуки ляскали на нас мелкими, как иглы, зубами.

Стояла осень в солнце и туманах. Сквозь облетевшие леса были видны далекие облака и синий густой воздух. По ночам в зарослях вокруг нас шевелились и дрожали низкие звезды» (К. Паустовский. «Барсучий нос»).

«На вечере у одного известного литератора, после ужина, между собравшимися гостями затеялся неожиданно горячий спор о том, бывает ли в наше, скудное высокими чувствами, время настоящая, непоколебимая дружба? Все единогласно высказались, что – нет, такой дружбы не бывает и что теперешняя дружба многих испытаний совсем не может выдержать. В определении же причин, расторгающих дружбу, спорщики разошлись. Один говорил, что дружбе мешают деньги, другой – женщина, третий – сходство характеров, четвертый – бремя и заботы семейной жизни, и все в таком роде.

Когда же спорщики, накричавшись вдоволь и ничего не выяснив, устали, тогда один почтенный человек, до сих пор в прения не вступавший, сказал:

– Все, господа, сказанное вами, очень веско и замечательно. Однако я знаю в жизни пример, когда дружба прошла сквозь все перечисленные препятствия и осталась неприкосновенною» (А. Куприн. «Картина»).

Внимательно прочитав эти отрывки, мы заметим, что слова, употребленные в них, вызывают у нас ассоциации, которые складываются в конкретные картины, наглядные образы, порождающие выразительность речи и создающие предметно-чувственный мир.

Разговорный стиль противопоставлен книжным стилям, обслуживает сферу бытовых и профессиональных (но только неподготовленных, неофициальных) отношений, основная функция – общение, проявляется в устной форме. Выделяются две разновидности: литературно-разговорная и обиходно-бытовая речь. Этот стиль характеризуется особыми условиями функционирования (неофициальность и непринужденность общения, непосредственное участие говорящих в разговоре, непосредственность речи, некоторый автоматизм, связанный с повторением ситуаций), использованием внеязыковых факторов (жесты, мимика), внелексических средств (интонация – фразовое и эмфатическое ударение, паузы, темп речи, ритм), учитывается контекст ситуации (обстановка речевого общения), характер взаимоотношений говорящих. Разговорный стиль образует систему,

имеющую свои особенности на всех уровнях. В фонетике – это неполное произношение (менее отчетливое произношение звуков, сильное редуцирование, что связано с убыстренным темпом речи), большая роль интонации, отступление от строго литературного ударения. В лексике и фразеологии – наличие большого пласта общеупотребительных, нейтральных слов, разговорных слов, имеющих эмоционально-экспрессивную окраску и сценичность, разговорной фразеологии. В словообразовании – использование аффиксов, придающих словам разговорный характер, стяжение словосочетаний. В морфологии – использование особых звательных форм (*пан, Вань, Вась*), разговорные формы различных падежей (*в цеху, в отпуску*), особые формы сравнительной степени имен прилагательных (*более суше, более громче*), глагольные формы разговорного характера (*прыг, скок*). В синтаксисе – преобладание простых предложений, из сложных чаще используются сложносочиненные и бессоюзные; вопросительные, восклицательные предложения, утвердительные, побудительные слова-предложения, перерывы в речи, вызванные разными причинами, неполные предложения, инфинитивные предложения, вводные слова и словосочетания, вставные конструкции. В настоящее время наблюдается активная тенденция к взаимопроникновению стилей.

Основную часть языковых элементов в любом функциональном стиле составляют общезыковые, межстилевые средства, но ядро каждого из них образуют присущие этому стилю особые языковые средства, которые создают микросистему с одинаковой стилистической окраской и едиными нормами употребления.

Функциональные стили не образуют замкнутых систем и между ними существует широкое взаимодействие. Среди них наиболее консервативным является официально-деловой стиль, который ограничено допускает в свою систему элементы других стилей. Как считают исследователи, представленная классификация стилей не является исчерпывающей, но вполне достаточна для изучения стилистической системы современного русского языка. Наряду с этими выделяемыми стилями в некоторых трудах упоминаются и другие стили.

Мы пользуемся книжно-письменными стилями при подготовке к выступлению, конечно, в разной степени. Это зависит от многих условий, скажем, от нашей профессиональной квалификации, опыта публичных выступлений, темы и вида речи. Например, отчетный доклад тесно связан с официально-деловым стилем речи, поскольку опирается на различные документы, в том числе на отчеты, статистические данные, информацию справочного характера; вузовская лекция ближе к научному стилю, ибо ее основой служат научные работы. А вот научно-популярная лекция содержит элементы не только научного стиля, но и публицистического, а иногда даже художественного. В судебном красноречии проявляется официально-деловой стиль (использование различных документов), научный стиль (научный анализ события), публицистический и художественно-беллетристический, поскольку, например, описания событий могут быть близки к этим стилям, скажем, к репортажу или к сказовым художественным формам.

При подготовке и произнесении речи постоянно возникает противоречие между письменной речью, поскольку, как уже говорилось, выступление готовится с опорой на книжно-письменные стили, и устным ее исполнением, на которое влияет разговорная речь, точнее ее литературно-разговорный подстиль. Устная форма выступления оратора не исключает, таким образом, наличия в ней особенностей книжно-письменных функциональных стилей. Но в то же время для большинства ораторов характерно стремление использовать элементы разговорного стиля, устной речи. Тем более что при восприятии письменной речи человек воспроизводит затем лишь 50% полученной информации, а при восприятии того же сообщения, построенного по законам живой устной речи, воспроизводится уже 90% информации.

В связи с этим представляет интерес высказывание известного ученого А.М. Пешковского: «Говорить литературно, то есть в полном согласии с законами письменной речи, и в то же время с учетом особенностей устной речи и отличия психики слушателей от психики читателей, не менее трудно, чем говорить про-

сто литературно. Это особый вид собственно литературной речи – вид, который я бы назвал в известном смысле подделкой письменной речи под устную. Такая подделка действительно необходима в той или иной степени во всех публичных выступлениях, но она ничего общего не имеет с тем случаем, когда оратор не умеет справиться со стихией устной речи или не умеет ориентироваться в должной мере на письменную» (Пешковский, 1959, 165). Перед оратором, таким образом, стоит задача передать информацию, выраженную языковой формой, удобной для слушателей, доступной и понятной им.

Степень книжности или разговорности зависит от способа выступления: чтение текста, воспроизведение его по памяти (с разной степенью опоры на текст и точности), импровизация (с опорой на разные тексты или на прошлый опыт). Степень разговорности устного выступления – лексики, фразеологии, синтаксических конструкций – зависит от многих факторов, например от цели речи, ее содержания, жанра, аудитории, наконец, от индивидуальных речевых навыков говорящего. Одни ораторы свободно употребляют специфические устно-разговорные слова, словосочетания и конструкции, другие, наоборот, предпочитают книжную речь. Нет сомнения в том, что разговорные элементы в некоторых речевых ситуациях бывают необходимы: именно разговорность повышает воспринимаемость речи, усиливает эмоциональность выступления, создает непринужденность, помогает установить контакт со слушателями. Приведем несколько отрывков из выступлений С.М. Кирова: «Надо поставить дело так, чтобы посылаемым людям давать конкретные задания: поезжай в районный комитет или рик (районный исполнительный комитет. – *Н.С.*), поменьше командуй, поменьше изображай ревизора, а помоги работать, поделись опытом, помоги настроить дело...» (Киров, 1957, 650). «До вступления в колхоз у середняка было свое хозяйство, все было на счету. Он знал, где лежит каждая веревочка, все было расписано у него в памяти, и он знал, что к чему. У него был во всем свой расчет. Из года в год, из десятилетия в десятилетие он так работал, берег, копил, сам недоедал и на базар выносил» (Киров, 1957,

641). Эти два отрывка – из речи, произнесенной в официальной обстановке, тем не менее оратор прибегает к средствам разговорной речи: непринужденность, живые интонации выделяются на общем фоне официального выступления.

Таким образом, в выступлениях нередко органически сливаются два потока: речь книжная и речь разговорная. Они дополняют друг друга, создавая своеобразный ораторский стиль. Именно непринужденность, непосредственность, которая создается разговорными интонациями, помогает установить контакт с аудиторией, разрушает психологический барьер между слушателями и оратором. Конечно, такую речь, переходящую в беседу, необходимо контролировать и направлять: имеется большой риск поддаться стихийности речи и утратить внимание аудитории.

Ораторы «разговорного плана» особенно часто используют, естественно, разговорную лексику и фразеологию, то есть слова и фразеологизмы, употребляющиеся в непринужденном разговоре, придающие речи неофициальное звучание. Они могут характеризоваться положительной или отрицательной эмоциональной окраской, которая используется для усиления выступления, создания задушевности. Приведем пример из выступления И.П. Павлова: «Кто другой прочтет-подумает: «Боже мой, какая глубина мудрости, где здесь мне понять!» А на самом деле это сплошная чепуха, это просто туман. Простите меня. Но это вы увидите дальше/.../ Ничего не объяснил, ничего не доказал, и заваливает такую фразу/.../»

Нет, несомненно это особенная порода людей, это особенная область, где мысль настоящая не имеет хода, а постоянно закапывается черт знает во что. Это ясно.

Нет, тут дело не в незнании. Тут дело в игре словами. Эти господа никогда не проверяют реальный смысл слов, они не умеют конкретно охватывать слова. В этом вся штука. Это действительно есть особая склонность играть словами, не соотносясь с действительностью» (Павлов, 1950, 538–539). Разговорные интонации, которые создаются разговорными конструкциями и словами, вызывают определенную тональность речи.

Н.К. Крупская каждый сложный политический или экономический вопрос умела изложить доступно и рабочему, и работнице, и крестьянину, и крестьянке. На любом собрании она никогда не «ораторствовала», а говорила так проникновенно, что каждому казалось: именно к нему обращены эти слова. Она неоднократно подчеркивала, что в наше время каждый работник должен уметь хорошо делать две вещи: говорить и писать. Делать это надо просто, не употребляя без надобности иностранных слов и заумных выражений.

Ее выступления прозрачны по языку и потому доходчивы. Именно ясностью мысли, строгой логичностью изложения, яркостью и непринужденностью речи добивалась она воздействия на аудиторию. И, конечно же, глубоким знанием психологии взрослых и детей. Вот Надежда Константиновна выступает на Всероссийском совещании по внешкольной работе (15 ноября 1933 г.). Она говорит о детской игрушке: «Надо создавать такую игрушку, которая бы растила коллективиста и которая давала бы важнее игрушки. Игра имеет огромное значение, потому что игра учит ребят организованности, она ребят воспитывает. Сейчас я говорю на совещании внешкольных работников. Выйди я на собрание вожатых, все на меня глаза бы вытарасили: они считают, что ребята у нас такие, что игра им не нужна, а если игра, то только в «белых и красных» /.../» И далее: «Потребность в игре чрезвычайно большая. Она есть даже у подростков. Правда, внешне подростки часто игру презирают, но они любят поиграть с младшими ребятами и, играя с ними, они, в сущности, играют сами. Почему младшие ребята так любят, когда старшие ребята с ними играют? Да потому, что старшие сами принимают активное участие в игре» (Крупская, т. 5, 1959, 508–510). В этом выступлении ясная мысль: нужна такая игрушка, которая позволяла бы играть в творческие игры, так как они воспитывают и развивают ребят. И эта мысль облечена в простую языковую форму. Крупская учитывала, что выступает перед внешкольными работниками. В ее речи нет ни одного непонятого для них слова, нет сложно выраженной мысли. Выдвинув тезис о важности игрушки, она говорит, как бы реагиру-

вала на ее слова аудитория вожатых. Затем доказывает справедливость своего тезиса, опровергая таким образом мнение вожатых. Как видим, композиция весьма прозрачна и логична. Сам подход к проблеме также интересен. Всегда обращает на себя внимание полемический момент в выступлении. В данном случае она сталкивала две точки зрения: внешкольных работников и вожатых.

Готовясь к выступлению, Крупская чаще всего писала не само выступление, а его конспект, но пользовалась им редко, предпочитая беседовать с аудиторией. Поэтому ее речи отличает разговорность, непринужденность. Интересно ее выступление, названное «Рабочее образование в реконструктивный период», на совещании рабочих университетов в Замоскворецком районе Москвы 16 января 1930 г. Вот фрагмент из него: «Но, товарищи, я должна сказать, что у нас, россиян, в области просвещения есть манера работать вроде того портного, который перешивал свой кафтан – «Тришкин кафтан». Вот у нас встал, например, такой вопрос: нужно помещение студентам, некуда студентам деться. Верно, правильно. А знаете, как это осуществляется? Выкидываются разные другие просветительные учреждения... Разве это не «Тришкин кафтан»? Самый настоящий крыловский «Тришкин кафтан». Или создали какой-нибудь детский дом. Трах! Закрываем детский дом – пожалуйста, ребят на улицу, отдадим помещение студентам. Куда это, товарищи, годно?» (Крупская, т. 9, 1960, 418). Непринужденность этой беседы достигается использованием элементов разговорной речи. Надежда Константиновна пользовалась в речи и разговорными конструкциями: ведь она не читала всю речь по написанному, а отвлекалась от текста.

И.П. Павлов принадлежит к числу тех ученых, которые наряду с К.А. Тимирязевым, Д.И. Менделеевым, И.М. Сеченовым, И.И. Мечниковым и другими много сделал для развития отечественной науки и ее популяризации. Он читал не только учебные лекции для студентов, но и популярные – для массовой аудитории. Так, еще в 1911–1912 гг. им прочитано несколько общедоступных лекций об опытах в области высшей нервной

деятельности, позднее он прочитал свой замечательный курс экспериментальной физиологии преподавателям средних школ. После Октябрьской революции Павлов читает очень много научно-популярных лекций в Москве и Петрограде.

«Павловские среды» привлекали внимание и физиологов, и врачей, и молодых людей, интересующихся физиологической наукой. Читал лекции Павлов прекрасно. Поэтому не удивительно, что послушать его лекции приходили преподаватели высших учебных заведений и просто многочисленные почитатели его лекторского таланта.

Язык лекций Павлова имеет, естественно, все черты, присущие научному стилю речи: логическую строгость, объективность, последовательность, точность формулировок. Для научного стиля характерно и употребление слов в своем основном значении, соблюдение определенного порядка слов и четкого синтаксиса, использование своеобразных научных синтаксических стандартов, терминов, абстрактных слов, т.е. наличие элементов строгой письменной речи: «Основным исходным понятием у нас является декартовское понятие, понятие рефлекса. Конечно, оно вполне научно, так как явление, им обозначаемое, строго детерминируется. Это значит, что в тот или другой рецепторный нервный прибор ударяет тот или другой агент внешнего мира или внутреннего мира организма. Этот удар трансформируется в нервный процесс, в явление нервного возбуждения» (Павлов, 1951, 157). В этом отрывке – четкие синтаксические построения, терминологическая и абстрактная лексика, множество готовых, устойчивых словосочетаний (*подвергнуть эксперименту, врачебные мероприятия*), лекторское «мы», небольшая экспрессивная окрашенность, использование в первую очередь логических средств воздействия и убеждения, объективный подход к изложению. Это фрагмент собственно научного, академического стиля.

Павлов старательно готовился к своим лекциям, тщательно отработывал их. Профессор Н.А. Рожанский вспоминает: «Публично, устно и в печати Павлов выступал только после тщательной проверки. Всякую свою речь он предварительно так отдели-

вал, что после выступления ее можно было сразу сдавать в печать. Я помню его выступление в Москве в 1913 г. в Обществе научного института. В то время я работал в Московском университете. Узнав о его приезде, я днем зашел к нему /.../ Как всегда, он был приветлив, просил меня прочесть вслух его собственную речь, которую он должен был сказать вечером. Когда я читал, он с вниманием следил за каждым словом, стараясь представить, как эту речь будут воспринимать слушатели. Вечером свою речь Павлов не читал, а говорил, однако, как мне показалось, почти слово в слово то, что я днем прочел в его написанной речи» (Иван Петрович Павлов, 1941, 45–46).

Ученый стремился быть понятным слушателям, стремился донести до них в наиболее популярной, доступной и действенной форме свои мысли. Профессор Е.А. Нейц, ученик И.П. Павлова, пишет: «Речь Ивана Петровича была удивительно простой /.../ Это была обычная разговорная речь, поэтому и лекция имела скорее характер беседы. Очень часто, как бы самому себе, он ставил вопрос и тотчас же отвечал на него...» (Иван Петрович Павлов, 1941, с. 24). В лекциях ученый пользовался средствами разговорного языка. Именно разговорная речь придает лекциям И.П. Павлова яркость и убедительность. Его выступления для широкой аудитории не только доказательны, но и обладают эмоционально-экспрессивной окраской, которая в научной лекции выступает особенно контрастно. При перенесении разговорных элементов в научное изложение их стилистическая окрашенность выступает с наибольшей отчетливостью, они резко выделяются в научном стиле, создавая определенную эмоционально-экспрессивную тональность выступления.

Особенно часто использует Павлов в своих лекциях разговорную лексику и фразеологию. Сюда входят слова и фразеологизмы, употребляющиеся в непринужденном разговоре, придающие речи неофициальное звучание. Эти слова могут характеризоваться положительной или отрицательной эмоциональной окраской, которая используется для усиления лекции или создания эффекта непринужденности, задушевности. Например: «Немудрено поэтому, что диететика если не в своих общих эмпии-

рических основах, то в объяснениях и частностях представляет наиболее спутанный отдел терапии»; «Итак, еще одна беда обойдена, а окончательная цель все еще не достигнута»; «Понятно, для человека, чувствующего голод, экстренные меры не нужны и достаточно приятно само по себе удовлетворение голода; недаром говорится, что голод – лучший повар»; «Теперь пришлось бы основываться на науке, которая своим совершенством сравнительно с физиологией похвалиться не может».

Образно и эмоционально звучат разговорно-просторечная лексика и фразеология там, где Павлов вступает в дискуссии со своими научными оппонентами: «Невролог, всю жизнь проевший зубы на этом деле, до сих пор не уверен, имеет ли мозг какое-либо отношение к уму»; «Закрывать глаза на эту деятельность обезьяны, которая проходит перед вашими глазами, смысл которой совершенно очевиден... – это чепуха, это ни на что непохоже».

Приведем в качестве примера еще один отрывок, который иллюстрирует органическую и характерную связь в лекциях Павлова элементов разговорной и научной речи: «Где общая схема высшей нервной деятельности? Где общие правила этой деятельности? Перед этими законнейшими вопросами современные физиологи стоят поистине с пустыми руками. Почему же объект так сложен конструктивно, так обилён функциями, а рядом с этим исследование его для физиолога уперлось как бы в угол, а не представляется почти безграничным, как можно было бы ожидать?» Какова же специфика этого фрагмента лекции? В нём обилие вопросительных предложений, которые создают экспрессию речи, разговорная фразеология (*с пустыми руками*, т.е. ничего не получив; *упереться в угол*, т.е. не получить дальнейшего развития), синтаксический повтор (*так... так*), экспрессивная форма превосходной степени (*законнейший*), книжные слова и термины (*функция, объект, безграничный, высшая нервная деятельность*). Такой сплав научных и разговорных элементов создает экспрессию речи, привлекает внимание слушателей.

Широко использует Павлов и разговорные синтаксические конструкции. Прежде всего, в лекциях много вопросительных предложений, что отметил профессор Е.А. Нейц. Благодаря этим вопросам удастся обратить внимание слушателей на изложение и сконцентрировать его на определенной мысли. Ученый ставит вопросы перед слушателями, а затем отвечает на них: «Множество вопросов остаются нерешенными или даже вовсе не поставленными. Почему реактивы изливаются на сырой материал в таком, а не в ином порядке? Почему свойства отдельных реактивов повторяются и комбинируются в других? Колеблется ли, как, почему, когда каждый реактив?...» Эта серия вопросов придает повествованию динамику, позволяет не только легко зафиксировать вопросы в памяти, но и конспективно записать их, что важно для слушателей.

Стремление передать экспрессивные интонации разговорной речи приводит ученого к использованию в лекции различного типа присоединительных конструкций, то есть таких, которые представляют собой расчлененный на отдельные части синтаксически связанный текст. Например: «Следовательно, физиолог должен идти своим путем. И этот путь намечен уже давно»; «В прежнее время поступали так, что в отдельной комнате около собаки позволялось находиться только экспериментатору. Но потом оказалось, что и этого недостаточно»; «Сплошь и рядом, когда задача у «Рафаэля» путается, то он действительно отведет глаза в сторону или вбок, а потом повернется снова и сделает. И это очень просто». Иногда для усиления речи Павлов пользуется инверсией (обратным порядком слов), которая также вносит в речь разговорные интонации: «Она к еде стремится. От разрушительных раздражений отстраняется».

Сложные синтаксические конструкции, характерные для книжной речи, чередуются в лекциях с простыми конструкциями, характерными для разговорной речи. Это также вносит в речь разговорные интонации. Например: «Может быть, вопрос надо решить так, что физиолог должен запастись психологическими методами, знаниями и затем уже приступать к изучению деятельности больших полушарий. Но здесь есть существенное

осложнение. Понятно, что физиологии постоянно... приходится опираться на более точные, совершенные науки: на механику, физику и химию. Но в этом случае – совсем другое».

Павлов часто использует в речи указательные местоимения *этот, тот* и указательно-восклицательную частицу *вот*, и личные местоимения *мы, вы*, и глаголы повелительного наклонения, которые приглашают слушателей что-либо сделать или подумать над тем, что сообщается. «Возьмем самый простой пример, с которого мы начали свои исследования...»; «Возьмем еще важный случай оборонительного рефлекса...»; «Следовательно, если вы не примете никаких мер против этих влияний... то вы ни в чем не разберетесь, перед вами все перепутается»; «Вот животное, которое приготовлено так, как я вам описал. Как видите, пока на него не действует специальный агент, слюнная железа его находится в покое, слюны нет. А вот сейчас мы начнем действовать на ухо собаки ударами метронома. Вы видите...» Лектор благодаря этим приемам входит в контакт со слушателями, делая их непосредственными участниками своего сообщения, постоянно возбуждая в них интерес к лекции.

Нередко его лекции переходили в живой диалог, так как слушателям разрешалось перебивать лектора, задавать ему вопросы, выяснять то, что оставалось непонятным, и даже вступать с ним в дискуссию. Лекция, собственно, превращалась в беседу. И здесь Павлов проявлял себя находчивым, остроумным, умеющим быстро ответить на самые неожиданные вопросы.

В лекциях Павлова рельефно выступает личность ученого, борца за истину в науке. С какой экспрессией, напряженностью звучат слова, направленные против ученого-идеалиста: «Если бы он сколько-нибудь думал, он должен был бы сказать следующее. Я положил письмо в карман. Я нес это письмо. Я задумался. Я позабыл об этом письме и прошел мимо ящика. Потом я увидел ящик, который попал мне на глаза, тогда мысли совпали, и я положил письмо в ящик. Вот настоящая ассоциация. А он все перепутал. Это черт знает что такое! Вот такие господа анализируют высшую психологическую деятельность. Далеко они пойдут!» (Павлов, 1951, 504). Особенно сильно, как мы видим,

звучат те части выступления Павлова, где он защищает свои взгляды, результаты своей экспериментальной работы. Его речь в таких случаях скупа, острополюмична, насыщена экспрессией, направлена против субъективизма в науке.

Сравним несколько фрагментов из речей.

А.В. Луначарский (из вступительного слова, произнесенного 8 февраля 1922 г. в Москве в Доме Союзов на вечере, посвященном 85-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина): «Пушкин был русской весной, Пушкин был русским утром /.../ Что делали в Италии Данте и Петрарка, во Франции – великаны XVII века, в Германии – Лессинг, Шиллер и Гёте, – то сделал для нас Пушкин /.../ Он много страдал, потому что его чудесный, пламенный, благоуханный гений расцвел в суровой, почти зимней, почти ночной еще России, но зато имел «фору» перед всеми другими русскими писателями. Он первый пришел и по праву первого захвата овладел самыми великими сокровищами всей литературной позиции» (Луначарский, т. 1, 1963, 35). Оратор пользуется изобразительно-выразительными средствами (сравнениями, эпитетами, метафорами), что делает речь художественной.

Г.В. Чичерин (из речи на Первом пленарном заседании Генуэзской конференции): «Идя навстречу потребностям мирового хозяйства и развития его производительных сил, Российское правительство сознательно и добровольно готово открыть свои границы для международных транзитных путей, предоставить под обработку миллионы десятин плодороднейшей земли, богатейшие лесные, каменноугольные и рудные концессии, особенно в Сибири, а также ряд других концессий /.../ Более подробный проект плана всеобщего восстановления мог бы быть представлен российской делегацией во время конференции; о полной возможности его осуществления с финансово-экономической точки зрения говорит тот факт, что капиталы, которые должны быть ежегодно вложены в это дело, обеспечивающие будущее европейской промышленности, равнялись бы лишь небольшой части ежегодных расходов на армию и флот стран Европы и Америки.

Делая эти предложения, российская делегация принимает к сведению и признает в принципе положения каннской резолюции, сохраняя за собой право внесения как своих дополнительных пунктов, так и поправок к существующим» (Чичерин, 1961, 209–210). Речь Чичерина предельно стандартизована, поскольку, во-первых, это официальная речь, произносимая в официальной обстановке и требующая большой точности в выборе слов, во-вторых, она основана на дипломатических документах, что естественно, так как Г.В. Чичерин выступает от имени правительства.

Патриарх Московский и всея Руси Пимен (из слова на выпускном акте в Московских Духовных Академии и Семинарии 7 июля 1981 г.): «/.../ Было бы большой опасностью для священника эгоистически заботиться лишь о своем личном спасении и пренебрегать при этом делом жертвенной и самоотреченной помощи людям, не входя в их нужды. «Священник должен быть не только чист так, как удостоившийся столь великого служения, – наставляет нас святой Иоанн Златоуст, – но и весьма благоразумен и опытен во многом, знать все житейское не менее обращающихся в мире и быть свободным от всего более монахов». Только обретя такое равновесие между личным совершенствованием и служением ближним, пастырь исполнит свое назначение. Это предохранит его от перерождения в равнодушного наемника, который бежит от подвига любви, «потому что наемник, и нерадит об овцах» (Ин. 10, 13).

Священник должен также обрести мир с Богом и со своей совестью. Это достигается через постоянную благоговейную молитву и хранение помыслов. Тогда внутренний покой наложит неизгладимую печать на все его действия. «Стяжи мир, и вокруг тебя спасутся тысячи», – говорил преподобный Серафим Саровский. Обладая спокойной совестью, пастырь должен быть и хранителем мира. Всюду: в семье, на приходе, в обществе – он должен нести людям свет любви Христовой и тепло милосердия. Миротворческое служение – важнейшая обязанность священника, которую он выполняет, будучи верным сыном Русской Православной Церкви и патриотом своей великой Родины

/.../ (Пимен, Патриарх Московский и всея Руси, 1985, с. 359). На слово оказали влияние канонические книги и богословская литература, и стилистика у него иная, чем у приведенных выше речей: оно одухотворено идеей любви и мира, отсюда и рассуждение от обыденного поднимается до возвышенного.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ ТИПЫ РЕЧИ

Монологическая речь, как показывает практика, по своему составу неоднородна, поскольку в процессе мышления человеку свойственно отражать различные объективно существующие связи между явлениями действительности, объектами, событиями, отдельными суждениями. Это, в свою очередь, отражается в языке в виде особых функционально-смысловых типов речи: описания, повествования и рассуждения (размышления). Смысловые типы присутствуют в речи в зависимости от ее вида, цели и от концептуального замысла оратора. Замыслом обусловлено включение или невключение того или иного смыслового типа в общую ткань ораторской речи. Смена этих типов вызвана стремлением оратора полнее выразить свою мысль, отразить свою позицию и наиболее эффективно повлиять на аудиторию. При этом в различных видах ораторской речи будет разное соотношение этих типов, поскольку в реальности все они перекрещиваются, смешиваются, и вычленение их весьма условно. Характерной особенностью ораторской речи и является смена этих типов, что придает ей динамический характер.

Описание – это констатирующая речь, как правило, дающая статическую картину, понятие о характере, составе, свойствах, качествах объекта путем перечисления существенных и несущественных его признаков. В описании объект, явление не развиваются, нет никакого движения, признаки описания могут обозначать временные явления или его постоянные свойства, качества и состояния. Чаще всего описание в чистом виде – это статическая картина, например описание места действия в судебной речи. Оно может быть и динамическим, скажем, описа-

ние какого-либо опыта дается обычно в развитии. Этот тип речи многообразен и по содержанию, и по форме.

Иногда описание может быть образным. В образной форме перечисляются объекты, их основные признаки, воссоздающие определенную картину. Оратор, стремясь ввести в курс дела слушателей, сообщает им необходимое количество информации. Причем дается не только подробное описание объекта, но и его характеристика, оценка. Это сближает описание в выступлении с описанием в художественной литературе.

Центром описания являются существительные с предметным значением, которые и вызывают в сознании слушателей конкретный образ. Причем информативно описания могут быть весьма насыщенными, поскольку существительные с предметным значением вызывают многообразные ассоциации. Приведем пример из речи Н.И. Бухарина «Гёте и его историческое значение», произнесенной им в 1932 г. на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном 100-летию со дня смерти Гёте: «Крепостной труд, «ременная плеть», христианско-германская патриархальность быта находили свое адекватное выражение в политической надстройке страны. Со времени Вестфальского мира Германия была разбита на 300 с лишком суверенных «государств» и значительно более 1000 полусуверенных рыцарских имений. Эти иногда крошечные политические единицы /.../ чувствовали себя настоящими «дворами»: каждый князек хотел быть маленьким Людовиком XIV, иметь свой роскошный Версаль, свою прелестную маркизу де-Помпадур, своих придворных шутов, своих лейб-поэтов, своих министров и, прежде всего, свою полицию и армию» (Бухарин, 1932 (1988), 145). Здесь интересный прием описания – перечисление существительных, через которые дается характеристика, описание одного объекта – Германии времен Гёте. В первой половине фрагмента существительные используются в прямом значении, кроме «ременная плеть» – выражение, принадлежащее Гёте, а вот во второй половине появляются уже сравнения, что усиливает ассоциативный момент в описании. Благодаря такой концентрации существительных оратору удается дать исчерпыва-

ющую характеристику Германии на грани XVIII–XIX веков: с одной стороны, средневековую патриархальность быта, а с другой – претензии на роскошь и самостоятельность.

Приведем еще иллюстрацию из доклада Н.И. Бухарина, прочитанного им на торжественном публичном заседании в Академии наук СССР 29 апреля 1931 г. по случаю 75-летней годовщины смерти Гейне: «Гейне настолько блестящ и ярок, так многогранен и прихотлив, что из драгоценного ларца его поэтического творчества можно выбрать кинжал тираномаха и бриллиантовый перстень аристократа; весеннюю свирель и меч революции; жемчужины слез и циничную иронию; средневековый амулет и пурпурное знамя пролетарского переворота. Гейне – король видений и снов, сказочный принц романтической грезы. И в то же время великий насмешник, земное воплощение богини Иронии, гениальный «свистун». Вождь «партии цветов и соловьев». А на другой странице – лихой барабанщик революции» (Бухарин, 1932 (1988), 177). В этом фрагменте – большое количество существительных в переносном значении и прилагательных, характеризующих поэта с разных сторон, используется и цитирование. В описании заключена качественная характеристика изображаемого. Здесь в основном прилагательные с качественно-оценочным значением.

В описании обычно используются формы настоящего, прошедшего и будущего времени. В судебной речи, например, описание чаще бывает в прошедшем времени, в академической – в настоящем. В последней перечисляются постоянные признаки объектов, что и выражается настоящим временем. Например, И.П. Павлов описывает в докладе прошлые действия таким образом: «И вы, знакомые несколько с условными рефlekсами, знаете, конечно, что мы имеем в конце концов в своих руках, с одной стороны, внешние раздражители, производящие в центральной нервной системе раздражительный процесс, а с другой стороны, мы имеем в своих руках раздражители, которые в больших полушариях производят тормозной процесс» (Павлов, 1951, 329).

Описания более или менее однородны по своей синтаксической структуре. Как видно из предыдущих примеров, струк-

туры содержат перечисление опорных слов или слов, обозначающих признаки описываемого объекта, в прямом или переносном значении, что обуславливает перечислительную интонацию. В результате создается целостный образ объекта.

Динамическое событийное описание представляет собой изображение относительно равноправных, законченных действий или фактов в виде сменяющихся частей, что обуславливает перечислительный характер высказывания. Описание такого типа имеет обозначенное начало и конец. Вот как пользуется динамическим событийным описанием Ф.Н. Плевако в защитительной речи по делу Люторических крестьян: «Родилась необходимость вечно одолжаться у помещика землей для обработки, вечно искать у него заработка, ссужаться семенами для обсеменения полей. Постоянные долги благодаря приемам управления росли и затягивали крестьян: кредитор властвовал над должником и закабалял его работой на себя, работой за неплатеж из года в год накопившейся неустойки.

В этом положении, где кредитор властвовал, а должник задыхался, уже не было и помину о добровольном соглашении. Чудовищные контракты и решения доказывают, что управление не соглашалось, а предписывало условие; вечно кабальные мужики тоже не соглашались, а молча надевали петлю, чем и завершались и вступали в силу свободные гражданские сделки крестьян с их бывшим владельцем» (Судебные речи известных русских юристов, 1957, 545). В этом отрывке дается динамическое описание события. Причем основную роль играют здесь глаголы, которые обозначают равноправные законченные действия и выступают в тесной связи с различными существительными, обозначающими субъекты, объекты, абстрактные понятия, процессы: *родилась необходимость, искать заработка, ссужаться семенами, долги росли и затягивали крестьян, кредитор властвовал, закабалял его, должник задыхался, предписывало условие, вступали в силу сделки* и т.д. Это описание имеет общую идею, единый содержательный стержень (положение крестьян) и в тоже время оно двупланово раскрывает эту идею (кредиторы помещики – должники крестьяне).

Описание может быть развернутым, подробным и сжатым, кратким. Оно может быть объективированным, например описание опыта в академической речи или места преступления в судебной речи, и субъективированным, в котором оратор выражает к объекту свое отношение, например описание ситуации в политической речи. Чаще всего, конечно, описание отражает отношение к нему оратора, то есть объект, о котором говорится, получает скрытую или явную оценку. Приведем пример из той же речи Ф.Н. Плевако по делу Люторических крестьян: «Я прошу вас перелистать предъявленный документ. Иски неустоек по 30 процентов, по 50 процентов, по 100 процентов за долг мелькают перед глазами. Неустойки в 300 и 500 рублей – целыми десятками. А прочтите договор: полная неустойка за неуплату малой доли долга. Прочтите дело № 143 за 1870 год – ищут долг и неустойку, крестьяне несут деньги судье. Деньги приняты, получены, а на неустойку в 50 процентов все-таки взят исполнительный лист. Прочтите дело № 158 – ужасный, отвратительный договор: в случае просрочки – изба, корова, лошадь и все, что сыщется в избе, поступает в неустойку. Присуждаются иски по удостоверениям волостного правления. Присуждено по удостоверению, данному волостным правлением!» (Судебные речи известных русских юристов, 1957, 546). В этом фрагменте из речи Плевако дается развернутое описание объективных фактов. Однако это описание отражает точку зрения оратора, дает отрицательную оценку данным фактам (*ужасный, отвратительный договор*). Оно также включает в себе призыв к действию (*прошу перелистать, прочтите*) и стремительность смены перечисляемых объектов, что усиливается словом *мелькают*. Это, несомненно, динамическое описание.

Повествование – это рассказ о событиях во временной последовательности, динамический функционально-смысловой тип речи, выражающий сообщение о развивающихся действиях или состояниях. Повествование передает сменяющиеся действия или состояния, которые развертываются во времени. Этот тип речи, в отличие от описания, динамичен, поэтому в нем могут постоянно меняться временные планы. Например, так меня-

ются временные планы в речи Ф.Н. Плевако по делу Грузинского: «20 лет тому назад, молодой человек, встречается он в Москве, на Кузнецком мосту у Тромлэ, кондитера, торговца сладостями, красавицу-продавицу Ольгу Николаевну Фролову. Пришлась она ему по душе, полюбил он ее. В кондитерской, где товар не то, что хлеб или дрова, без которых не обойдешься, а купить пойдешь хоть на грязный постоялый двор, – в кондитерской нужна приманка. Вот и стоят там в залитых огнями и золотом палатах красавицы-продавицы; и кому довольно бы фунта на неделю, глядишь – заходит каждый день полюбоваться, перекинуться словцом, полюбезничать /.../

Полюбилась, и ему стало тяжело от мысли, что она будет стоять на торгу, на бойком месте, где всякий, кто захочет, будет пялить на нее глаза, будет говорить малопрстойные речи. Он уводит ее к себе в дом как подругу. Он бы сейчас же и женился на ней, да у него жива мать, еще более чем он, близкая к старой своей славе: она и слышать не хочет о браке сына с приказчицей из магазина. Сын, горячо преданный матери, уступает. Между тем Ольга Николаевна понесла от него, родила сына-первенца. Князь не так отнесся к этому, как те гуляки, о которых я говорил. Для него это был его сын, его кровь. Он позвал лучших друзей: князь Имеретинский крестил его» (Судебные речи известных русских юристов, 1957, 493–494). Этот фрагмент – повествование, поскольку показаны развивающиеся, динамические события, с элементами описания, поскольку даются статические картины, сопровождающие это повествование. Все изложение делится на четкие отдельные кадры разных временных планов, что помогает быстрее воспринять речь.

Повествование включает в себя динамические отражающиеся ситуации внешнего мира. Это свойство данного типа высказывания определяет его положение в речи. К этому типу прибегают в том случае, если требуется подтвердить высказанные оратором положения конкретными примерами или при анализе некоторых ситуаций. Задача оратора – изобразить последовательность событий, с необходимой точностью передать эту последовательность. Таким образом, передается содержатель-

но-фактуальная информация. Причем она проявляется в разных видах. Во-первых, оратор может быть участником событий, во-вторых, события излагаются со слов третьего лица, в-третьих, оратор, не указывая на источник информации, моделирует событийный ряд. Оратор передает события, которые совершаются как бы на глазах слушателей, или вводит воспоминания о событиях, развивающихся в прошлом. Например, таковой прием использует Н.П. Карабчевский в речи по делу Ольги Палем: «С таким легковесным багажом отправилась она в Одессу. Оставаться в Симферополе, в той же еврейской, отныне враждебной ей среде, было уже невыносимо. В Одессе у нее не было ни родных, ни знакомых. Вспомните показания Бертинга. На первых порах она пыталась пристроиться к какой-нибудь хотя бы черной, хотя бы тяжелой работе. Она поступила в горничные. Пробыла несколько дней и была отпущена, так как оказалось, что она не умела ни за что взяться, была белоручкой. Потом мы видим ее некоторое время продавщицей в табачной лавке. По отзыву полицейского пристава Чабанова, в то время она была бедно одета, зато отличалась цветущим здоровьем, была энергична и весела. В ее поведении нельзя было отметить ничего предосудительного.

Потом, спустя некоторое время, в 1887 году, тот же пристав Чабанов стал встречать ее уже «хорошо одетой» (Судебные речи известных русских юристов, 1957, 417). В этом повествовании говорится о действующих лицах, месте и времени действия, самом действии, которое развивается. Оратор воспроизводит действия Ольги Палем на основе ее показаний и показаний свидетелей.

Динамика повествования создается благодаря использованию глаголов, которые могут выражать быструю смену действий, последовательность развития событий. Поэтому чаще всего используются глаголы конкретного действия. Динамика может передаваться также значением глаголов, отношением их к одному и тому же субъекту, порядком их следования, обстоятельственными словами со значением времени, союзами. Вступает в силу принцип стремительного повествовательного

движения, и стиль приобретает стремительную быстроту. Такова, например, повествовательная часть речи К.Ф. Хартулари по делу Лебедева: «Заручившись разрешительным свидетельством городской управы на ломку здания, правление, согласно обязательству, потребовало от Лебедева немедленного приступа к работе.

Лебедев отправился на Никольский рынок, и там среди рабочего пролетариата вербует себе отряд рабочих по самым дешевым поденным платам.

Весь этот отряд, под командой Андрея Лебедева /.../ рассыпался по куполу здания, который изнутри, для безопасности, был подперт четырьмя деревянными стойками, скрепленными между собой железными связками или скобами /.../

Работа закипела. Застучали молотки, и вскоре наружная металлическая обшивка была снята, а за ней снят так называемый черный пол, и остов купола тотчас же обнажился с его металлическими стропилами, числом до 32, которые, подобно радиусам от центра, спускались от вершины купола к его основанию, лежавшему на стенах самого здания в кольце.

Наступала самая трудная и самая опасная часть работы, состоявшая в разборке и расчленении металлических стропил» (Судебные речи известных русских юристов, 1957, 785). Слова, которые здесь используются, создают динамику изложения: *потребовало немедленного приступа к работе, отправился, вербует, рассыпался, работа закипела, застучали молотки, вскоре, тотчас же обнажился*. Динамичная речь всегда эффективно воздействует на слушателей.

Можно выделить конкретное, обобщенное и информационное повествования. Конкретное – о расчлененных, хронологически последовательных конкретных действиях, одного или нескольких действующих лиц. Обобщенное – о конкретных действиях, но характерных для многих ситуаций, типичных для определенной обстановки, например, в научном изложении. Информационное – сообщение о каких-либо действиях или состояниях без их конкретизации; оно чаще всего может быть в форме пересказа и в форме косвенной речи.

Рассуждение (или размышление) – это тип речи, в котором исследуются предметы или явления, раскрываются их внутренние признаки, доказываются некоторые положения. Оно характеризуется особыми логическими отношениями между входящими в его состав суждениями, которые образуют умозаключения, цепь умозаключений на какую-либо тему, изложенных в логически последовательной форме. Этот тип речи имеет специфическую языковую структуру, зависящую от логической основы рассуждения и от смысла высказывания. Рассуждение характеризуется причинно-следственными отношениями, имеет логическую основу и опирается на умозаключение. Этот тип связан с содержательно-концептуальной информацией речи.

В «Логическом словаре» Н.И. Кондакова (1971) дается такое определение: «Рассуждение – цель умозаключений на какую-нибудь тему, изложенных в логически последовательной форме. Рассуждением называется и ряд суждений, относящихся к какому-либо вопросу, которые идут одно за другим таким образом, что из предшествующих суждений необходимо вытекают или следуют другие, а в результате получается ответ на поставленный вопрос» (с. 449). При рассуждении говорящий приходит к новому суждению.

Рассуждения позволяют вовлекать в процесс речи слушателей, что приводит к активизации их внимания, вызывая интерес к сообщаемому. Приведем пример из речи Г.А. Александрова по делу Засулич: «Вступить за идею нравственной чести и достоинства политического осужденного, провозгласить эту идею достаточно громко и призвать к ее признанию и уверению – вот те побуждения, которые руководили Засулич, и мысль о преступлении, которое было бы поставлено в связь с наказанием Боголюбова, казалось, может дать удовлетворение всем этим побуждениям. Засулич решила искать суда над ее собственным преступлением, чтобы поднять и вызвать обсуждение забытого случая о наказании Боголюбова.

Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия в лице своих

представителей будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его, по важности случая, в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, в котором атрибутом правительства служит кнут.

Этими обсуждениями и определились намерения Засулич. Совершенно достоверно поэтому представляется то объяснение Засулич, которое притом же дано было ею при самом первоначальном ее допросе и было затем неизменно поддерживаемо, что для нее было безразлично: будет ли последствием произведенного ею выстрела смерть или только нанесение раны. Прибавлю от себя, что для ее целей было бы одинаково и то, если б выстрел, очевидно, направленный в известное лицо, и совсем не произвел никакого вредного действия, если бы последовала осечка или промах. Не жизнь, не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были для Засулич, а появление ее самой на скамье подсудимых, вместе с нею появление вопроса о случае с Боголюбовым» (Судебные речи известных русских юристов, 1957, 38–39). Главное в рассуждении – объект мысли. В этом отрывке объект мысли – причина выстрела В. Засулич. Оратор высказывает свою точку зрения на событие, затем воспроизводит рассуждения В. Засулич, опираясь на ее объяснение при самом первоначальном ее допросе. Он как бы реконструирует размышление В. Засулич, мотивируя затем ее поступок. Александров пользуется в этой речи «эффектом присутствия», который состоит в том, что оратор как бы перевоплощается в субъект своей речи, рассказывая о событиях, свидетелем или участником которых он якобы являлся, о деталях, которые он якобы видел, о мыслях, которые он знает, вовлекая тем самым слушателей в речь, в данном случае в размышление В. Засулич, заставляя их «присутствовать» при этом размышлении и сопереживать. Этот прием универсальный и может иметь место в других типах речи.

В рассуждении для связи отдельных частей используются предлоги, союзы, наречия, различного типа устойчивые сочетания: *поэтому, потому что, далее, во-первых, во-вторых,*

вследствие, остановимся на, отметим следующее, перейдем к следующему и т.д.

Часто в стиле размышления произносятся духовные проповеди. Приведем фрагмент слова митрополита Крутицкого и Коломенского Николая, сказанного в церкви Ваганьковского кладбища г. Москвы (1949): «/.../ Медицинская наука придумывает все новые и новые способы лечения телесных болезней, но наука никогда не сможет придумать средства для лечения человеческого духа. Скажите, что может исцелить раны сердца, пронзенного страхом перед будущим и вечными мучениями? Ничто, кроме утешающего и благодатного евангельского слова. Что может утешить сердце человека, наполненное тревогой перед мыслью о смерти и о Суде Божиим по смерти? Только вера, утешающая каждого кающегося грешника милосердием и всепрощением Божиим. Вера, покаяние, молитва, добрые дела – вот тот путь, который ведет каждого из нас к мирной и блаженной кончине и утешает нас в предсмертные минуты надеждой на отеческую любовь к нам нашего Небесного Отца» (Митрополит Николай, 1950, 183). Здесь для связи отдельных частей фрагмента используются вопросы, обращенные к пастве, которую проповедник таким образом приглашает к размышлению. Последнее предложение звучит как вывод из всего сказанного.

Приведем еще пример размышления из слова I Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая, сказанного в Преображенской церкви, что на Преображенской площади Москвы: «Что нам нужно для того, чтобы скопить это духовное богатство? Прежде всего, нужно этого пожелать всем своим сердцем /.../»

Для того, чтобы скопить в себе возможно больше этого богатства, нужно принуждать себя к добрым делам. Да, принуждать! Наша грешная природа часто протестует внутри нас против добрых движений нашей души. В нашем грешном сердце, наряду с голосом, зовущим к Небу, к Богу, живет и другой голос, который отвлекает нас от жизни в Боге, от наших трудов по собиранию себе духовного сокровища/.../»

Хочется сердцу сделать доброе дело, поделиться чем-нибудь с неимущим, – опять в сердце может подняться другой голос, голос скупости, голос жадности, который скажет тебе в эти минуты: не давай, тебе самому пригодится то, что ты хочешь отдать. И ты убираешь уже протянутую твою руку. Готовый отдать что-нибудь неимущему, ты подчиняешься этой греховной немощи своего духа, лишаешь себя радости исполнить заповедь Христову. Пожелав сделать доброе дело, отказываешься от него, не думая о том, что ты всегда должен помнить о заповеди христианской: «Мы созданы на добрые дела» (Еф. 2, 10); «Будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд» (Лк. 6, 36). Ты забываешь о словах Священного Писания: «Благотворящий бедному дает займы Господу» (Притч. 19, 17). Ведь Господь не только отдаст все, что мы через нищих и неимущих подаем Ему, но отдаст, как дает любящий отец, – «мерю доброю, утрясенною и переполненною» (Лк. 6, 38), во много раз больше того, что даем мы сами.

Вот для того, чтобы приучить себя собирать духовное сокровище, и надо принуждать себя к добрым делам, бороться с внутренним греховным голосом против добрых порывов души» (Митрополит Николай, 1950, 255–257). В этом примере можно отметить приемы, характерные для размышления.

Таковы функционально-смысловые типы речи, которые обычно в выступлении чередуются, однако, в разной степени. Скажем, в академической лекции может преобладать рассуждение, в речи юридической большое место занимает описание и повествование. Как видим, эти типы имеют конструктивно-стилистические и смысловые различия, которые и обуславливают употребление описания, повествования и размышления в речи.

Глава третья

ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ КАК ОБЩЕНИЕ: АУДИТОРИЯ И ОРАТОР

1. СПЕЦИФИКА ОРАТОРСКОГО МОНОЛОГА

Ораторская речь – это монолог. Монолог можно определить как особую форму устной речи, представляющую собой развернутое высказывание одного лица, завершенное в смысловом отношении, все языковые и композиционные элементы которого подчинены главной мысли и его основной цели.

Ораторский монолог имеет свои функции. Прежде всего выделяются информативная функция и функция разъяснения. Оратор сообщает слушателям о событиях, процессах, идеях и объясняет им сказанное. Следующая функция – убеждения, которая проявляется в тех случаях, когда оратор хочет в чем-то убедить слушателей. Любую речь пронизывает оценка оратором объекта речи. Выделяется также функция призыва, побуждения к действию, то есть речь апеллирует к чувствам слушателей, призывая их совершить какие-либо поступки. Чаще всего эту функцию имеют митинговые речи. К ней близка императивная функция (или функция долженствования). В отличие от функции призыва она имеет иной аспект: не непосредственный призыв к действию, а формирование задач слушателей и выражение необходимости их выполнения. При этом активизируются их воля и чувства, сосредоточивается их внимание на самых главных проблемах, доказывается необходимость принять самое деятельное участие в решении этих проблем. Задача ораторского выступления – убеждая, воздействовать на волю людей для достижения определенной цели. И здесь уже играет свою роль так называемая волюнтаривно-личностная функция. В связи с этим очень велика роль авторитета оратора среди слушателей. Следует отметить, что каждый род и вид ораторской речи имеет

приоритетные функции. А поэтому и приоритетные стилистические речевые средства.

Чтобы успешно выступать перед аудиторией, оратор должен быстро и правильно ориентироваться в условиях общения; правильно спланировать свою речь, правильно выбрать содержание речи; найти адекватные средства для передачи этого содержания; обеспечить обратную связь. Оратор влияет на аудиторию непосредственно, видит ее, чувствует ее реакцию, направляет эту реакцию, определяет степень внимания, интереса, понимания речи аудиторией. Отсюда и большая возможность интенсивного психологического заражения, чего не может быть при использовании средств массовой информации. Оратор имеет возможность учитывать индивидуальные особенности слушателей, быстро реагировать на характер восприятия речи, на степень внимания слушателей и корректировать свое выступление. Он имеет возможность более дифференцированно сообщать информацию, учитывая в определенной мере подготовку, интересы, психологические установки своих слушателей, получает даже возможность познакомиться заранее с аудиторией, знать свою аудиторию, то есть преодолевается фактор анонимности.

Ораторская речь имеет свою специфику. Прежде всего ораторская речь характеризуется однонаправленностью, то есть оратор обращается к слушателям и говорит для них. В последние годы взгляды на социально-психологическую сущность выступления изменились. Авторы, имеющие то или иное отношение к теории и методике ораторского искусства, пишут о выступлении как о способе воздействия оратора на слушателей и как об их взаимодействии, сопереживании, диалоге. Отношения оратора и слушателей представляются симметричными, равноправными. С одной стороны, монолог обращен к слушателям, а с другой стороны, происходит двустороннее общение. Все это приводит к использованию в монологе определенных средств, способствующих этому общению. Таким образом, создается некоторое сходство между монологом и диалогом, которое зависит от взаимной активности оратора и слушателей. При

этом возникает «эффект живой реакции», который проявляется в непосредственности речи, быстрой реакции оратора на восприятие речи слушателями, «спонтанности» речи, даже оговорки играют большую роль, создавая этот эффект. В связи с этим можно выделить эксплицитное взаимодействие (открытый диалог) и имплицитное взаимодействие (скрытый диалог). В первом случае оратор вступает в открытый диалог со слушателями, сохраняя основную идею и композицию монологической речи. Имплицитное взаимодействие – это скрытая форма диалога, которая проявляется в самой структуре речи. Например, оратор часто обращается к слушателям с репликами: вы знаете? вы понимаете? так? ясно? Эти реплики рассчитаны на сотрудничество слушателей с оратором. Слушатели сопереживают речь. И получается двусторонний контакт, конечно, при основной роли оратора, возникает так называемый «эффект прямого разговора».

Ораторский монолог рассчитан на большую аудиторию. Это накладывает на него некоторые особенности. Прежде всего он развернут, то есть высказывание строится в соответствии с требованиями логики и исчерпывающей характеристики объекта речи, полноты изложения мысли.

Поскольку монолог этого типа продуман, то он строится с учетом норм русского литературного языка и требований культуры речи, то есть он нормативен.

Для ораторского монолога характерна некоторая автономность содержания, то есть его смысл имеет самостоятельность, он не зависит, как элементы диалога, от речевого контекста или ситуативного контекста. Самостоятельность смысла речи требует ее определенной языковой и композиционной организованности, которая проявляется с учетом рода и вида ораторской речи, а также диктуется другими условиями.

Ораторский монолог характеризуется также непосредственностью и контактностью общения: оратор видит слушателей, что дает ему возможность учитывать их реакцию и корректировать свою речь.

Динамика, интенсивность речи обеспечивается, с одной стороны, ее композиционными особенностями, а с другой, различными языковыми средствами. Быстрая смена частей композиции создает эффект стремительного движения мысли, динамику развития речи (см. гл. IV).

Динамику ораторской речи можно создать и за счет различных языковых средств. В речи, таким образом, благодаря смене композиционных частей и языковым средствам создается «эффект динамики речи». Причем эта интенсивность, динамика тесно связана с оценочностью высказывания. Например: *интересное выступление – весьма интересное выступление – очень интересное выступление – удивительно интересное выступление – потрясающе интересное выступление*. Цель различных интенсификаторов – сообщить о напряженности действия или усиленном признаке и увеличить аффективную сторону речи, то есть сделать высказывание более убедительным для слушателей и воздействовать на их эмоциональное состояние.

Чаще всего для создания динамики, интенсивности речи мы выбираем из синонимического ряда необходимое нам слово. Синонимы служат детализации и выделению того или иного признака понятия, существенного с точки зрения говорящего (*загореться, заняться, вспыхнуть, запылать*), употребляются для выражения степени и меры в проявлении признака (*громадный, огромный, колоссальный, грандиозный*), используются для выражения собственно интенсивности действия (*бежать, мчаться, нестись*), служат выражению степени субъективной оценки (*глупый, пустоголовый, безмозглый*). И многие из них выражают разную интенсивность явления, действия, признака, хотя необходимо учитывать, что и оттенки значения этих слов, а в некоторых случаях и стилистическая окраска в них тоже разные.

Синонимический ряд *устранить, ликвидировать, уничтожить* обозначает «прекратить действие, проявление и т. п. каких-либо, обычно нежелательных, отрицательных явлений, положить конец чему-либо». Но эти глаголы отличаются по интенсивности действия: *устранить* указывает как на временное, так и на окончательное прекращение чего-либо, тогда как *лик-*

видировать и в особенности *уничтожить* обычно употребляются для указания на полное, окончательное, а следовательно, и интенсивное прекращение чего-либо. Ср.: *устранить бюрократизм – ликвидировать бюрократизм – уничтожить бюрократизм*.

Два синонима *ухватиться*, *уцепиться* имеют значение «воспользоваться кем-либо, чем-либо, усматривая в этом выход из затруднительного положения, избавление от чего-либо и т.д.» Слово *уцепиться* употребляется, чтобы подчеркнуть интенсивность, большее желание воспользоваться чем-либо, использовать что-либо. Например: *Они уцепились за это выгодное, спаянное предложение*.

Синонимы *единство*, *сплоченность*, *спаянность* обозначают такое состояние или положение кого-либо или чего-либо, при котором образуется как бы единое целое. *Единство* – полное слияние на почве общих интересов и целей. Слова *сплоченность*, *спаянность* употребляются для того, чтобы подчеркнуть неразрывность создавшихся связей между кем-либо или чем-либо. Ср: *единство трудового коллектива – спаянность трудового коллектива*.

Общее значение слов *быстро*, *скоро*, *поспешно*, *стремительно*, *молниеносно* – характеристика действия, протекающего с определенной степенью динамики, интенсивности. Наиболее близки по значению слова *быстро* и *скоро*. *Поспешно* по степени интенсивности действия приближается к слову *быстро*, но в нем чувствуется оттенок вынужденной быстроты. *Стремительно* – это чрезвычайно быстро. Значение быстроты еще более сильно выражено в слове *молниеносно*. Ср.: *эта новость быстро облетела поселок – эта новость молниеносно облетела поселок*.

Проанализируем еще примеры: *Меня поразили энтузиазм строителей БАМа – Меня потряс энтузиазм строителей БАМа*. Глаголы *поразить* и *потрясти* имеют одно общее значение – произвести на кого-либо очень сильное впечатление; вызвать чувство восторга, восхищения какими-либо своими свойствами, качествами. Слово *потрясти* указывает на особенно сильное, глубокое впечатление, произведенное на кого-либо. И

даже эти слова могут быть усилены интенсификатором-фразеологизмом: *Меня до глубины души потряс энтузиазм строителей БАМа*. Сам по себе фразеологизм *до глубины души* обозначает «очень глубоко, сильно волновать». Например: *Речи Плевако – драгоценное наше наследие, их меткий, красноречивый язык волнует до глубины души*.

Такую интенсивность могут выражать и другие фразеологизмы. Например: *работать засучив рукава – работать в поте лица*. Второе сочетание выражает более интенсивное, динамическое действие: *Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом заключается смысл его жизни*. Интенсивное действие обозначают такие фразеологизмы, как *бить ключом, биться как рыба об лед, ненавидеть всей душой, брать быка за рога, бросить в жар (в краску), броситься со всех ног, валом валить, вертеться как белка в колесе, семимильными шагами, унести ноги, гнать в хвост и в гриву, умереть со смеху, как ужаленный, как угорелый, как снег на голову, сбиться с ног, горит в руках*. Эти фразеологизмы обозначают интенсивность действия, а следовательно, обладают прагматической ценностью.

Широко используются в речи и различного рода слова-усилители, или так называемые кванторные слова (квант – нем. количество, масса). Обычно такие слова указывают на высокую степень действия, качества или признака. Например: *быстро, исключительно, крайне, весьма, слишком, абсолютно, активно, экстренно, чрезвычайно, решительно, срочно, стремительно, страстно, категорически, оперативно, энергично, лихорадочно, пламенно, бешено, азартно, интенсивно, усиленно, напряженно*. Вот как сказал пропагандист о событиях в африканской стране: «Народ внезапно пробудился. И хотя его освободительный порыв во многом еще стихием – ведь диктатура свирепо, под корень уничтожала в стране всякую политическую оппозицию – этот порыв лихорадочно набирает силу». Здесь несколько усилителей, и речь в целом интенсивно действует на воображение слушателей. Иногда для еще большего усиления эти слова могут повторяться или усиливаться другими словами: *крепко-на-*

крепко, весьма и весьма, быстро-быстро, сильно-сильно, очень сильно, весьма быстро.

Для выражения отношения говорящего к предмету речи используются образные и экспрессивно окрашенные глаголы. Они обозначают действия, состояния, усиливают динамику речи, ее образность и оценочность, в конечном счете интенсифицируют речь. Высказывание приобретает прагматическую, то есть воздействующую и регулятивную, направленность. Пропагандист так рассказывал о нефтяном кризисе: «Цены за «черное золото» на мировом рынке молниеносно летят вниз... с января нынешнего года их кривая резко метнулась вниз... Истоки этого обвала цен следует искать в недрах западной экономики... Сначала страны сгустили дефицит «черного золота» на рынке и подспудно толкали к тому, чтобы цены стремительно подскочили... Вспыхнул энергетический кризис...» Экспрессивно-окрашенные глаголы выражают здесь интенсивность действия и субъективное отношение говорящего к предмету речи. Образные глаголы в этом нейтрально-стилистическом высказывании придают ему оценочное направление.

Другая особенность ораторского монолога – его логическое развитие. Логика, являясь наукой о законах и формах человеческого мышления, предлагает оратору методы и приемы убедительных рассуждений, которым он должен следовать в своей речи. Логичность речи – это ясность основных понятий, правильность утверждений, отсутствие в ней противоречий, последовательные переходы от одной мысли к другой, аргументированное изложение.

Речь поддерживается законами мышления – необходимой, существенной, устойчивой, повторяющейся связью между мыслями. Науке издавна известны четыре логических закона. Действию этих законов подчиняются все наши мысли, независимо от конкретного содержания этих мыслей. Если в рассуждении не соблюдается один из этих законов правильного построения, прийти к правильному выводу в результате рассуждения невозможно.

Закон тождества – один из четырех основных законов формальной логики, согласно которому каждая мысль, которая приводится в данном умозаключении, при повторении должна иметь одно и то же определенное, устойчивое содержание. Нарушение закона тождества происходит тогда, когда произвольно подменяется один предмет речи другим, употребляются термины и понятия не в том смысле, в каком это принято, не разъясняются новые значения терминов, в ходе доказательства или опровержения выдвинутый тезис часто подменяется другим. Умышленно или неосознанно? Умышленно – это прием, неосознанно – это ошибка. Вспомним из Н.В. Гоголя: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни в одном собрании, где бы он был, не обходилось без истории». В результате столкновения разных смыслов, игры слов возникает иронический контекст.

Закон противоречия можно интерпретировать следующим образом: не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении. Мы не можем одновременно утверждать: «Некоторые студенты являются спортсменами» и «Ни один студент не является спортсменом». Одно из этих суждений будет ложным.

Закон исключенного третьего гласит, что из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно непременно истинно. Третий закон обеспечивает связность речи, непротиворечивость мысли, служит основанием для выбора истинного суждения.

Четвертый закон логического мышления – закон достаточного основания – утверждает: всякая истинная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана. В качестве аргументов для подтверждения истинности мысли могут быть использованы статистические данные, факты, истинные суждения, аксиомы, законы науки.

Формами мышления являются понятия, суждения и умозаключения. Понятие – целостная совокупность суждений, то есть мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных

признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта. Понятие формируется на основе обобщения существенных признаков (то есть свойств и отношений), присущих ряду однородных предметов. Основные логические приемы формирования понятий – анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение.

Суждение – форма мышления, в которой что-либо утверждается или отрицается о существовании предметов, связях между предметами и их свойствами или об отношениях между предметами. Например: *Некоторые деревья являются хвойными. Многие рабочие имеют высокую квалификацию.*

Умозаключение – форма мышления, в которой из одного или нескольких истинных суждений на основании определенных правил вывода получается новое суждение, содержащее новое знание. Выделяются дедуктивные, индуктивные способы рассуждения и рассуждение по аналогии. Дедукцией в логике называют умозаключение, в форме которого ведется логический переход от общего знания к частному, при этом вывод от известного знания в посылках к новому знанию в заключении логически необходим. Индукцией называется умозаключение от знания меньшей степени общности к новому знанию большей степени общности (т.е. от отдельных частных случаев переходим к общему суждению). Следует особо подчеркнуть роль примера в ораторском монологе. В принципе обращение к примеру – это тип индуктивного способа рассуждения. Аналогия – умозаключение о принадлежности предмету определенного признака, то есть свойства или отношения, на основе сходства в существенных признаках с другим предметом. К аналогии прибегают обычно тогда, когда имеют дело с единичными явлениями и историческими событиями, относительно которых еще не получены теоретические и практические обобщения. Малоизвестные факты, события, процессы уподобляются ранее исследованным и хорошо известным фактам, событиям, процессам.

С учетом многогранности ораторского монолога в нем можно выделить несколько уровней, которые отражают рацио-

нальную и эмоционально-образную стороны речи, что связано с мышлением, восприятием выступления слушателями. К этим уровням относятся: во-первых, идейный центр речи, который связан с постановкой проблемы, основными мыслями, методологией раскрытия темы, ее философской интерпретацией и другими содержательными моментами, которые отражают рациональную сторону речи; во-вторых, логико-теоретический уровень, который, являясь также рациональной стороной речи, включает в себя теоретические понятия, их логическое обеспечение, систему доказательств, используемых оратором; в-третьих, уровень фактического материала, который является базой для интерпретации и предлагается наглядно-чувственному или практическому мышлению слушателей; в-четвертых, эмоционально-оценочный уровень, связанный с эмоциональной оценкой слушателями ораторской речи; в-пятых, ассоциативно-образный уровень, влияющий на восприятие речи слушателями. Конечно, все эти уровни тесно связаны между собой взаимными переходами.

Проанализируем вступительное слово А.В. Луначарского в Политехническом музее на вечере, посвященном Ф.М. Достоевскому, 20 ноября 1929 г. (Луначарский, 1970, с. 149–167). Во всех оценках Достоевского Луначарскому удастся передать ощущение громадной личности писателя, исключительной важности и глубины поставленных им проблем. Эта речь – яркий образец сочетания живой и страстной импровизации с четкой, глубоко продуманной концепцией, сочетания, столь характерного для всего ораторского искусства Луначарского.

Первый уровень – идейные основы речи. Луначарский говорит о Достоевском как о величайшем писателе не только русской, но и мировой литературы. Сформулированы главные, ключевые суждения Луначарского, которые лежат в основе и других его выступлений о Достоевском. Это прежде всего мысль о том, что трагическое творчество писателя, подобно произведениям Л.Н. Толстого, явилось отражением того гигантского социального сдвига, который породил всю русскую литературу второй половины XIX века. В творчестве этого гениального пи-

сателя показаны сложные душевные процессы, на основе которых вырастает совершенно особая проблематика; Достоевский ставит большие моральные проблемы (с. 154). Луначарский ни на мгновение не упускает из виду своеобразия социальной психологии Достоевского и особенностей его личности. Катастрофическое общественное положение большой массы горожан и мелкобуржуазной интеллигенции – такова, по мнению Луначарского, живая социальная почва остроконфликтных романов Достоевского. К чертам произведений Достоевского относится и чрезвычайно занимательный сюжет (с. 155). Достоевский старается захватывающее романическое действие наполнить психологическими ассоциациями и своей философско-этической проблематикой (с. 155).

Луначарский подробно развивает идею о блестящем слог писателя: слог Достоевского «одновременно гениальный и никакой». Серьезный интерес имеют замечания Луначарского об отсутствии у Достоевского отшлифованного языка, о том, что критик очень метко называет «манерой уничтожения стиля ради необыкновенной полноты содержания» (с. 155). Большое место Луначарский уделяет выяснению политических взглядов Достоевского (с. 158–163). «Революционные его мечты, порывы были так велики /.../» (с. 159). И по сей день остаются очень убедительными высказывания Луначарского о политических взглядах писателя, склонного к крайним позициям и абсолютно далекого от какого-то ни было либерализма (с. 159 и далее). Какое же значение имеет Достоевский для нас? Луначарский высоко определяет это значение, связывая его с современными историческими событиями и выделяя положительные и отрицательные черты творчества Достоевского (с. 164–165). Он подчеркивал необходимость воспринимать писателя критически, учитывая при этом всю громадность масштаба Достоевского – «слишком большого человека, слишком космато гениального» (с. 161). Богатое идейное содержание речи связано со сферой эмоционального восприятия. Через идеалы, через содержание речи создается первооснова эмоционального настроения аудитории.

Второй уровень рационального содержания речи – ее логико-теоретическая структура. Как она проявляется в речи?

В начале речи оратор выдвигает тезис, который затем детально раскрывает в своем выступлении. «Товарищи, Достоевский принадлежит к числу величайших писателей нашей литературы, а в последнее время можно уже окончательно считать его, по признанию огромного большинства читающей публики и критиков, одним из величайших писателей и литературы мировой» (с. 152). Раскрывая этот общий тезис, оратор останавливается на ряде вопросов.

Во-первых, психологизм творчества Достоевского: «Когда мы подходим к анализу его произведений и спрашиваем себя, чем, прежде всего, отличается Достоевский от других писателей и русских, и иностранных, то мы встречаемся сейчас же с характеристикой его как психолога» (с. 152). Эта мысль раскрывается далее на основе сопоставления творчества Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, анализируются взгляды на творчество этих писателей Мережковского и Плеханова.

Во-вторых, оратор рассматривает проблему занимательности сюжета у Достоевского.

В-третьих, Луначарский переходит затем к анализу слога писателя, снова сопоставляя его с творчеством Л.Н. Толстого.

Четвертый логический (композиционный) блок – рассмотрение содержания произведения писателя: «Достоевский изображает не только смятение душ и искание эпохи, но и их устремление к некоторому полюсу» (с. 158). Здесь оратор анализирует политические взгляды писателя. «Но эта искренняя утопия и революционные пути к установлению этого царства правды на земле сделались мучительным кошмаром для Достоевского» (с. 159). В этой же части он сопоставляет писателя с Н.В. Гоголем, А.С. Пушкиным, Л.Н. Толстым.

Пятый логический блок – значение Достоевского для нас.

Все средства у Луначарского выступают в системе.

Третий уровень рационального содержания – богатейший фактический материал, который адресуется наглядно-действенному мышлению слушателей. Фактический материал занима-

ет большую часть речи. Это прежде всего анализ взглядов писателя и критиков: Мережковского, Плеханова, Переверзева, Лебединского. Затем приводятся факты, связанные с жизнью и творчеством Гоголя и Пушкина. И, конечно же, много фактов из жизни и творчества Достоевского и Толстого.

Фактический материал тесно взаимодействует с теоретическими положениями. Собственно, теоретические положения и выводы базируются на анализе этого фактического материала, на сопоставлении различных точек зрения и различных фактов. Фактическая оснащенность речи зависит от цели речи, ее вида (ср. речь прокурорскую).

Четвертый уровень – эмоционально-оценочный, который характеризуется эмоциональной насыщенностью речи и ее оценочностью. «Гоголь. Он вступает в жизнь необыкновенно веселым человеком с таким украинским блеском в своих карих глазах и с необыкновенно рассыпчатым и зазывным смехом, но через несколько времени, уже через очень короткий срок мы видим, что он говорит о своем смехе как о смехе, звучащем сквозь слезы /.../» (с. 159). Характеристика Гоголя чрезвычайно эмоциональна, положительно оценочна, что создается за счет использования эмоционально окрашенной лексики (*веселый, блеск в карих глазах, рассыпчатый и зазывный смех, сквозь слезы*).

Пятый уровень – ассоциативно-образные элементы. Изобразительно-выразительные средства создают определенные ассоциации у слушателей. Один пример: «Но Достоевский хотел быть и врачом. Его микстуры мы решительно отвергаем. Микстуры его нам не нужны потому, что он хотел беспринципность, оторванность от общества излечить гораздо большей бедой – покорностью, верой в провидение и т.д., т.е. лекарствами, которые мы считаем смертельными ядами и которые мы должны бить в Достоевском и через Достоевского» (с. 164). Изобразительно-выразительные средства (развернутая метафора) в этом фрагменте речи создают определенный, осязаемый, яркий облик Достоевского и направление его творчества. Благодаря образности, связанной с конкретно-образным мышлением, сказанное легко запоминается.

Таковы главные особенности ораторского монолога.

2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Активизация внимания аудитории обеспечивается многими факторами и психолого-педагогическими условиями. Это подтверждается и данными опроса слушателей. На вопрос «Что на лекции вызывает у вас наиболее устойчивое внимание?» получены весьма показательные ответы. В содержании лекции: 1. Связь с практикой, практическая значимость выступления – 83%. 2. Новизна содержания – 78%. 3. Актуальность содержания, вопросов, примеров, фактов – 67%. 4. Высокий теоретический уровень – 61%. 5. Отражение современных проблем науки, техники – 36%. 6. Перспективы развития, решения проблемы – 31%. В методике изложения лекции: 1. Свободный стиль изложения (лектор не читает текст, не привязан к нему) – 87%. 2. Логика, последовательность, доказательность – 72%. 3. Эмоциональность выступления – 70%. 4. Четкость выделения основных вопросов лекции и ее проблемный характер – 65%. 5. Убеденность лектора – 63%. 6. Простота изложения – 60%. 7. Уважительное обращение к аудитории – 53%. 8. Способность пропагандиста привлечь внимание аудитории – 50%. 9. Конкретность фактов, примеров, выводов – 43%. Приведенные результаты опроса слушателей одной аудитории не могут быть абсолютными для характеристики ответов другой. Но очевидна необходимость учета многих факторов, влияющих на активизацию внимания и поддержание у собеседников интереса к выступлению (Худолеев, 1983, 43).

Эффект эмоционального воздействия зависит от целого ряда факторов, которые находятся в тесном взаимодействии между собой. Во-первых, от эмоциональной насыщенности речи; эмоциональность, экспрессивность речи создают нужное настроение у слушателей. Во-вторых, достижение эмоционального эффекта связано с формой подачи материала; выступление должно быть живым, необычным, творческим. В-третьих, содержание тоже влияет на чувства. В-четвертых, положительный эмоциональный эффект создает у слушателей новизна инфор-

мации. В-пятых, глубина эмоционального воздействия зависит от материальных и духовных интересов слушателей.

Известный русский психолог Л.С. Выготский отмечал слитность таких психических явлений, как мышление и речь. Он считал, что неверно представлять себе мышление и речь как два внешних по отношению друг к другу процесса, как две независимые силы, которые протекают и действуют параллельно друг другу или пересекаются в отдельных точках своего пути и вступают в механическое взаимодействие друг с другом. По его мнению, мысль не выражается, но совершается в слове (Выготский, 1956, 320–321, 332). Мысль не только организуется речью, но и формируется в ней. Самые эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального.

Отметив внутреннюю слитность мышления с речью, мы можем теперь обратить внимание на слитность чувств с живой речью. В психологии доказано, что речь играет двоякую роль в динамике чувства: она помогает языковыми средствами осознанию недостаточно понятого человеком чувства и также «передаче» наших чувств другим. Из этого следует, что речь, чувства и мышление действительно едины по-особому, составляют необходимое условие друг для друга. Психике человека присуща и вторая особенность – системность. Характер каждого конкретного сознательного действия зависит от того, какие психические процессы входят в него и как связаны друг с другом, какое положение по отношению друг к другу занимают. В этом и состоит сущность системности нашей психики (Сазонтьев, 1982). Значение системности становится вполне понятным, если учесть еще и третью особенность человеческой психики – ее активность. Внутренняя перестройка «сознательного действия» и есть тот механизм, который обеспечивает «кадрирование» то одного, то другого, то третьего элемента психики в нашем сознании. Тот, кто сознательно выступает в бесстрастной, строгой манере, рационально и сводит выступление к сообщению фактов, сведений или к сучному наставлению, по сути дела идет

наперекор действительному положению вещей. Избавиться от эмоций в устном выступлении невозможно (Сазонтьев, 1982). Итак, выступление – это разновидность речевого действия, в структуре которого в равной мере важно и рациональное, и эмоциональное.

Сила воздействия языка колоссальна. К.И. Платонов отмечал, что если намеренное внушение в бодрствующем состоянии «в более или менее резко выраженной степени удастся далеко не у всех», то совершенно другое наблюдается, когда налицо невольное внушение, производимое при естественном общении одного субъекта с другим. Это внушение «происходит незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления». Правда, оно редко действует сразу, чаще же медленно, но зато «верно укрепляется» в психической сфере (Платонов, 1957, 31). Далее Платонов отмечает, что «внушаемость выражается в большей или меньшей подчиняемости высшей нервной деятельности одного человека словесным воздействиям другого человека, осуществляемой, однако, не на основе доводов разума, логической мотивации, а путем совершенно безотчетного подчинения воздействиям. Сам человек в таких случаях не отдает себе ясного отчета в такой подчиняемости, продолжал считать свой образ действий результатом своей собственной инициативы. Тем не менее внушаемость составляет одно из нормальных проявлений высшей нервной деятельности человека» (Платонов, 1957, 32). Платонов разрабатывает схему внушения. Прямое словесное внушение осуществляется путем непосредственного воздействия самой речи, имеющей определенную смысловую значимость и императивность, на высшую нервную деятельность – на вторую сигнальную систему. Через нее – на первую сигнальную систему и на подкорку. Эффективность прямого внушения словом зависит от функционального состояния в данный момент коры мозга лица, воспринимающего внушение, что и определяет собой степень внушаемости; от смыслового содержания внушаемого словесного комплекса (Платонов, 1957, 35). Платонов отмечает, что наиболее сильно действует смысловое содержание

слова, его семантика. И ссылается при этом на Павлова: многообъемность слова делает понятным то, что внушением можно вызвать в гипнотизируемом человеке так много разнообразных действий, направленных как на его внешний, так и на внутренний мир. Платонов отмечает: «Сочетаясь в индивидуальной жизни человека с теми или иными раздражителями и образуя таким образом первичные, а затем вторичные и более сложного порядка цепные рефлексы (условно-условные рефлексы, по терминологии А.Г. Иванова-Смоленского), слово приобретает характер весьма многогранного комплексного раздражителя второй сигнальной системы, в отдельных случаях способного оказывать на кору мозга весьма мощное общее и специальное воздействие» (Платонов, 1957, 22). При этом для всей вообще словесной сигнализации специфично, как это в свое время подчеркнул Иванов-Смоленский, обобщение слова слышимого, видимого и произносимого в единую корковую динамическую структуру, связанную с обозначаемым им предметом.

В свое время (1898) В.М. Бехтерев, отмечая, что способами воздействия одних лиц на поведение других является личный пример, прямой приказ, убеждение и внушение, писал, что «вопреки словесному убеждению, обыкновенно действующему на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение действует путем непосредственного прививания /.../ идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике». Это может происходить как намеренно, так и не намеренно и осуществляться «иногда совершенно незаметно для человека, воспринимающего внушение»; иногда же происходит с его ведома и «при более или менее ясном его сознании». В случае же ограниченности у данного лица жизненного опыта и практических знаний применение каких-либо логических убеждений обычно не достигает цели, в то время как прямое словесное внушение, так же как и прямой приказ, в таких случаях всегда действуют верно. «Отсюда ясно, что для второй сигнальной системы понятие силы раздражителя в конечном счете определяется социальной (смыс-

ловой) значимостью слова, создавшейся в условиях прошлого жизненного опыта данного человека» (Платонов, 1957, 33).

Рациональное в живой речи – это прежде всего знания, которые преподносятся, та информация, которая содержится в речи. А психология учит, что усвоение знаний не сводится к механическому их запоминанию. Усвоение знаний, их глубокое проникновение в сознание человека возможно только при участии всех компонентов психики, когда активно работает ум слушателя и у него возникают цепи суждений и оценок, формируются мотивы будущих действий, появляются соответствующие эмоции и желания.

Процесс устного общения очень сложный. Он предполагает, что оратор и слушатели участвуют в общении как равноправные личности. Оратор выражает свои суждения и переживания с возможной полнотой и точностью, а слушатели воспринимают речь и по-своему ее перерабатывают, строя в своем сознании из собственных слов некую копию речи выступающего. При этом каждый слушатель перерабатывает сообщение по-своему. Он может что-то пропускать, исказить (поэтому в выступлении полезно, а иногда даже необходимо, повторять одну и ту же мысль разными словами). Корректировка восприятия речи совершенно необходима.

Качество восприятия зависит от того, насколько слушатель подготовлен к восприятию речи, то есть обладает запасом слов и общим развитием, а также в какой мере его интеллектуальная и эмоциональная сферы могут эффективно усвоить идеи оратора. Таким образом, речь выступающего должна быть простой, он должен подготовить аудиторию к восприятию речи, выступление должно быть строго системным, где отдельные языковые особенности связаны системными отношениями между собой.

Восприятие выступления может протекать по-разному. В первых, контакт аудитории с оратором состоит в простом внешнем их (слушателей) внимании, при этом освоение новых связей, которые слушатели черпают из речи, как считают ученые, происходит фрагментарно, по отдельным словам, суждениям и фактам. Все части выступления могут ассоциироваться с прош-

лым опытом слушателей. Эффект такой речи низок. Во-вторых, восприятие выступления возникает при более глубоком контакте аудитории с оратором, когда слушатели захвачены сорассуждением и сопереживанием и у них происходит точное восприятие смысла, образов и оценок, а прошлый опыт привлекается для понимания оратора более обобщенно и одновременно более расчлененно. Эффект такого восприятия выступления оптимален (Сазонтьев, 1982, 14).

Итак, цель оратора – сильнее повлиять на слушателей, убедить их в правоте сказанного с помощью таких слов, которые способны вызвать нужные мысли и чувства. Уровень мастерства определяется также и тем, насколько хорошо оратор ориентируется в особенностях аудитории, знает преобладающие в ней мнения и настроения, умело учитывает при выступлении особенности людей.

Заслуживают внимания суждения Е.Ф. Тарасова: «Когда речь идет о речевом воздействии, имеется одна и та же схема: нести информацию, формировать на ее основе интересы, потребности, в конечном счете мировоззрение и, уже опираясь на него, побуждать к действию, активности. Могут меняться методы, содержание лекционной пропаганды, варьироваться агитационные призывы, но неизменной остается общая схема и главное – конечная задача речевого воздействия» (Вопросы лекционной пропаганды, 1981, 38). Он отмечает, что психологию речевого воздействия условно можно разделить на две части: психологию восприятия речевого сообщения и психологию мотивирования требуемых от аудитории действий. Психология восприятия, таким образом, занимается проблемами организации общения оратора с аудиторией, а психология мотивирования – проблемами убеждения.

В психологии выделяют эмоциональную память, то есть память на определенные чувства. Яркие эмоциональные переживания оратора твердо удерживаются в памяти и легко воспроизводятся. Интересный материал, речь, содержащая эмоционально-экспрессивные элементы, легче усваиваются и запоминаются. Конечно же, знание психологической характеристики аудито-

рии помогает оратору определить эмоциональную насыщенность речи и возможное отношение к ней слушателей.

И здесь на помощь оратору приходят социально-психологические способы воздействия на людей в процессе общения: заражение, внушение, убеждение. Как считают, заражение связано с бессознательным переходом слушателя в определенное психическое состояние под влиянием внешнего воздействия. Оратор, обладая большим речевым эмоциональным зарядом, передает свое психическое настроение аудитории, заставляя ее реагировать на свою речь в нужном ему направлении. В этом – сопереживание слушателей и оратора, в этом – надежная связь между ними, лучшее усвоение информации слушателями. Внушение осуществляется посредством словесного воздействия на слушателей, готовых получать инструкции, и носит осознанный характер. Убеждение может быть вызвано логикой, содержанием речи, эмоциональной яркостью изложения, рассуждением, выразительными и убедительными примерами, оно адресовано разуму слушателей. Чтобы убеждение было эффективным, оно должно отвечать следующим требованиям: содержание и форма убеждений должны соответствовать уровню возрастного развития личности; убеждение должно строиться с учетом индивидуальных особенностей слушателей; убеждение должно быть последовательным, логичным, максимально доказательным; убеждения должны содержать как обобщенные положения (принципы и правила), так и конкретные факты, примеры; при убеждении необходимо глубоко анализировать факты, чтобы доказать их истинность, показать аудитории творческий подход к ним и сделать вместе с аудиторией на основе этих фактов выводы; убеждая других, оратор должен сам глубоко верить в то, что он сообщает (Парыгин, 1971, 271–272).

Еще древнегреческие и древнеримские риторы большое внимание обращали на эмоциональность речи. В своей «Риторике» Аристотель писал, что слушатель всегда сочувствует оратору, который говорит с душой, даже в том случае, если он не говорит ничего основательного, важного, но стиль будет соразмерным, если он выражает чувства и соответствует излагаемым предме-

там. Оратор употребляет выражения, присущие какому-либо его состоянию. «Стиль полон чувства, если он представляется языком человека гневающегося, раз дело идет об оскорблении, и языком человека негодующего и сдерживающегося, когда дело касается вещей безбожных и позорных, если о вещах похвальных говорится с восхищением, а о вещах, возбуждающих сострадание, – скромно; подобно этому и в других случаях» (Об ораторском искусстве, 1973, с. 35–36). По мнению Аристотеля, риторика – это искусство убеждения: оратор стремится завладеть своими слушателями и воодушевить их.

Как же можно возбудить интерес слушателей и активизировать их познавательную деятельность? Активность восприятия зависит от ряда моментов. Как уже отмечалось, оратор всегда должен стремиться увлечь слушателей содержанием выступления, значимой, ценной информацией, ее новизной, обращая внимание на актуальные, современные, общественно значимые вопросы. Уже само это представляет важный эмоциональный момент. Обычно выделяют две группы эмоциональных потребностей: общего и ситуативного характера. Первая группа связана с теми вопросами, которые вызывают неизменный интерес любой аудитории. Они затрагивают самые существенные стороны материальной и духовной жизни общества. Это проблемы семьи, взаимоотношения людей, экономического развития страны, формирования духовного облика человека, развития науки, театра, спорта. Вторая группа эмоциональных потребностей связана с явлениями, которые волнуют, занимают слушателей в данный момент. Например, последние политические события, новости спорта, события в культурной жизни. Умение использовать эти материалы, связанные с их эмоциональным восприятием, повышает эффективность речи.

Восприятие слова – процесс, связанный с эмоциональной стороной речи, требует напряжения внимания в течение некоторого времени и сопровождается произвольной эмоциональной реакцией. Этот процесс невозможен без проявления чувств. Эмоциональная речь, в которой все эмоциональные элементы выступают в системе, активизирует мыслительные процессы

слушателей, заставляет их энергично воспринимать изложение, запоминать его. «Эмоции и мышление имеют одни истоки и тесно переплетаются друг с другом в своем функционировании на высших уровнях /.../ Они не просто отражают соответствие или несоответствие действительности нашим потребностям, установкам, прогнозам, не просто дают оценки поступающей в мозг информации о реальном. Они одновременно функционально и энергически подготавливают к поведению, адекватному этой оценке» (Додонов, 1978, 38). Таким образом, правильно построенная эмоциональная речь самым непосредственным образом влияет на поведение слушателей. И деятельность человека, по мнению исследователей, поддержанная эмоциональной речью, проходит намного успешнее, чем та, которая связана лишь с рассудочным воздействием. Однако в разных аудиториях соотношение логического и эмоционального должно быть различным.

Таким образом, одна из основных задач оратора – вызвать интеллектуальное и эмоциональное сопереживание аудитории, так называемый «эффект сопереживания». Интеллектуальное сопереживание – это совместная мыслительная деятельность оратора и слушателей. Оратор излагает свою точку зрения и как бы «публично» мыслит, слушатели следят за развитием его мысли и совершают ту же мыслительную работу. Интеллектуальное сопереживание можно вызвать четкой постановкой проблемы, различными вопросами, сопоставлением разных фактов, концепций, гипотез. Все это включает слушателей в процесс творческого восприятия речи.

Эмоциональное сопереживание вызывается эмоциональной направленностью выступления. Заинтересованность, убежденность, эмоциональный подъем оратора, эмоциональность речи вызывает ответную реакцию слушателей. Определенное значение здесь имеет личностный «эффект заражения», и можно полностью присоединиться к утверждению, что, если ты подошел к аудитории и ты сам не волнуешься, тебе самому хочется спать, несомненно, и аудитория будет соответствовать твоему настроению.

Вовлекают слушателей в сопереживание также размышления оратора – едва ли не одна из высших форм ораторского мастерства. Эффект «размышления вслух» имеет огромное значение для вовлечения слушателей в процесс «сотворчества». Оратор говорит со слушателями, размышляет, ставит различные вопросы, сопоставляет разные факты, точки зрения, полемизирует с воображаемыми оппонентами, включает слушателей в процесс творческого восприятия речи.

Мы отметили здесь лишь основные аспекты психологического воздействия на слушателей.

3. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И ОЦЕНОЧНОСТЬ РЕЧИ

Оратор должен постоянно поддерживать у слушателей устойчивое внимание. А это достигается возбуждением у них эмоционального состояния. Как отмечалось, условие убедительного выступления – новизна, доказательность и эмоциональность, выразительность. Уже сама новизна выступления вызывает эмоциональное отношение слушателей к речи.

Эмоционально-экспрессивные языковые факты весьма разнообразны: их выбор и порядок использования в каждом конкретном случае связан со многими моментами: темой, материалом, заинтересованностью и составом слушателей, а также временем, местом, условиями выступления.

Многие слова русского языка имеют наряду с предметно-логическим значением и стилистическую окраску. Они характеризуются и с точки зрения употребления их в определенном стиле речи, и с точки зрения выражаемой в них экспрессии и эмоциональной оценки.

В литературном русском языке выделяются межстилевые, книжные и разговорные слова.

Межстилевая (или нейтральная) лексика – это слова, не прикрепленные к определенному стилю речи, то есть они могут употребляться всюду: в научных и публицистических статьях, в официальных бумагах и в художественной литературе, в

непринужденном разговоре и в разных видах публичной речи. Нейтральными они называются потому, что лишены стилистической окраски. Такие слова составляют основу нашего языка. Эта лексика обычно имеет стилистические синонимы (книжные, разговорные, просторечные), на фоне которых видно, что она лишена стилистической окраски. Так, слово *говорить* является нейтральным, межстилевым по сравнению с разговорным *разглагольствовать* и просторечным *разоряться*. Такие слова, как *стол, тетрадь карандаш голова, старый, север, юг наш, мои, девять*, нейтральные, межстилевые.

Книжная лексика – это слова, связанные с книжными стилями речи (научным, официально-деловым, газетно-публицистическим), употребляющиеся в научных выступлениях и в научной литературе, в публицистических произведениях и беседах, в официально-деловых документах и речах (*прогрессивный, внедрять, моральный, стимулировать*).

Разговорная лексика – это слова, употребляющиеся в непринужденной беседе. Например: *одергивать, послушаться, завалить, сногшибательный, наклеузничать, столовка, подкованный*. А вот просторечная лексика – это слова, характеризующиеся оттенком упрощения, сниженности, грубости. Они выходят за пределы норм литературного языка и иногда используются в литературных произведениях и устной речи как экспрессивные элементы. Но их следует использовать очень осторожно, так как они, повторяем, имеют оттенок сниженности. Например: *замызганный, вовнутрь, облапошить, обшарпанный, завсегда*.

Степень использования в выступлениях разговорной лексики и фразеологии зависит от многих моментов, например от цели речи, ее содержания, жанра, аудитории, наконец, от индивидуальных речевых навыков говорящего. Одни ораторы свободно употребляют в своих выступлениях специфические устно-разговорные слова, другие, наоборот, предпочитают книжную речь.

Конечно, разговорные слова в некоторых речевых ситуациях бывают необходимы: именно разговорность, как уже отмечалось, повышает воспринимаемость речи, снижает тот психологи-

ческий барьер, который может возникнуть между оратором и слушателями.

Слова перечисленных разрядов имеют так называемую функционально-речевую окраску, то есть окраску, свойственную словам, принадлежащим к определенному стилю речи. Так, можно сразу сказать, что *прикидываться, подстроиться, забрать, вогнать, подбросить, подкинуть, толк* (синоним польза) – слова разговорного стиля; *черное золото, пушистое золото, люди в белых халатах, индустрия здоровья, трудовая победа, архитектура белка, династия сталеваров, ледовая дружина, зеленый друг, большое молоко* – относятся к публицистическому стилю; *нижеподписавшийся, довожу до вашего сведения, прошу принять во внимание, по истечении, по прибытии* – слова и сочетания слов официально-делового стиля; *девальвация, гуманитарный, эксперимент* – слова научного стиля. Это не значит, конечно, что слова научного или официального стилей мы не можем употреблять в разговорной речи, но и там они сохраняют свою книжную окраску и свою принадлежность к определенному стилю. Например, книжная окраска слова явно ощущается в следующей фразе: «Ты знаешь, Саша у меня очень индифферентен». Здесь книжное слово *индифферентный* употребляется не в книжной речи, а в обычном разговоре в значении *безразличный, равнодушный*. Такое употребление в этой фразе вполне приемлемо. Однако бывают и такие ситуации, когда иностранные слова не вписываются в разговорную речь, ощущаются как несвойственные ей. Так, странно бы звучало обращение мастера к рабочему: «Пойди посмотри, как там подается в трубы черное золото». Вызвали бы недоумение ученых такие слова в выступлении: «Эйнштейн подкинул теорию относительности. Сначала не знали, будет ли от нее толк». При работе над материалом мы должны учитывать стилевое расслоение лексики и употреблять ее правильно.

В зависимости от использованной лексики текст получает книжную или разговорную окраску.

Вот пример книжного стиля изложения, близкого к официальному: «Готовность техники, четкая организация работ, мас-

терство механизаторов, широкое применение опыта передовиков и прогрессивных методов труда – вот основные звенья, позволяющие добиться успеха на жатве и заготовках зерна. Долг руководителей и специалистов хозяйств – настойчиво внедрять передовые формы организации труда, строго соблюдать меры морального и материального стимулирования, добиваться, чтобы неуклонно повышалась производительность комбайнов и автомашин, а рекордные показатели передовиков быстрее становились нормой труда каждого механизатора».

Этот стиль книжный, он лишен слов с яркой эмоциональной окраской, несколько суховат, в основном имеет логическую направленность.

Эмоционально-экспрессивная окраска – это дополнительные стилистические оттенки, которые накладываются на основное, предметно-логическое значение слова и выполняют эмоционально-экспрессивную или оценочную функцию. Слово может иметь эмоционально-экспрессивную окраску, если оно выражает какую-либо эмоцию или чувство (любовь, гнев, радость, огорчение, удовольствие) или своей образностью, или каким-либо другим способом подчеркивает, усиливает мысль. Слово имеет оценочный характер, если выражает положительное или отрицательное отношение говорящего к тому, что называет.

Язык предоставляет в распоряжение оратора огромное количество таких слов. Они, отличаясь большой выразительностью, позволяют наиболее полно охарактеризовать явление или событие. Эмоционально-экспрессивные слова служат хорошим средством для создания соответствующих характеристик, для формирования определенных образов, для конкретизации мысли. Они не только передают отношение автора речи к событию, явлению, предмету, но и воздействуют на слушателей.

С понятием эмоционально-экспрессивной окраски связаны тонкие оценочно-характеристические оттенки, которые, усложняя речь и делая ее выразительной, повышают ее смысловую насыщенность. Появление в слове окраски неизменно сопровождается расширением и усложнением его смыслового объема.

Виды этой окраски и средства ее выражения разнообразны. Конечно, следует прежде всего выделить большой пласт лексики неограниченного употребления, которую называют нейтральной. О ней мы уже говорили: она лишена какой бы то ни было эмоционально-экспрессивной окраски (*дом, глаза, лицо, волосы*). Так, слово *подчинить* в оценочном плане является нейтральным и не имеет особой эмоционально-экспрессивной и функционально-речевой окраски по сравнению с разговорным *оседлать*, просторечным *взнуздать* и книжным, высоким сочетанием *поставить на колени*.

Оттенки эмоционально-экспрессивной окраски делятся на два разряда: с положительной оценкой и с отрицательной (негативной) оценкой. К первому относятся торжественные, возвышенные, одобрительные, ласкательные, шутливые слова (*зодчество, милостиво, благосклонно, брачные узы, грядущее*), ко второму – неодобрительные, презрительные, укоризненные, пренебрежительные и другие слова; в большинстве своем они стилистически сниженные (*буржуй, трепач, птица высокого полета*).

Например, высокую стилистическую окраску имеет слово *лик* в таком тексте: «Спор с пустыней продолжается, но теперь, заметьте, у него другой характер. Пустыня в наше время становится труженицей. Человек облагораживает ее лик, заставляя работать на себя».

Два вида стилистической окраски – эмоционально-экспрессивная и функционально-речевая (или функционально-стилистическая) тесно связаны между собой. Чаще всего они совпадают в одном слове.

Приведем несколько примеров синонимов, которые имеют различную эмоционально-экспрессивную и функционально-речевую окраску. Так, *будущий* – такой, который последует за настоящим, который наступит или появится через некоторое время, а также такой, который станет кем-либо некоторое время спустя; слово *грядущий* обозначает то же, но имеет приподнятый характер, высокую окраску.

Чем же отличаются слова *родина, отечество, отчизна*? Все они обозначают страну, в которой человек родился и гражданином которой он является. Но *отечество* и *отчизна* – слова торжественной, возвышенной речи. Мы можем сказать: «Я люблю свое отечество». Здесь выражается отношение к родине. Сравните слова А.Н. Толстого: «Это – моя родина, моя родная земля, мое отечество, – и в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...» Вряд ли будет уместно это слово в такой фразе, относящейся к бытовой ситуации: «Ты знаешь, завтра рано поутру я выезжаю на поезде в свое отечество». В этом контексте слово приобретает уже некоторый иронический оттенок: он появляется только в том случае, если это диктует контекст или ситуация.

Слова могут иметь шутивную, фамильярную окраску. Рассмотрим, например, слово *говорун, болтун, краснобай*. Говорун – любитель поговорить, тот, кто любит и умеет складно, хорошо говорить; краснобай – красноречивый, но обычно пустой говорун, слово имеет пренебрежительный характер; болтун – любитель болтать, рассуждать, слово выражает пренебрежительную, презрительную оценку.

О слоге, стиле, языке мы можем сказать, что он *напыщенный, высокопарный, выпренный, надутый, пышный, риторический*, то есть отличающийся чрезмерной торжественностью, искусственной приподнятостью, обычно неуместной. Все эти слова выражают отрицательную оценку; слово *надутый* имеет разговорный характер.

Сравним слова *назначение, предназначение, призвание*. Они все обозначают то, для чего предназначается кто-либо, что-либо, что составляет смысл существования кого-либо, чего-либо. Два последних слова имеют приподнятый, торжественный характер.

Муж, супруг, благоверный, половина, спутник жизни – мужчина по отношению к женщине, состоящей с ним в браке. Муж – слово нейтральное. Слово *супруг* употребляется, когда хотят проявить почтительность, вежливость; *благоверный* и *половина* (с притяжательными местоимениями *моя, твоя, его, ее* и т.п.) имеют шутивно-иронический характер и употребляют-

ся в разговорной и обиходно-бытовой речи; понятие *спутник жизни* употребляется в приподнятой речи или в речи, имеющей фамильярный, шутливо-иронический характер, это зависит от контекста или от ситуации, в которой произносится эта речь.

Слова *обеспечить*, *гарантировать* обозначают «создать условия для осуществления, получения чего-либо», сделать несомненным осуществление, получение чего-либо; оба слова употребляются преимущественно в литературно-книжной речи и речи официально-делового характера. Мы скажем: «Заводы необходимо обеспечить рабочей силой». Часто мы слышим и такую фразу: «Я ведь тебе не гарантирую, что приду». А вот здесь целесообразнее заменить это слово другим – *обещаю*, так как слово *гарантировать* употребляется здесь в несвойственном ему значении и в нехарактерном для него стиле: последняя фраза построена в разговорном стиле.

Слова *теперь*, *сейчас*, *в настоящее время*, *в данное время*, *в настоящий момент*, *в данный момент*, *нынче*, *ныне* объединяются одним значением: «в настоящее, текущее время; в настоящий, текущий момент». Но они отличаются тонкими нюансами значения и стилистической окраской. Слово *теперь* чаще употребляется по отношению к настоящему, текущему времени, а *сейчас* – по отношению к данному, настоящему моменту. Оба эти слова в стилистическом отношении нейтральны, употребляются преимущественно в обиходно-разговорной речи.

Слова *слушать*, *внимать* имеют значение «воспринимать, улавливать что-либо слухом». Первое слово в стилистическом отношении нейтрально, второе же употребляется преимущественно в торжественной, приподнятой речи. Например, мы не говорим: «Внимай мне», а говорим: «Слушай меня внимательнее», но: «В этот торжественный момент и отец, и мать, и сестры внимали ему».

Слова *пригласить*, *позвать* обозначают «обратиться к кому-либо с просьбой, предложить прийти, приехать куда-либо, к кому-либо». Слово *пригласить* употребляется преимущественно в тех случаях, когда речь идет об официальном, деловом и тому подобном предложении или когда хотят указать на вежливость,

почтительность обращения с просьбой прийти, приехать куда-либо, к кому-либо; *позвать* употребляется в речи разговорного характера.

Слова *свободный, незанятый, пустой, праздный* употребляются, когда речь идет о времени, не заполненном каким-либо трудом, делом. *Свободный* – основное, наиболее употребительное нейтральное слово; *незанятый* свойственно обиходно-разговорной речи; *пустой* – ничем не заполненный, ничем не занятый, слово употребляется редко, преимущественно в обиходно-разговорной речи; *праздный* – проводимый в ничегонеделании, в праздности, употребляется преимущественно в разговорной речи. Вы видите эту стилистическую разницу из следующих примеров: «Все свободное время он проводил за околицей, в поле»; «Он очень скучал: у него было очень много праздного времени, которое нечем было заполнить»; «Зимой пустые дни тянулись медленно: ему нечем было их заполнить»; «Незанятое время он отводил рисованию». У этих синонимов помимо стилистической окраски проявляются и тонкие смысловые оттенки.

Усмирить, унять, утихомирить имеют значение «заставить кого-либо вести себя более смиренно, разумно, перестать скандалить, буйствовать». Слова *усмирить* и *унять* употребляются в речи разговорно-фамильярного характера; *утихомирить* употребляется в обиходно-разговорной речи по отношению к человеку, чье поведение имеет особенно буйный, несдержанный характер.

Хороший – отличающийся положительными качествами, заслуживающий положительной оценки; это основное слово для выражения значения, широко употребляемое со словами как конкретными, так и отвлеченными, стилистически нейтрально; *славный* чаще всего употребляется, когда мы хотим сказать о ком-либо или о чем-либо приятном на вид, привлекательном, располагающем к себе, доставляющем удовольствие, употребление же этого слова по отношению к чему-либо приятному на вкус имеет устарелый характер, слово обычно употребляется в разговорной речи. А вот *добрый* чаще употребляется в сочетании со словами *обычай, правило, день, привычка* и вносит в речь

положительную окраску, употребление этого слова с существительными конкретного значения типа *здание, молодец, конь, еда* имеет уже устарелый характер, а также свойственно народно-поэтической речи; слово *ладный* употребляется редко и имеет просторечный характер; слова *важный* и *важнецкий* чаще употребляются с конкретными существительными, обозначающими предметы, вещи и так далее (*важное пальто, важнецкая шапка*), конечно, они имеют просторечный характер.

Из примеров мы видим, сколь разнообразна стилистическая окраска слов, насколько велики возможности их использования в речи, как они употребляются в зависимости от контекста и речевой ситуации. И конечно же, при работе над словом все эти моменты необходимо учитывать. Если мы не будем принимать их во внимание, то может возникнуть ошибка в передаче наших эмоций и оценок.

Большую группу составляют многозначные слова, которые в прямом значении нейтральны, а в переносном имеют эмоционально-экспрессивную окраску, оценочность. Во многом их окраска обусловлена контекстом, языковой ситуацией. Например, о человеке говорят: *орел, медведь, ястреб (ястребы), голубь (голуби), солнце, петух, бегемот, дикарь*.

Выделяются слова, эмоционально-экспрессивная окраска которых создается благодаря особым префиксам и суффиксам субъективной оценки. Разную стилистическую окрашенность имеют слова *деляга, вояка, растеряха, мальчонка, киношник, естественник, ловкач, архинелепость, поговаривать, годочек, словечко, домик, домишко, большущий, здоровенный, высоченный, архипасный, слабенький, модненький, минутка, неделька, домина, домище, делишки*.

Некоторые общественно-политические слова, обозначающие понятия, связанные с идеологией, в речи также выражают определенную эмоциональную оценку. Например: *социализм, социалистический, коммунизм, коммунистический, марксизм, марксистский, прогрессивный, национально-освободительный, народный, интернациональный, агрессивный, захватнический, фашизм, эксплуатация, интервенция*.

Конечно же, мы не можем пройти мимо фразеологических оборотов, которые предоставляют большую возможность для выражения наших эмоций и оценок. Под фразеологическим оборотом понимается лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы. Видное место во фразеологии занимают сочетания, имеющие переносное значение, образность. Например: *бежать сломя голову, работать спустя рукава, собаку съел, попал впросак, на седьмом небе, днем с огнем не найти, из мухи делать слона, ломаного гроша не стоит, стреляный воробей, последняя спица в колеснице, держать камень за пазухой*. Они, как правило, имеют разговорную окраску, используются в основном для выражения определенной оценки объекта речи. Всем известны такие разговорные и книжные фразеологизмы, как *отвечать головой, не видеть дальше собственного носа, конца-краю не видать, видеть насквозь, пускать пыль в глаза, ставить знак равенства, с пятое на десятое, родиться в рубашке, набрать в рот воды, пальца в рот не клади, ловить рыбу в мутной воде, на скорую руку, разбить лед, сломать себе шею, сидеть сложа руки, бросать тень, таскать каштаны из огня, не в своей тарелке, держать в черном теле, наострить уши, подводить черту, бросать слова на ветер*.

Эмоционально-экспрессивная окраска здесь проявляется не всегда ясно. Фразеологизмы могут быть книжными (*ахиллесова пята*), разговорными (*вогнать в краску*), просторечными (*лезть в бутылку*), грубопросторечными (*ни кожи ни рожи*). Наиболее явно обнаруживается оценочная окраска в последних двух категориях. Сравните, например, две фразы: «Его выступление взволновало, захватило меня» и «Его выступление задело меня за живое». Конечно, вторая фраза, в которой использован разговорный фразеологизм, имеющий эмоционально-экспрессивную окраску, более ярко передает наше эмоциональное состояние. Мы можем сказать: «Он пытался выполнить сразу множество различных дел: покупал учебники, книги для чтения, карты, глобусы и другие необходимые для занятий вещи». Но эту мысль мы можем выразить эмоционально и дать всему

процессу свою оценку: «Он разрывался на части: покупал учебники, книги для чтения...» Использование фразеологизма здесь имеет свои преимущества: во-первых, мысль выражена более сжатой языковой формой; во-вторых, возникает определенный образ; в-третьих, фразеологизм позволяет внести эмоциональную окраску и дать нашу оценку действию.

Оживляют устную речь пословицы и поговорки: *Ученье – свет, неученье – тьма; Кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает; Чего в другом не любишь, того и сам не делай; На зеркало нечего пенять, коли рожа крива; Терпенье и труд все перетрут; Люди жать, а мы на солнышке лежать; Слово – не стрела, а хуже стрелы разит; Дружба – дружбой, а служба – службой; Что посеешь, то и пожнешь; Не узнавши броду, не суйся в воду.*

Как и при использовании других фразеологических средств, необходима точность при употреблении пословиц и поговорок. Это требование нарушено, например, в следующих предложениях «От худого семени не жди хорошего племени» (вместо: *доброто*); «Большому судну большое плавание» (вместо: *кораблю*); «Оба они оказались одного поля ягодой» (вместо: *одного поля ягода*).

Широко используются в устной речи так называемые крылатые слова и выражения, то есть меткие и яркие выражения из высказываний знаменитых людей прошлого, цитаты из художественной литературы. Например: «Быть или не быть?» (Шекспир), «Сильнее кошки зверя нет» (Крылов); «Свежо предание, а верится с трудом», «Подписано, так с плеч долой» (Грибоедов), «Из искры возгорится пламя» (Одоевский), «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» (Пушкин), «Мертвые души», «Александр Македонский – герой, но зачем же стулья ломать?» (Гоголь), «Без руля и без ветрил» (Лермонтов), «Человек в футляре» (Чехов), «В карете прошлого далеко не уедешь» (Горький).

Сравните также другие образные выражения, используемые в различных выступлениях: *последний из могикан, яблоко раздора, прокрустово ложе, жребий брошен, перейти Рубикон, дамочков меч, альфа и омега, вавилонское столпотворение.*

Огромный словарный запас русского языка предоставляет в распоряжение лектора большое количество слов и фразеологизмов. И это позволяет ему сделать их отбор наиболее точным, целенаправленным, отвечающим в каждом отдельном случае содержанию излагаемого материала.

Как видим, некоторые фразеологизмы имеют явную эмоционально-экспрессивную окраску, оценочность и представляют огромный резерв для повышения субъективности высказывания.

Воздействие и сила публичной речи во многом зависят от ее эмоциональной напряженности, окрашенности чувствами. Удивительной способностью вызывать у аудитории интеллектуальное и эмоциональное сопереживание обладала А.М. Коллонтай. Ее выступления отличались необычайным пафосом, импульсивностью, импровизационностью. Она сама так характеризует свои ощущения: «Первые фразы брошены в зал, но голова еще туманна, мысли не льются плавным размеренным потоком, они скачут, перебиваются /.../ И только неожиданный взрыв благодарных аплодисментов возвращает полное самообладание. Теперь уже не голос хозяин надо мною, теперь уже я смогу им модулировать».

В голове идет особая нервная работа: мысли, образы, сравнения возникают с фантастической быстротой; следишь лишь за тем, чтобы не упустить нити основных мыслей, лихорадочно разматываешь клубок своей речи» (Живое слово науки, 1981, 93). Коллонтай писала: «Тот энтузиазм, каким бывает «одержим» агитатор, проповедующий и борющийся за новую идею или положение, это душевное состояние сладко, близко к влюбленности /.../ Я сама горела, и мое горение передавалось слушателям. Я не доказывала, я увлекала их. Я уходила после митинга под гром рукоплесканий, шатаясь от усталости. Я дала аудитории частицу себя и была счастлива» (Коллонтай, 1972, 3–4). Коллонтай говорила, что она любит, когда во время выступления «в нее кто-то вдруг вселяется» и учит «как сказать», чтобы было сильно и четко. Особенное удовлетворение ей доставляли речи краткие, логичные, понятные, зажигающие и,

главное, произнесенные, как она выражалась, «с подъемом». Только истинные переживания оратора, идущие от его сердца, могут зажечь публику.

В 1912 г. Коллонтай была приглашена в Стокгольм для выступления на первомайском митинге. Ее пламенная речь под открытым небом на обширном поле Ерте перед тысячами слушателей – «Международный пролетариат и война» – пронизана страстностью, эмоциональностью, патетикой. В ней проявился особый, коллонтаевский стиль, обладающий огромной силой воздействия. Риторические вопросы, эмоциональные восклицательные предложения, разнообразные повторы заставляют слушателей активно сопереживать оратору: «Пусть буржуазия, пусть капиталисты говорят о вращении социализма в существующий строй! Ничего подобного не может произойти. Можно ли говорить о таком вращении, когда в Лондоне ежегодно 200 тысяч умирают в трущобах и рабочих заведениях? Может ли стоять вопрос о вращении, когда в Париже постоянно 500 тысяч лиц ходят без работы!» (Коллонтай, 1972, 107).

Эмоциональная речь как бы притягивает к себе слушателей. Оратор говорит о солидарности русского пролетариата с пролетариатом всего мира в протесте против войн. Рассуждения ее построены таким образом, чтобы заставить слушателей думать, размышлять. В своей речи Коллонтай идет от частных фактов к обобщающим выводам. Речь завершается эмоциональным призывом: «И если буржуазия говорит о войне, то мы отвечаем тысячами голосов организованных рабочих: «Мы не хотим войны! Мы требуем мира! Долой войну! /.../ (Коллонтай, 1972, 108).

Коллонтай умела быстро установить контакт с аудиторией, которую мгновенно подчиняла себе. Она говорила горячо, взволнованно, но в то же время чрезвычайно просто. Эта простота, искренность и привлекала к себе слушателей, становилась для них как бы эмоциональным фоном содержания. Непосредственность речи сильно воздействовала на слушателей. Эмоциональные элементы, интеллектуальное содержание вовлекали слушателей в рассуждения, стимулировали у них общее восприятие, создавали условия для обратной связи.

Воздействие речи, как уже отмечалось, во многом зависит от рационального соотношения эмоционального с логическим, большая же неоправданная эмоциональность сообщения может иногда повредить его логической стороне, так как приводит к тому, что смысл перестает восприниматься. В речах Коллонтай такой диспропорции нет.

Убедительность, наступательный характер, популярность, доходчивость, конкретность, доверительность тона характерны для речей Коллонтай. Вот она выступает перед молодежью на II Всероссийском съезде РКСМ (5 октября 1919 г.). Сколько чувства, страстности вложила она в это выступление! Ее речь проникнута движением, в стремительном ритме фразы она передает патриотический накал того времени. Так, о молодежи А.М. Коллонтай говорит: «Она рвется вперед, она хочет творить ту новую жизнь, которая рисуется ей в радужных красках, потому что новая жизнь будущего есть жизнь молодежи» (Коллонтай, 1972, 295).

Эта речь предназначалась молодежи, но фактически она обращена и к старшим, потому что в ней говорилось о принципах взаимоотношений в новой России. Насыщенная конкретными советами, она очень динамична и пронизана пафосом.

Это речь социально-политического характера, поскольку она разъясняет сложившееся положение и перспективу, дает своеобразную установку, отвечает на конкретный вопрос – что должны сейчас делать молодые люди, какова их роль в строительстве нового общества. Коллонтай провела четкую параллель между положением молодежи в старое время и в новом государстве.

Но по своему существу эта речь также педагогическая, потому что объясняет создавшееся положение и учит, что должны делать молодые люди для построения нового общества. Дружеская по тону, речь свободна от сложных конструкций, непонятных иностранных слов, абстрактных рассуждений. Все здесь конкретно и зримо, например высказывание о строительстве новой жизни: «Наша республика отличается от прежнего быта тем, что ее молодежи открыта полная возможность творить. Раньше

старики занимали места и говорили молодежи: подождите, это мы, умудренные опытом, строим жизнь. А теперь вы, молодежь, красная молодежь, помогаете нам свергнуть старый строй. К вам, именно к молодежи, обращаются все и зовут все стороны жизни» (Коллонтай, 1972, 297–298). Здесь обращение к молодежи звучит конкретно и злободневно. Конкретно потому, что Коллонтай говорит о знакомой всем ситуации. Для слушателей эта ситуация осязаема. Поэтому речь ясна и доступна. В ней оратор говорит о героизме и красоте обыденных дел, призывает к большим свершениям. Этим Коллонтай и стремится увлечь слушателей, воодушевить и, показав красоту героических дел, зажечь своими идеями: «Молодежь неутомима, она вечно ищет все новое и новое. И то, что вчера казалось новшеством, нынче уже кажется привычным. Сила молодежи в том, что она все стремится и стремится вперед. Молодежи удалось за это время шагнуть и в своем обиходе, в своем быту, и в своем положении /.../ Теперь вы самостоятельные люди, вы чувствуете себя товарищами своих отцов, товарищами старших. Тут нет прежнего разделения, и в этом для вас открывается возможность работы на широком поле» (Коллонтай, 1972, с. 298). Своими суждениями, пламенными эмоциями Коллонтай пробуждала в слушателях неодолимое стремление трудиться на благо Родины. И эта мысль о новом труде, труде творческом, проходит через всю ее речь. Поэтому не случайна концовка выступления: «И каждый шаг вперед даст возможность товарищам на Западе понять, что в мире трудовой республикой является республика творческая, страна нового светлого человека». Это главная идея всего выступления. Четкость этой мысли определяет и четкость речи. Вокруг этой смысловой основы группируются все суждения и интерпретируются многочисленные факты.

К мысли о свободном творческом труде оратор подводит слушателей постепенно. Вначале она говорит о прошлом, о создании нового государства и его будущем. «Ведь ничто так не угнетало всегда и не угнетает так молодежь, как косность, как то, что существует определенный, раз навсегда установленный порядок. А когда эти порядки еще тяжелы для рабочей молоде-

жи, те порядки, которые были и остаются в буржуазных странах, тогда, естественно, рабочая молодежь задыхается в этих тисках» (Коллонтай, 1972, 295). Это как бы вступление, на фоне которого анализируются принципы старого и нового, свободного общества. Все изложение подчинено идее – утверждению свободного и творческого труда. Эта идея высказана уже здесь, во вступлении: в новом обществе молодежи не будет тесно, «она может выпрямиться во весь рост и заняться новой творческой работой» (Коллонтай, 1972, 295). Старые основы мешали развитию творческого труда. Каковы эти основы? Во-первых, это принцип индивидуализма. Вместо себялюбия и индивидуализма растет чувство солидарности, товарищества, сознание коллективизма. Во-вторых, принудительный наемный труд. При таком труде невозможно было развивать свои задатки. Сейчас отношение к труду изменялось в корне. В-третьих, неравенство молодых рабочих и юных работниц. Сейчас на наших глазах совершается колоссальный сдвиг. Отношения между юношами и девушками иные, чем они складывались раньше. И заключение к этим рассуждениям: «Вы, собравшиеся здесь, уже есть зачатки этого нового царства. Нам ясно, что прежней молодежи больше нет» (Коллонтай, 1972, 298). Четкость композиции обусловила и четкую передачу смысла.

Далее Коллонтай говорит о рабочей молодежи других стран, об интернационализме, высказывает мысль: чтобы построить свободное общество, молодежь должна быть другой, новой. Без этого невозможна победа. И призывает: «Так за работу же, товарищи, во всех областях жизни, в том смысле, чтобы поднять рабочую дисциплину, чтобы развить братство народное, ваше собственное народное братство, чтобы каждый из вас применял бы все способности, которые вложены в него природой! Тогда работа перестанет быть для вас тягостью, крестом, а станет радостью, когда каждый из вас отдаст все свое время на то дело, которое он любит. И если нас спросят: «Как вы работаете?» – мы скажем: «Разве мы работаем? Делаем дело, нас интересующее». Мы это осуществим только тогда, когда создадим новый мир, построенный на творческом труде» (Коллонтай, 1972, 299–

300). Как видим, речь имеет очень четкое строение: вначале оратор выдвигает и обосновывает определенный тезис, в основной части анализирует и доказывает его. Логика выступления очевидна и убедительна для слушателей: по мере развертывания речи оратор доказывает, что свободный творческий труд – неотъемлемая часть жизни общества. Благодаря кропотливому и убедительному анализу отличий нового общества от старого оратор в конце речи подводит слушателей к выводу, который подтверждает выдвинутый тезис.

Речь Коллонтай заставляла молодых людей думать, сопоставлять, анализировать, направляя мысль в нужное русло. По своей направленности эта речь психологическая: она не только учит, опираясь на логические доводы, но и действует на эмоциональное восприятие слушателей. Она, как и всякая социально-политическая речь, призывна и прагматична. Но эти призывы опираются на факты развития истории, на логику всей речи. Это не общие слова и декларации, а призывы к реальным действиям, своеобразная программа поступков молодых людей. Простота изложения, разговорные интонации, особая прагматическая направленность сделали речь сильно воздействующей. Некоторые фрагменты этого выступления приобретают высокое революционно-романтическое, патетическое звучание.

Имея в виду художественно-образную систему воздействия, оратор использует различные изобразительные средства, вызывающие необходимые эмоциональные ассоциации слушателей. Так, благодаря образным сравнениям и аналогиям эмоционально звучит слово митрополита Крутицкого и Коломенского Николая «Чистое сердце», сказанное в церкви Даниловского кладбища г. Москвы (фрагмент речи): «Чистое сердце – это наше богатство, наша слава, наша красота /.../ Чему еще можно уподобить чистое сердце? Пламенеющему огню. Как в огне очищается золото, освобождается от ржавчины металл, покрытый ею, так и в чистом сердце сгорают греховные искушения и соблазны. Нередко от одного общения с носителем чистого сердца перерождается грязная испорченная душа и становится на путь новой христианской жизни.

Еще какое сравнение может быть для чистого сердца? Оно подобно чистой воде: чистая вода не имеет в себе никакой скверны, она освежает каждого жаждущего; она приятна и сладка тому, кто ее жаждет. В чистой воде ясно отражается небо и солнце. И чистое сердце влечет к себе, и мы видим, как в нем отражается духовное небо, видим в нем печать Божией красоты, печать Духа Святого, носителями которых являются святые люди» (Митрополит Николай, 1950, 156–157).

Оценка передается различными языковыми средствами с целью воздействия на оценочные установки слушателей и на их поведение. В речи оценка проявляется по-разному. Это может быть слово, группа слов, выражение, целое высказывание. Чаще всего оценку выражают прилагательные и наречия (*мерзкий, прекрасно*), содержат оценку существительные и глаголы (*неряха, кланчить*). Оценочный смысл может выражаться и контекстом.

В выступлении оратор сказал: «В самом деле, почему мы должны от кого-то таиться, скрывать, кого и на какую должность выдвигаем? Ведь завтра человек придет на рабочее место, мы его будем представлять, характеризовать – и кончатся все тайны, слухи и пересуды. Так пусть лучше люди сразу об этом узнают, все выскажут человеку в глаза, а он подумает, как и что после этого сделать». Здесь мало собственно оценочных слов, но сама направленность содержания текста резко оценочна. Так же оценочно и следующее выступление: «У бюрократии нет другой цели, кроме собственного существования и преуспевания. Для отдельного бюрократа – это прежде всего «делание карьеры», движение по служебной лестнице, добывание чинов и соответствующих каждой новой ступеньке материальных благ. И возможность проявлять свою власть. Для бюрократии в целом – это всеобъемлющая профанация здравого смысла, наиболее общим выражением которой является превращение государственных задач в канцелярские, а канцелярские в государственные. В этом перевернутом мире «конторы» действительные цели государства предстают как противогосударственные. И именно с

ними, а вернее с носителями этих государственных, общенародных целей, бюрократия ведет самую настоящую войну».

В публичной речи оценка играет огромную роль. Можно утверждать, что нет ни одного выступления, в котором не содержалось бы момента оценочности.

В следующих словах оратора непосредственно используются и оценочные слова: «Убежден, дозирование информации по рангам – результат бюрократических извращений. Чем скорее этому будет положен конец, тем больше простора и прочности получит гласность, тем больше демократии у нас будет. Гласность немыслима в разных ликах. Правда – одна для всех. При всем разнообразии интересов люди сходятся в одном – все хотят получить правдивую и точную информацию».

Мы не всегда пользуемся богатством имен прилагательных. А ведь когда существительное является стилистически нейтральным, основная стилистическая нагрузка падает на прилагательное, определяющее данное существительное. И, что самое главное для нас, это прилагательное необходимо, чтобы подчеркнуть оценочно-смысловую сторону речи. Мы употребляем слово *вопрос* в значении «задача, требующая решения» чаще всего с прилагательным *важный*. Этого, конечно, недостаточно. Во-первых, слово *вопрос* имеет множество так называемых логических определений бытового и терминологического характера: *социальный, служебный, аграрный, бытовой, философский, международный, национальный, жилищный, личный, финансовый, экономический, организационный, политический, продовольственный, производственный*. Во-вторых, – прилагательные, употребленные и в прямом, и в переносном значениях, стилистически нейтральные и с яркой стилистической окраской, многие из них выражают оценочность: *актуальный, больной, большой, главный, глубокий, жгучий, живой, животрепещущий, жизненный, злостный, кардинальный, коренной, краеугольный, мучительный, наболелый, насыщенный, неотложный, нерешенный, острый, особый, первоочередной, практический, принципиальный, серьезный, сложный, спорный, существенный, трудный, тяжелый, узловый, щекотливый, элементарный*.

А такое, например, «сухое» и «неопределенное» слово, как *дело* (в значении «деятельность, исполняемая работа; действие, поступок»), можно оживить и конкретизировать при помощи оценочных определений: *безотлагательное, большое, важное, великое, второстепенное, высокое, горячее, гражданское, деликатное, дерзновенное, живое, замысловатое, затруднительное, значительное, интересное, каверзное, канительное, кровное, кропотливое, крупное, легкое, личное, малое, мелкое, минутное, мудреное, муторное, настоящее, насыщенное, невыполнимое, необходимое, неотложное, необычное, полезное, привычное, простое, пустое, пустяковое, рискованное, серьезное, сложное, смелое, спешное, тонкое, трудное, хлопотливое, шутейное, щекотливое, щепетильное, экстренное*. Эти прилагательные мы употребляем, если говорим о степени важности и сложности дела, о возможностях его выполнения, о характере и способах его осуществления. А вот если хотим подчеркнуть положительность, благовидность дела, действия, то скажем, что оно *благое, благородное, великодушное, гуманное, доброе, добропорядочное, правое, прекрасное, разумное, светлое, святое, славное, справедливое, хорошее, честное, чистое*. И отрицательные, неблагоприятные дела и поступки имеют свои оценочно-уточняющие определения: *беззаконное, бесчестное, гнусное, злодейское, липовое, мрачное, недоброе, некрасивое, непотребное, неразумное, нечистое, отвратительное, преступное, страшное, постыдное, хищническое, черное*. Стилистические и смысловые нюансы, которые имеют определения, можно легко увидеть, сравнив следующие фразы: «*Всякое мерзкое дело рано или поздно всплывает наружу*»; «*Всякое беззаконное дело рано или поздно всплывает наружу*»; «*Всякое преступное дело...*»; «*Всякое гнусное дело...*»; «*Всякое липовое дело...*» Этот эксперимент можно продолжить.

На первый взгляд к слову *критика* найдется только одно определение – *резкая*. В самом деле, чаще всего мы и употребляем в речи только эту пару – *резкая критика*. Нередко это сочетание называют штампом. И справедливо. А ведь критика бывает очень разная: *аргументированная, беспощадная, беспристрастная, веская, всесторонняя, глубокая, действенная, деловая, жесткая, дружеская, здоровая, зубастая, испепеляющая, нели-*

цеприятная, непримиримая, основательная, острая, открытая, полезная, принципиальная, прямая, развернутая, разгромная, разносная, разрушительная, разящая, решительная, робкая, серьезная, сильная, справедливая, строгая, суровая, товарищеская, требовательная, уклончивая, уничтожающая, ядовитая.

Наиболее действенными являются прилагательные, выражающие открытую положительную и отрицательную оценку независимо от контекста: *интересная, высококачественная, творческая, дружная, плодотворная, созидательная, ударная, эффективная, бессмысленная, безотрадная, монотонная, скучная, удручающая работа.*

Действенные ассоциации вызываются эмоционально-усилительными прилагательными: *дикий, идиотский, кошмарный, курьезный, печальный, потрясающий, скандальный, ужасный, чудовищный случай.*

Эти прилагательные имеют эмоционально-экспрессивную окраску, которая преобладает над предметно-логическим значением: *буйная, бешеная, волшебная, грубая, дьявольская, дикая, дивная, живительная, загадочная, необузданная, первобытно-дикая, сверхъестественная, темная, шальная сила.*

Для усиления речи нередко употребляются так называемые метафорические эпитеты, то есть прилагательные, имеющие переносное значение. Это дополнительная художественная характеристика в виде скрытого меткого сравнения: *колючий вопрос, обомшелый вопрос, азбучная истина, колючая мысль, волчий страх.*

Эффективны в употреблении сложные прилагательные различного типа, которые обозначают единый принцип или единую оценку, являющуюся суммой признаков, названных составляющими основами: *преступно-равнодушный, преступно-небрежный, поверхностно-активный, повышенно-надуманный (план), остронаправленная (критика), умопомрачительный, правоучительное (выступление), низкопробный, неудобноисполнимое (решение).*

Приведем пример из речи Н.И. Бухарина на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном столетию со дня смерти Гёте. «Эта замечательная характеристика, с та-

кой исчерпывающей энергией подчеркивающая внутреннюю расколотость «целостного» Гёте, совпадает с характеристикой двойственного положения немецкого бюргерства той эпохи. Другой, более поздний, гениальный поэт Г. Гейне, зажженный энтузиазмом, как свеча перед великолепным образом «короля поэтов», олимпийского Зевса-громовержца, в восторге писал о нем: «Этот гордый стан никогда не сгибался в христианском смирении червя; эти глаза не взирали грешно-боязливо, набожно или с елейным умилением; они были спокойны, как у какого-то божества...» (Бухарин, 1932, 151). Этот фрагмент речи весьма эмоционален и содержит оценку.

Еще пример из той же речи: «Величайшие литературные произведения многосторонне выражают «дух эпохи». При всем своем внутреннем единстве они воплощают огромное многообразие, все богатство времени, всю переливчатую чешую событий, вереницу жизненных коллизий, череду противоречий, типов, проблем. Это – не ходульные абстракции формальной логики, иссохшие мумии тоскливо-скучного школьного мышления. Это – великие энциклопедии эпохи, где предельно-широкие типы насыщены и конкретны, несмотря на свою «абстрактность», где бьют горячие родники жизни, где сверкает всеми оттенками, нюансами и переходами перламутровая ткань общественного бытия и становления, где движение общественной материи и ее «духовного» выражения сгущено в замечательных идеологических конденсаторах несравненного искусства» (Бухарин, 1932, 155). Благодаря метафорическому употреблению слов, развернутой метафоре дается эмоциональная оценка величайшим литературным произведениям.

Мы отметили здесь лишь основные эмоционально-оценочные моменты речи.

4. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНТАКТА

Как отмечает известный философ И.С. Кон, всякая социальная установка содержит три взаимосвязанных компонента: познавательный – определенные представления и мнения об объ-

екте; аффективный (эмоциональный) – положительные или отрицательные чувства к объекту; поведенческий – готовность к определенному образу действий в отношении объекта (Кон, 1978, 67). Эти три компонента социальной установки проявляются в речи и связаны с контактоустанавливающим ее направлением. Необходимость адресовать речь, с одной стороны, сказывается в использовании в ней специальных средств адресации, с другой стороны, оказывает организующее влияние на речь в целом, проявляясь на всех языковых уровнях. Так, адресация осуществляется уже самим содержанием речи, ее эмоциональной направленностью, ее призывностью. Адресации служат также специальная лексика, особые формы слов, специальные синтаксические конструкции.

В настоящее время сложилась определенная классификация функций контакта с аудиторией. Выделяют методическую функцию контакта, задача которой – активизировать внимание слушателей для наиболее полного понимания излагаемого материала; эвристическую функцию, задача которой – активизировать мышление слушателей, вызвать в их памяти необходимые ассоциации и связи, направить их мышление в необходимое русло; контролирующую функцию контакта, или обратной связи, когда выступающий по ряду признаков (одобрительный кивок, взглас, одобрительная или неодобрительная реплика, взглас возмущения и проч.) получает или по крайней мере желает получить информацию о том, насколько полно и верно, одобрительно или неодобрительно аудитория воспринимает его выступление; морально-этическую функцию контакта, суть которой в завоевании доверия аудитории к выступающему, в этом случае цель контакта – расположить аудиторию к себе, заставить ее поверить словам выступающего; эмоциональную функцию контакта, когда задачей является эмоционально настроить аудиторию, увлечь ее, а эмоционально настроенная аудитория в свою очередь эмоционально стимулирует выступающего (Мехонцев, Михайлов, Ненашев, 1975, 28).

Методическая функция контакта с аудиторией (активизация внимания слушателей) осуществляется нейтрально-

официальными формами обращения, а также обращениями, предполагающими равное положение оратора со слушателями, используются обращения, претендующие на особую сердечность, обращения к друзьям, сотрудникам, коллегам, ситуативные формы обращения, различные глаголы-стимуляторы в повелительном наклонении, вопросо-ответный ход, риторический вопрос, приглашение слушателей предпринять совместно какое-либо действие, употребление слов долженствования. Эвристическая функция контакта (активизация мышления слушателей) осуществляется прямым приглашением слушателей к размышлению. Морально-этическая функция (завоевание доверия аудитории) осуществляется подчеркиванием скромных возможностей оратора, готовностью согласиться с другой точкой зрения, признать возможность другого решения вопроса, извинением за допущенные промахи, благодарностью за внимание к выступлению. Эмоциональная функция контакта (эмоциональное стимулирование слушателей) связана с эмоциональным заражением. Здесь важно подчеркнуть радость от встречи со слушателями, указать на приятные моменты совместной работы, сотворчества и т.д. Для каждой функции контакта имеется более или менее значительное количество формул. Оратор стремится не только передать какое-либо содержание, разъяснить его, но и побудить слушателей к некоторым решениям, воздействовать на их волю и чувства, убедить их.

Установление контакта между оратором и слушателями способствует активизации восприятия информации и осуществлению внеязыковых целей. Установление контакта – начальный этап воздействия.

В речи разных видов функционируют разные языковые средства контакта, применяемые для активизации функции воздействия в коммуникативном процессе, процессе взаимодействия между оратором и слушателями. Коммуникативный контакт предполагает такое взаимодействие, при котором передается информация и тем самым осуществляется конкретная цель оратора – цель передачи сообщения и оказания воздействия. Установление контакта и взаимопонимания со слушателями требу-

ет сознательной установки на выбор средств выражения. Значительное влияние на отбор языковых средств оказывают такие моменты, которые проявляются в подходе оратора к своей речи, в его индивидуальной установке.

Средством коммуникативного контакта является так называемая авторизация. Можно определить авторизацию как способ проявления «я» оратора при помощи разнообразных языковых средств, которые придают сообщению субъективный характер и способствуют установлению коммуникативного контакта между оратором и слушателями. Стремясь донести информацию до слушателей, оратор передает свое личное отношение к сообщению.

Личные местоимения – первый источник проявления субъективности в языке, так как в речи выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней оратора. Это я выражаю свои эмоции, я побуждаю своих слушателей к каким-либо действиям, я задаю вопрос или отвечаю, я сообщаю что-либо, я устанавливаю контакт с аудиторией. ИмPLICITно или эксплицитно в речи ораторское «я» выражено разными способами. С функциональной точки зрения можно охарактеризовать местоимения первого и второго лица как местоимения коммуникативного плана, а местоимения третьего лица как местоимения некоммуникативного плана. *Я* означает оратора и проявляется только в его речи. *Вы* означает слушателей, к которым обращается оратор. Местоимение *мы* содержит ряд значений: собственно оратор (лекторское «мы»), оратор и слушатели, оратор и относящиеся к нему лица, в сочетании с предлогом *с* и творительном падежом других местоимений и существительных обозначает группу лиц во главе с оратором (*мы с вами*), собственно аудитория («мы» аудитория в противовес «я» оратор), *мы* – всякий человек, все люди, человек вообще. Эффект речи зависит от того, как оратор выполняет одну из своих задач – преодолевает барьер между собой и слушателями. Приведем пример из доклада Н.И. Бухарина «Борьба двух миров и задачи науки. Наука СССР на всемирно-историческом перевале» на чрезвычайной сессии Академии наук СССР 21–27 июня

1931 г.: «Мы остановимся теперь на одной из этих сторон – на вопросе о науке. Мы видели, какие огромные технические задачи стоят перед нашей страной, технические в самом широком смысле слова.

Нам нужны новые железные дороги, новые магистрали и сверхмагистрали; новые гигантские гидроэлектростанции /.../; нам нужны мощные промышленные агрегаты, революционизирующие все сельское хозяйство /.../» (Бухарин, 1932, 27). Здесь «мы» – это, во-первых, оратор (первое предложение), во-вторых, аудитория и оратор (второе предложение), в-третьих, вся страна (нам).

Употребление местоимения *мы* помогает создать и передать атмосферу взаимопонимания между оратором и аудиторией. «Эти культурные ценности оставлять лишь прошлому мы не смеем, они уникальны, драгоценны. Тем важнее уяснить нам их истоки»; «Смотря через те же розовые очки, мы можем потерять способность критически мыслить, склониться к бессмысленному подражательству»; «Мы вступаем в век, в котором образование, знания, профессиональные навыки будут играть огромную роль в судьбе человека»; «В обстановке ширящейся гласности и демократизации советского общества мы должны четко представлять себе, что мешает нам идти вперед, от каких явно устаревших форм работы следует отказаться. Каждый день мы обязаны отвечать на многие вопросы». «Мы совместное» выражает взаимодействие между оратором и аудиторией, создает эффект общения и личного контакта между ними. С помощью такого приема оратор приглашает слушателей к совместному размышлению о каких-либо фактах, создает атмосферу непринужденности разговора.

Приведем фрагмент слова митрополита Крутицкого и Коломенского Николая, сказанного в Пименовской церкви Москвы (1950):

«Вы знаете, дорогие мои, что красота во всех ее проявлениях имеет свое обаяние, свое подчиняющее себе влияние на человека.

Вот мы смотрим на ночное звездное небо, стоим у берега бескрайнего моря, любуемся лесом с шумящими верхушками

его деревьев или видим расстилающийся перед нами цветущий луг, – мы восхищаемся красотой природы, творением рук Божиих. Эти ощущения красоты в нас возникают через посредство нашего телесного зрения.

Мы говорим: красивая музыка, прекрасное пение. Мы говорим так тогда, когда музыка или пение своими звуками, своими мелодиями доходит до глубины нашего сердца, затрагивает сокровенные струны души, поднимает нас над житейской суетой, житейской грязью, уносит ввысь, в надзвездные края. Посредниками к восприятию этой красоты являются наши телесные уши, наш слух.

Но ни с красотой нашего зрения, ни с красотой нашего слуха не может сравниться красота духовная, какую видят очи нашей веры, – красота хриstopодражательной любви, красота смирения, чистоты и целомудрия бессмертной человеческой души.

Ах, какая это покоряющая сердце красота, превосходящая всякую другую, воспринимаемую нами через телесные органы!» (Митрополит Николай, 1950, 282–283). Благодаря сильному насыщению речи языковыми средствами контакта (*Вы знаете, дорогие мои, вот мы смотрим, стоим, нас, нашего, мы говорим, своими* и т.д.), большой ее эмоциональности и предметности проповедник «погружает» паству в зримые, осязаемые картины мира, сильно воздействуя на слушателей сердечностью изложения.

Вот как А. Фадеев пользуется этими формами в докладе «Горжество разума и справедливости», посвященном 800-летию Низами: «Мы совершенно справедливо отмечаем, какую огромную роль в содружестве наших народов сыграл великий русский народ. Я говорю об этом не потому, что я русский, а потому, что это объективная правда. Мы знаем, что законы общественного развития, открытые нашими великими учителями, – это всеобщие объективные законы» (Фадеев, 1959, 346). Здесь Фадеев не случайно противопоставляет *мы* и *я*: *мы отмечаем – я говорю – мы знаем*. Именно такое противопоставление дает наибольший эффект в изложении.

В этой функции в речи часто прибегают к использованию некоторых слов-конкретизаторов, которые усиливают степень

контактности местоимения первого лица множественного числа в значении «мы совместное»: *Я с вами, вместе, все*. Они иногда употребляются отдельно с местоимением *мы*, иногда вместе в одном сочетании с местоимением *мы* (*вместе с вами мы..., мы все вместе...*). Такое сочетание больше углубляет контактирующее значение ораторской речи. Например: «Мы все вместе (=вместе с вами мы) должны подумать над той проблемой, о которой сегодня пойдет у нас речь». Речь, в которой функционирует местоименный конкретизатор *все* имеет более обобщенный характер, поскольку оратор устанавливает контакт не только со слушателями, но имеет в виду всех, кто интересуется данным вопросом. *Все* в сочетании с *мы* употребляется в значении *я* и слушатели и все остальные: «Подсовывали другую истину, источником которой, ее создателем, вдохновителем и организатором было конкретное историческое лицо, о котором все мы знаем». Местоименные конкретизаторы *вместе* и *с вами* более конкретно соединяют оратора и слушателей: «Мы с вами хорошо знаем, как легко совершить ошибку, мы постоянно допускаем какие-то промахи и терпеливо их исправляем»; «Все, о чем мы говорим сейчас с вами, должно войти в нашу практику». В приведенных примерах оратор с помощью этих средств создает эффект непринужденного общения со слушателями, устанавливается доверительный разговор между оратором и аудиторией, объединяется позиция оратора и слушателей, возникает их своеобразный диалог. «Мы совместное» – продуктивное средство авторизации.

Другое активное средство авторизации – глагольные формы, так как глагол передает движение и наряду с местоимением обладает категорией лица, которая конкретизируется по отношению к этому местоимению. Употребление глагольных форм также обусловлено коммуникативными задачами речи. Их функционирование во множественном числе соответствует местоимению *мы*. Они выражают отношение к лицу и, таким образом, являются указателями субъективности в высказывании: «Думаем, со всех точек зрения полезно уяснить, что социальные проблемы в обществе должны быть полностью решены»; «Проясним

еще ряд вопросов...»; «Будем откровенны до конца: мы не видели заинтересованности ученых в решении этой проблемы».

Конструкции с глагольными формами в некоторых речах объединяют оратора со слушателями в каком-либо мыслительном или физическом действии, и в связи с этим они имеют контактоустанавливающее значение. «Не будем обманываться, не все затронутые проблемы могут быть сейчас быстро решены». Глагольная форма здесь объединяет оратора со слушателями и выражает их совместное мнение, что усилено использованием в этом примере возвратного глагола. «Попробуем вместе с вами разобраться в причинах, породивших этот феномен». В этом примере глагольные формы объединяют оратора и слушателей, что подчеркивается сочетанием *вместе с вами*. Здесь оратор и слушатели стараются разобраться в поднятом вопросе и дать их общую правильную оценку. «Но вернемся к этой замечательной работе и посмотрим что и как. Скажем прямо, эта работа и поставленные в ней проблемы имеют дискуссионный характер». Все глаголы, анализируемые нами, и в том числе глаголы последнего примера, показывают, что в форме первого лица множественного числа они обозначают в речи совместное действие. Оратор как бы привлекает слушателей к участию в обсуждении фактов, мыслей. Некоторые из глаголов содержат идею побуждения.

Могут использоваться и другие глаголы, обозначающие направление высказывания, например: *проясним, оговоримся, конкретизируем, поясним, попробуем понять, скажем прямо, отметим*. Эти слова могут, во-первых, образовывать самостоятельные высказывания и формулировать задачу следующего за ним отрезка речи, во-вторых, непосредственно входить в состав высказываний, функции которых они определяют. Эти единицы, как видим, выполняют одинаковую функцию, имеют разные оттенки значения, которые выявляются в зависимости от контекста и цели высказывания. Подобные выражения можно назвать операторами. Операторы являются организаторами речи и средством ориентации слушателей в речи. Они облегчают восприятие речи, что в свою очередь способствует ее пониманию.

Они обладают большим контактоустанавливающим потенциалом, поскольку рассчитаны на восприятие слушателя и на активизацию его внимания. Оратор использует операторы для того, чтобы подготавливать слушателя к восприятию последующей информации, дает ему возможность яснее представить связь и обусловленность частей речи.

Выделяют две группы операторов-глаголов. Первая группа объединяет глаголы, выражающие волю, направленную к другому человеку: *Прошу вас...*, *Внимательно слушайте...*, *Отметьте себе...*, вторая группа – глаголы, внутренним субъектом которых является сам говорящий: *обещаю, соглашаюсь*. Эти глаголы могут обозначать призывы-обращения (*обращаемся...*), советы-предложения (*считаем...*), оговорки (*оговоримся...*, *конкретизируем...*, *проясним...*), возвращения к сказанному (*вернемся...*), признания (*думаем...*, *понимаем...*). Подобного типа глаголы функционируют в сфере непосредственных взаимодействий оратора и слушателей.

В качестве средств авторизации распространены конструкции с вводными элементами *мне (нам) кажется...*, *на мой (наш) взгляд...* как способ выражения ораторского «я».

Такие выражения, как *мне кажется, на мой взгляд*, представляют так называемую «категорию некатегоричности». В ораторской речи некатегоричная форма высказывания подчеркивает некоторую долю сомнения, неполную уверенность в своей правоте. Например: «Мне кажется, художники должны быть очень добрыми, иначе как могли бы видеть они красоту, и не только видеть, но и любить, и не только любить, но и передать эту любовь нам»; «Конечно, обидно, когда тебя обгоняют, но мне кажется, что в науке идти в правильном направлении важнее, чем идти быстро»; «Вот это стремление, эта вера в перемену к лучшему является, мне кажется, гарантией того, что все намеченное найдет реальное место в жизни». Как средство передачи оценки источника информации эти выражения связаны с определенной оценочной ситуацией, которая предопределяет их использование: ситуация критики, ситуация одобрения, ситуация рекомендации, ситуация признания. Иногда оратор прибе-

гает к использованию этих слов во множественном числе (*нам кажется, по нашему мнению, на наш взгляд*) в целях усиления контактности. Эти элементы выражают субъектно-объектные отношения, то есть отношения субъекта к объекту, на который направлен его интерес.

В речи обнаруживается использование конструкций с изъяснительными придаточными, типа *ясно, что..., известно, что..., понятно, что...* как средства авторизации. Вторая часть заключает в себе объективное содержание, изъясняемое по требованию первой части. Первая часть предложения имеет слово, которое непременно требует изъяснения при помощи второй части. Н.И. Формановская разделяет изъясняемые слова на констатирующие, субъектно-модальные, оценочные. К констатирующим относятся те, которые лишь устанавливают факт сообщения, мысли, восприятия без добавочных оттенков (*замечено, что..., известно, что...*). К субъектно-модальным относятся те слова, которые содержат добавочные оттенки – уверенности, неуверенности, предположительности и т.д. (*уверен, что..., можно предположить, что...*). Оценочные слова в главной части – это чаще всего безлично-предикативные слова и краткие прилагательные, а также глаголы (Формановская, 1978, 60). В речах часто используются оценочно-изъяснительные конструкции, поскольку они содержат прежде всего оценку определенного сообщения. По отношению к другим изъяснительным предложениям они противопоставляются по признаку наличия или отсутствия оценки. Например: «Ясно, что эта кропотливая работа должна быть закончена в срок»; «Понятно, что в условиях гибкого производственного профиля рабочее мастерство оценивается по самым высоким меркам». В этих высказываниях, как видим, безлично-предикативные слова *ясно, понятно* образуют главную часть оценочно-изъяснительных конструкций, которая включает значение оценки. Оценка развивается и раскрывается больше в придаточной части таких конструкций. Эти конструкции служат активному вовлечению слушателей в процесс совместного мышления.

Другой способ коммуникативного контакта, как уже отмечалось, – средства адресации. Речь, как известно, выполняет свою коммуникативную задачу лишь в том случае, когда содержащаяся в ней информация адекватно воспринимается слушателями. А потому оратор, если он хочет быть правильно понятым, обычно в той или иной мере ориентируется на определенного слушателя в отборе языкового материала.

Можно выделить следующие части коммуникативного акта: кто сообщает, что сообщает, кому сообщает, посредством какого канала сообщает, с каким эффектом сообщает. Речь предполагает наличие адресата, слушателей, то есть по своей природе она рассчитана на интерпретацию. Общие знания в процессе коммуникации, общие интересы и взаимопонимание являются исходным моментом эффективной речи, составляя «план оратора» и «план слушателя». Совпадение этих планов – идеальный случай при восприятии слушателями ораторской речи. Коммуникативный контакт в процессе коммуникации связан прежде всего с привлечением внимания слушателей, а также с определенным воздействием на сознание и чувства.

К наиболее распространенным языковым средствам адресации относятся: конструкции с местоимениями и глагольными формами 2-го лица множественного числа, конструкции с обращением, императив и побудительные конструкции, экспрессивные контактоустанавливающие средства.

Можно выделить три основных значения местоимения 2-го лица множественного числа: «вы» – посторонний собеседник, это «ты», но с оттенком официальной вежливости; оно означает группу лиц; в сочетании с предлогом *с*, и творительным падежом других местоимений оно обозначает «мы» (или «вы») вместе с другими. В массовой аудитории оратор обычно использует местоимение в значении «вы – аудитория», «вы – аудитория и другие лица», «вы – оратор и аудитория», «вы – оратор, аудитория и другие лица». Иногда 2-е лицо называется вместе с первым лицом: «Думаю, вам тоже будет интересно знать о том, как разрабатывается эта проблема; «Я благодарен вам за то огромное внимание, с которым вы слушали мое выступление, за

очень интересные вопросы»; «Вы задаете себе вопрос: а что же это такое?»

Контактоустанавливающими средствами являются и обращения – названия реальных или предполагаемых лиц, используемые с целью привлечь внимание тех, к кому направлена речь, вызвать у них определенную реакцию на сообщение.

Вводные конструкции по своей функции в речи приближаются к собственно обращениям за счет ослабления их информативного плана. Эти конструкции выражают разные отношения к сообщаемому: экспрессивную реакцию на сообщение, подчеркивание, выделение какой-либо его части, характеристику сообщаемого с точки зрения его связей и отношения, отнесение сообщения к его источнику или адресации. Нас интересуют лишь вводные конструкции, содержащие адресованность. Например, *как вы понимаете, как вы догадываетесь, как видите, как вы знаете, как мы знаем*. Эти вводные конструкции апеллируют к знаниям, памяти слушателей. С их помощью оратор подготавливает контекст, который будет содержать новую информацию. За счет соотношения ее с уже имеющейся происходит осмысление этой новой информации и освоение ее слушателями.

Ориентированность на контактность речи выражается также в использовании побудительных конструкций как особых средств адресации. Побудительные конструкции, и прежде всего императив, являются продуктивным средством установления контакта, так как они непосредственно обращены к слушателям. Основная их цель – побудить слушателей к каким-либо действиям. В структуре речи побудительные конструкции обеспечивают активный контакт между оратором и слушателями в основном с помощью глагольных форм 2-го лица в повелительном наклонении: *подумайте, возьмите, считайте, согласитесь* и т.д. Приведенные побудительные слова выражают непосредственное обращение оратора к слушателям с указанием выполнить то или иное действие.

Для уяснения функционирования контактоустанавливающих элементов в системе приведем фрагмент из речи Ф.Н. Плевако по делу князя Г.И. Грузинского, который обвинялся в

умышленном убийстве бывшего губернатора своих детей, впоследствии управляющего именем жены Грузинского – Э.Ф. Шмидта, дело было рассмотрено Острогожским окружным судом: «Я очень рад, что судьбу князя решаете вы, по виду вашему, – пахари и промышленники, что судьбу человека из важного рода отдали в руки ваши¹.

Равенство всех перед законом и вера в правосудие людей, не несущих с собой в суд ничего, кроме простоты и чистоты сердца, – сегодня явны в настоящем деле. Сегодня, в стороне от большого света, в уездном городке, где нет крупных интересов, где все вы заняты делом, не мечтая о великих делах и бессмертии имени, на скамью обвинением посажен человек, которого упрекают в презрении к вам, упрекают в том, что он из стародавней, некогда властвовавшей над Грузией фамилии... и вам же передают его на суд!

Но мы этого не боимся и, не краснея за свое происхождение, не страшись за вашу власть, лучшего суда, чем вам, не желаем, вполне надеясь, что вы нас рассудите в правду и в милость, рассудите по-человечески, себя на его место поставите, а не по фарисейской правде, видящей у ближнего в глазу спичу, а у себя не видящий и бревна, на людей возлагающей бремя закона, а себе оставляющей легкие ноши /.../.

Несчастье привело одного из членов этого дома на суд ваш, и он пришел ждать вашего решения, не прибегал к тем попыткам, какие в ходу у сильных мира, к попыткам избежать суда преждевременными ходатайствами об исключении из общего правила, о беспримерной милости и т.п.

Дело его – страшное, тяжелое. Но вы, более чем какое-либо другое, можете рассудить его разумно и справедливо, по-божески. То, что с ним случилось, беда, которая над нами стряслась, понятны всем нам /.../.

¹ Данным делом было внесено немало волнений в круги высшего светского общества России, так как на скамье подсудимых оказался один из членов этого общества. В качестве присяжных по делу выступали известные промышленники и крупные помещики («пахари и промышленники» – по выражению Ф.Н. Плевако).

Ну, разве то, что чувствовал князь, вам непонятно, адские терзания души его – вам неизвестны.

Нет, я думаю, что вы – простые люди, лучше всех понимаете, что значит отцовская или мужнина честь, и грозно охраняете от врагов свое хозяйство, свой очаг, которым вы отдаете всю жизнь, не оставляя их для суеты мира и для барских затей богатых и знатных» (Судебные речи известных русских юристов, 1957, 492–493). В этом фрагменте мы наблюдаем многие контактоустанавливающие элементы.

Вопрос – это разновидность высказывания, которое имеет целью вызвать реакцию, то есть вопрос связан с неким побуждением. Можно выделить риторический вопрос и вопросо-ответное единство.

В отличие от собственно вопроса риторический вопрос сам дает ответ, даже утверждает его с целью привлечения внимания слушателя. Риторический вопрос придает сообщаемой информации большую убедительность. Можно выделить два типа риторических вопросов: отрицательный при положительной форме и положительный при отрицательной форме. Например: «Разве может народ хотеть войны?»; «Неужели мы не понимаем, что война несет разрушения?» Оратор ни о чем не спрашивает, сообщает о своей уверенности в противоположном. Характерно для риторического вопроса противоречие между формой и содержанием в плане положительности и отрицательности. Положительная форма означает отрицательную констатацию, отрицательная – положительную констатацию. Риторический вопрос традиционно относится к средствам экспрессивного синтаксиса, поскольку всегда связан с передачей экспрессивно окрашенной утвердительной или отрицательной информации.

Установлению контакта со слушателями и привлечению их внимания к сообщаемой информации служит вопросо-ответное единство, которое создает ситуацию непосредственного общения со слушателями и придает сообщению характер непринужденности и разговорности. Вопросо-ответное единство имеет разнообразные схематические структуры. Вопросо-ответное единство, первой частью которого является вопросительное предложение, а как ответ используются слова (или их эквива-

ленты), то есть он (ответ) имеет категорическую форму и не нуждается в размышлениях. Иногда ответная форма может быть менее категорической. Вопросо-ответное единство, первой частью которого является какое-либо сообщение, затем вопрос, на который оратор отвечает сам. Например: «А сколько дел нам с вами еще предстоит: какая захватывающая и бескомпромиссная борьба нас ожидает. С чем и с кем нам бороться? С обстоятельствами, мешающими перестраиваться нашей жизни, с людьми, воплощающими старые, отжившие представления о том, как должно развиваться наше общество». Вопросо-ответное единство, первой частью которого является вопрос, затем – ответ, затем – сообщение: «Что же заставляет человека сокращать свое имя до единственной буквы, прикрываясь безликой маской анонима? Ответ, мне кажется один: боязнь поступка. Потому, что конкретное критическое слово, сказанное откровенно и прямо, с названием себя, – это уже поступок, это позиция». Здесь, как видим, сообщение как бы продолжает, развивает ответную форму. Встречаются вопросы без ответа, обращенные к слушателям: «Замечали ли вы, что люди, непрестанно мучающиеся сомнениями, постоянно сожалеющие о своих поступках, часто бездеятельны, ведут пассивный образ жизни, не предпринимают ничего, чтобы изменить неблагоприятную ситуацию?» Часто поставленному вопросу предшествует сообщение: «Много мне можно рассказать об ивановцах, накопленном ими опыте и традициях, но есть ведь еще Мурманск и Ярославль, Кемерово и Тамбов, и еще десятки городов, где работают молодые коллективы. Как они живут, с какими проблемами сталкиваются?» Нередко встречается несколько вопросов, одновременно обращенных к слушателям.

Мы рассмотрели основные особенности ораторской речи как направленного монолога, имеющего свои функции и структуру. Эта речь психологична, оценочна и контактна, что связано с ее действенностью, влиянием на эмоциональную и логическую сферу слушателей.

Здесь отмечены лишь некоторые языковые средства контакта, проявляющиеся в речи. О других же средствах мы расскажем в следующей главе.

Глава четвертая

ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ КАК ФОРМА: СТИЛЬ И КОМПОЗИЦИЯ

1. СТИЛИСТИЧЕСКОЕ БОГАТСТВО ЯЗЫКА

Из богатства слов, грамматических форм, конструкций, стилистических приемов оратор может выбрать наиболее эффективные средства для разговора с аудиторией.

Богатством, универсальностью и живописностью русского языка восхищался В.Г. Белинский: «...Русский язык, – писал, он, – чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий /.../ В русском языке иногда для выражения разнообразных оттенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов». И далее: «В самом деле, какое богатство для изображения явлений действительности заключается только в глаголах русских, имеющих виды! *Плавать, плыть, приплывать, приплыть, заплывать, отплывать, заплыть, уплывать, уплыть, наплывать, наплыть, подплывать, подплыть, поплавать, поплыть, расплавиться, расплыться, наплаваться, заплаваться*: это все один глагол для выражения двадцати оттенков одного и того же действия!» (Русские писатели о языке, 1955, 145). В своих работах Белинский подчеркивал гибкость и богатство русского языка, его глубину и национальную самобытность, его крепость и мощь.

Н.Д. Добролюбов сравнивал русский язык с классическими языками: «Наш русский язык, более всех новых, может быть, способен приблизиться к языкам классическим по своему богатству, силе, свободе расположения, обилию форм. Но чтобы воспользоваться всеми его сокровищами, нужно хорошо знать его, нужно уметь владеть им» (Русские писатели о языке, 1955, 230).

Высоко ставил возможности языка Н.Г. Чернышевский: «Нам кажется, что эти бесконечно разнообразные изменения

глаголов посредством видовых окончаний и предлогов (имеются в виду приставки. – *Н.К.*) с единственной целью определить способ, каким происходит действие, придает русской прозе живость и определенность, которая в большей части случаев не может быть выпажена на других языках; и нам кажется, что эта особенность русского словопроизводства еще драгоценнее его способности к образованию уменьшительных и увеличительных имен» (Русские писатели о языке, 1955, 203).

У А.П. Чехова мы находим великолепный анализ использования в речи различных пластов языка. Например, о канцеляризмах он пишет: «Какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны – и все это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили. Я читаю и отплевываюсь. Особенно паршиво пишет молодежь. Неясно, холодно и неизящно; пишет, сукин сын, точно холодный в гробу лежит» (Русские писатели о языке, 1955, 296).

Поучительно мнение Чехова об искусстве устного слова: «В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, т.е. искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В земских и дворянских собраниях, на ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим или же говорим вяло, беззвучно, тускло, «уткнув брады», не зная куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ – десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект /.../ У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, проповедников, в которых по существу их профессии должно предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называют «говорильными», потому что в них по обязанности службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывают всего-навсего настоящих орато-

ров пять-шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слышать/.../ Не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом. В обществе, где презирается истинное красноречие, царит риторика, ханжество слова или пошлое краснобайство. И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры. Немыслимо, чтобы проповедник новой религии не был в то же время и увлекательным оратором. Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами» красноречия был усыпан путь ко всякой карьере и искусство говорить считалось обязательным» (Русские писатели о языке, 1955, 306–307).

Русские писатели оставили много ценных наблюдений над языком и стилем. Они писали о языке как средстве общения и орудии мышления, богатстве и выразительности русского языка, художественности и мастерстве, чистоте языка, ясности и точности выражения, шаблонности, однообразии, искусственности речи, самобытности, национальных основах литературного языка. Высказывания писателей представляют собой разветвленную систему стилистической характеристики и оценки нашего богатства. И конечно же, теоретические изыскания писателей тесно связаны с их художественной практикой.

«Чудом из божьих чудес» назвал К.Г. Паустовский свободное русское слово. Но не каждому, по его мнению, открывается это богатство. Русский язык открывается до конца в своих истине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли. Как никто другой, Паустовский умел показывать прекрасное в обыкновенном, используя все богатство, все красоты нашего чудесного языка. И читатели с поразительной точностью могут представить себе восход солнца, услышать пение жаворонка и шелест осенних листьев, скрип телеги и корабельных снастей, почувствовать благоухание цветов и аромат луговых трав, свежий запах весеннего дождя. Писатель рисует изумительные картины, раскрывая неисчерпаемые воз-

возможности слова. Так, например, велика роль зрительных, в том числе и цветовых, образов, звуков и запахов. Они не только воссоздают реальную обстановку, но и заставляют погрузиться в мир, изображаемый автором, почувствовать то же, что ощущал художник, создать иллюзию присутствия, слияния со средой, с действием, помогают психологически воспринять прочитанное.

Все знают, что листья на деревьях осенью желтеют, краснеют. Но мало кто обращал внимание на то, что почти у каждого дерева свой цвет осенних листьев. Вот как, пользуясь богатством русского языка, пишет об этом Паустовский: «Можно увидеть все краски осени и узнать, что все деревья и кустарники расцвечены по-разному.

Береза роняет лимонные листья, осина – красные с черными блестящими пятнами или лиловые с пятнами чисто золотыми, ива – зеленовато-желтые, дуб – коричневые, хмель – листья цвета рогожи, рябина – розовые, а конский щавель пылает в сухой траве, как рыжее пламя» («Памяти Аксакова»).

Сказочное богатство языка позволяет многогранно, предметно выразить наши мысли и впечатления. Так, сквозь призму своих впечатлений при помощи красок, запахов и звуков рисует Паустовский столицу Франции в очерке «Мимолетный Париж». Он не описывает улиц и площадей Парижа, его дворов и памятников архитектуры, считая, что каждый человек с детства знаком с этим городом хотя бы по книгам Виктора Гюго, Жюль Верна, Оноре де Бальзака, Анатоля Франса, Эмиля Золя, Ги де Мопассана.

Паустовский ничего не пишет о фонтанах и скульптурах Версаля – крупнейшего дворцово-паркового ансамбля в стиле французского классицизма XVII–XVIII веков: даже тот, кто там не был, возможно, читал о Версале, имеет о нем какое-то представление. Описывать, квалифицировать памятники культуры должны искусствоведы. Эти памятники надо видеть, чувствовать. Поэтому Паустовский пытается передать свои впечатления, обогатить нас своими наблюдениями, описать то, чего не может сделать никакой справочник, никакая книга по искусству, – звуки и запахи Версаля. Благодаря им хрестоматийная

картина, сложившаяся в представлении читателя о Версале по книгам, оживает.

«В Версаль я попал в трескучий от сухих листьев сентябрьский день. Розоватый, едва тронутый линиялым золотом дым подымался над кущами деревьев и отражался в застывшей воде бассейнов».

«Тишина таких мест, как Версаль, /.../ действует на нас с неотразимой силой. Прежде всего она вызывает мысль, как говорили в старину, «о быстролетности нашей жизни».

Глубокая немота застоялась как сумрачная вода в огромных бассейнах, деревья теряются во мгле.

Единственный хозяин (правда, только в будние дни) этих садов – тишина. Ее можно слушать без конца. Ее оттеняет далекий гул Парижа, похожий на равномерный шум исполинского водопада».

А вот описание парижской гостиницы, в котором нет ничего о ее внутреннем убранстве, удобствах или недостатках, то есть всего того, что обычно говорится о гостинице: «Хозяйка набрала служащих для гостиницы из старых своих товарищей, вышедших в тираж циркачей /.../ В полном соответствии с таким составом служащих гостиница весь день пела, высвистывала модные песенки, щелкала пальцами, как кастаньетами, заразительно и хрипло хохотала, как умеют хохотать только клоуны, а иногда из глубины коридоров раздавался львиный рык, вопли попугаев, пение жаворонков и колокольный звон. Это старый подражатель – коридорный служащий Жюльен развлекался сам по себе, жонглируя при этом шляпами и несессерами постояльцев». Перед нами, так сказать, «звуковой портрет» гостиницы.

А вот как пользуется Паустовский богатствами языка, различными его красками, чтобы показать настоящий, живой парижский рынок: «По мере приближения к рынку и его огромным крытым павильонам на чугунных столбах улицы делались чище, а запахи – сильнее. Крепко пахли цветы, апельсины, грибы, укроп, но особенно резко рыба и устрицы. Казалось, что где-то рядом раскатывается по гранитной мостовой теплое море, выдыхая йодистый запах водорослей. Устрицы лежали в кру-

глых корзинах, переложенные битым зернистым льдом. Атлантическая тина опутала их зеленой паутиной.

/.../ Но самым таинственным был, конечно, рынок цветов. Он ударял из-за угла обвалом густых переплетающихся запахов. Он поражал всеми красками, какие возможны в природе. Эти краски были необыкновенно яркими и вместе с тем нежными. Во влажной тесноте и сумраке этих цветочных Монбланов еще продолжалась недавняя их жизнь в рыхлой садовой земле. Неудачники-шмели, завезенные на рынок вместе с цветами, сердито жужжали. Это был чудесный звук – жужжание шмеля среди многоголосного говора и отдаленного протяжного гула Парижа». Какое богатство красок, какие, изумительные ассоциации!

Словарный состав современного русского языка насчитывает несколько сотен тысяч общеупотребительных слов. Кроме того, имеется огромный специальный словарь. Это термины и профессионализмы, относящиеся к специальной лексике. Ведь слова, являющиеся принадлежностью речи определенного говорящего коллектива, объединенного какой-либо производственной деятельностью, специальностью или профессией, тоже входят в золотой фонд нашего языка. А слова просторечные, диалектные и жаргонные? Их тоже нельзя не принимать во внимание. Они тоже находятся в составе русского языка и функционируют в нашей речи, используются и в художественной литературе.

Главный путь обогащения словарного состава – это словообразование, образование новых слов по определенным моделям, существующим в русском языке. Приведем лишь несколько примеров. Так, от глагола *делать* можно образовать более 350 слов. Например, *дельный, деловой, бездельник, по-деловому, поделом, делопроизводитель, всамделишный, делатель, деланный, изделие, издельник, вделывать, возделывать, возделыватель, выделывать, выделка, свежесвыделанный, заделать, заделаться, поделать, обделочный, отделаться, отделка, отделочник, переделка, поделка, поделочный, подделывать, поддельный, приделать, проделка, сделка, удел, бракодел, земледелец, ковродел, самодельный, рукодельница, ничегонеделание* и т.д.

А со словом *дом* связано более 150 слов: *домик, домишко, домовина, домовница, домовничать, домушник, домовой, домашний, одомашнить, домовитость, доморощенный, домосед, домотканый, бездомный, надомник, обездомить, домовладелец, домоводческий, домовод, домостроитель, домохозяйка, домочадец, детдомовец, управдом, детдом и т.д.*

Особенно интересны и перспективны префиксальные (приставочные) образования. Например, префиксы могут изменять значение основного глагола или вносить в его значение тонкие смысловые оттенки. Скажем, префикс *воз-* имеет несколько значений. Он может обозначать «поднять(ся) вверх, наверх с помощью действия, названного основным глаголом» (*возвести* – веда, поднять наверх, воспарить), «вновь совершить действие, названное основным глаголом» (*воссоединить* – соединить вновь, воссоздать), «начать действие, названное основным глаголом» (*возговорить* – начать говорить, *возжаждать, возжелать, возликовать, возлюбить, возмечтать, вознегодовать, возрптать, воспылать, воссиять*), «совершить, довести до результата действие, названное основным глаголом» (*воспрепятствовать* – совершить действие по глаголу препятствовать, *возрастить, возблагодарить, воспротивиться, возмужать*). Большая часть глаголов с этим префиксом относится к высокой и книжной лексике. Многие из них употребляются шутливо или иронически.

А сколько значений имеют префиксы *пере-, раз-, про-!* Вот некоторые глаголы с ними: *перенести, переплести, переделать, перепробовать, перекормить, переволноваться, перехитрить, переждать, переболеть, передохнуть; разослать, разорвать, разбронировать, разагитировать, растолстеть, разволноваться, рассмотреть, разглядеть, разубедить, развеселить; пробуравить, пробежать (мимо), пробежать (пять километров), прогладить, проработать, проездить, прожить, проглядеть, проворочаться (всю ночь), провентилировать, проконсультировать, продемонстрировать.*

В русском языке выделяются речевые средства в зависимости от их значения, эмоционально-экспрессивной окрашенности, происхождения.

Синонимическая система русского языка позволяет выбрать для точного выражения мысли необходимое слово. В эту систему входят слова, которые отличаются оттенками значения, стилистической окраской и стилевой принадлежностью. Так, *думать* имеет синонимы *мыслить*, *размышлять*, *раздумывать*, *предаваться размышлениям*, *мозговать*, *кумекать*. Два последних слова имеют просторечную окраску. А к слову *заступаться* можно подобрать синонимы *вступить*, *защитить*, *вставать на защиту*, *выступить в защиту*, *брать под защиту*, *не давать в обиду*, *поднимать голос в защиту*, *стать горой*. Идею большого количества выражают слова *много*, *полно*, *видимо-невидимо* (разговорная окраска), *невпроворот*, *навалом*, *страсть сколько* (просторечная окраска) и фразеологизмы *без числа*, *без счета*, *с три короба* (просторечная окраска), *не счесть*, *нет числа*, *деть некуда*, *хоть отбавляй*, *хоть пруд пруди*, *конца краю нет* и др. *Редкий* – такой, который редко встречается, отличается чем-либо исключительным, особенным; это основное слово для выражения значения. *Редкостный* употребляется с усилительным значением: очень редкий. *Уникальный* – не только редкий, но и единственный в своем роде, неповторимый, слово употребляется преимущественно в литературно-книжной речи.

Разнообразие оттенков у слов в русском языке требует от оратора особенно тщательного выбора наиболее точного слова. Уместное использование слова из синонимичного ряда позволяет оратору добиваться точной передачи мысли. Чтобы создать точное по смыслу и стилистической окраске высказывание, оратор выбирает из синонимического ряда самое удачное слово со всеми его отличительными особенностями. Так, слова *дарить*, *преподносить*, *презентовать*, *жаловать*, *даровать* стоят в одном синонимическом ряду с общим значением «передать что-либо кому-либо безвозмездно в знак чего-либо и в связи с чем-либо», но при этом каждое из них выступает в роли самостоятельной единицы со своими дополнительными признаками. Глагол *дарить* нейтрален по своему значению, выражает основной смысл этого ряда. А вот *преподносить* имеет значение «торжественно поднести, подарить по случаю юбилея, как знак ува-

жения, признательности, чувства и т.п. в официальной обстановке». Глагол *презентовать* значит «дать презент, подарить» (устаревшее). Сейчас это слово используют больше с шутливым или ироническим оттенком в разговорной речи. Два последних глагола в современном русском языке устаревшие.

Объяснить – сделать что-либо ясным, понятным, известным, изложив сущность, подробности, детали. Синонимы к этому слову – разъяснить и растолковать. Они указывают на обстоятельность, подробность объяснения. *Пояснить* подчеркивает, что объяснение имеет дополнительный, уточняющий, попутный характер, в разговорной речи иногда употребляется в значении, полностью совпадающем со значением слова *объяснить*. *Разжевать* – повторяя, упрощая и т.п., делать что-либо более ясным, доступным для понимания. *Втолковать, вбить, вдолбить* – многократным повторением заставить усвоить, понять что-либо. *Вдолбить* и *вбить* употребляются преимущественно в сочетаниях *вдолбить, вбить в голову, в башку*, как и слово *разжевать*, свойственны грубоватой обиходно-разговорной речи.

Выражение *в общем* мы можем заменить сочетаниями *в общих чертах, не выделяя частных, не выделяя подробностей*. Например: «Наша задача напомнить в общем (в общих чертах, не выделяя частных), что следует делать при проведении эксперимента». Иногда это выражение используется при обобщении предшествующего высказывания. Тогда его можно заменить синонимами *короче говоря, словом*.

Словосочетание *в конце концов* в зависимости от значения можно заменить синонимами *после всего, наконец, в конечном счете, в итоге. По сути дела – фактически, в действительности, в сущности. При случае – если представится случай, если представится возможность, иногда. Кто угодно – каждый, любой, безразлично кто*.

Нередко в речи равнозначными становятся слова, которые не являются общезыковыми синонимами, не включаются в словари синонимов. Это свидетельствует о сложных отношениях в речи между словами и словосочетаниями, которые выступают в различных речевых ситуациях как равнозначные единицы.

Мы говорим: *коренная реконструкция, закладка микрорайона, атомный ледокол «Россия»*. Но можем сказать: *второе рождение, рождение жилого массива, атомоход «Россия»*. Такое употребление контекстуальных синонимов связано со стремлением избежать в речи нефункционального повторения одних и тех же слов. Оратор сказал: «Мы должны с особым вниманием изучить первый опыт этого завода, коллектив которого всегда выступает с интересными начинаниями. Творческая инициатива заводского коллектива воплощена в этом почине...» Здесь в синонимические отношения вступили слова *опыт, начинания, инициатива, почин*. В этом контексте они близки по значению.

Большую роль в языке играют определения. Удачное определение конкретизирует существительное, усиливает выразительность речи, обогащает содержание высказывания. Борьба – *активная, яростная, бескомпромиссная, энергичная, беспощадная, героическая, длительная, жаркая, жестокая, изоциренная, лютая, мелочная, мучительная, напряженная, неистовая, острая, подспудная, постоянная, решительная, самоотверженная, словесная, смертельная, справедливая, страшная, суровая, титаническая, тяжелая, тяжкая, упорная, фанатическая*. Дело – *большое, важное, великое, второстепенное, высокое, гиблое, деликатное, живое, житейское, замысловатое, запутанное, интересное, значительное, канительное, кровное, кропотливое, легкое, личное, маленькое, мелкое, мертвое, минутное, мудреное, насущное, неотложное, несбыточное, новое, нужное, общее, плевое, привычное, пустяковое, спорное, тонкое, хлопотливое, щекотливое, щепетильное, гуманное, праведное, святое, справедливое, честное, гнусное, грязное, злое, липовое, кляузное, мерзкое, позорное, постыдное, черное*.

Огромные богатства русского языка – это не только количество слов, но и смысловая насыщенность их, широкая, разветвленная сеть значений и оттенков, обилие стилистических ресурсов. В этом – свидетельство развития языка и роста нашей культуры. Например, в четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (М., 1981–1984) для слова *требование* указано 7 значений, *часть* – 8, *ходовой* – 8, *уйти* – 13,

идти – 27, *свести* – 14, *сила* – 13, *тянуть* – 22. Наряду с этим многие из слов входят в состав фразеологизмов. Так, различные значения слова *скорый* в таких выражениях: *идти скорым шагом*, *скорый поезд*, *скорый в работе*, *ты больно скор*, *скорое завершение работы*, *до скорого свидания*. А вот фразеологизмы с этими словами: *на скорую руку* – быстро, наспех; *скор (скорый) на руку* – проворный, ловкий в работе, склонный к быстрой расправе кулаком; *скор (скорый) на ногу* – такой, который может легко, сразу идти, ехать куда-либо, такой, который быстро и легко ходит; *скорая помощь* – вид и система медицинской помощи, оказываемой на месте происшествия, автомашина, специально оборудованная, приезжающая с врачом к больному.

В языке происходит постоянное движение лексических единиц: некоторые разговорные слова становятся нейтральными, просторечные – разговорными, нейтральные начинают восприниматься как устаревающие. Некоторые слова изменяют свою стилистическую окраску. В этом – также развитие и обогащение языка. В частности, вместо пометы «устарелое» появилась в некоторых словарных статьях помета «высокое»: *грядущий*, *дерзновенный*, *доньне*, *живописать*, *чужеземный*. Часть устаревших слов, таким образом, переходит в разряд «высокой» лексики, характерной для приподнятой, торжественной речи.

Слова проходят сложные пути развития. Скажем, слово *созидать* в старославянском языке имело два значения: «строить, делать» в сочетании с существительными, обозначающими конкретные, вещественные объекты (*созидать дом*) и «создавать» в сочетании с отвлеченными словами. В XVIII веке оно употреблялось в обоих значениях и функционировало в нейтральных контекстах. Позднее у этого глагола начинает активно проявляться высокая стилистическая окраска, которая становится затем устойчивой. А значение физического действия делается малоупотребительным. В последние годы наметилась явная актуализация этого слова и его производных, особенно в публицистике (*созидать мир*, *курсом созидания*, *созидающая мощь народа*). Причем в значении этих слов появился оттенок творческого труда. Они используются в ситуациях, когда необ-

ходимо подчеркнуть творческое отношение к окружающему нас миру.

Специальная терминология активно переходит из научной и профессиональной речи в сферу общего употребления. Скажем, слово *сервис* пришло из специальной экономической литературы, где имеет терминологическое значение «сфера услуг». Сейчас это слово имеет несколько значений. Первое значение – «обслуживание бытовых нужд населения». Мы говорим: *сервис не на высоте, плохой сервис, хороший сервис*. Второе значение – «совокупность учреждений по обслуживанию нужд населения и созданию удобств для него». Мы говорим: «Необходимо обратить внимание на работу предприятий сервиса». Третье значение – «сфера услуг» стало обиходным: *работники сервиса, мастера сервиса, кадры сервиса*. Как видим, в процессе употребления этого слова развились его новые значения и новые фразеологические сочетания.

Часто термины употребляются в переносном значении как средство речевой выразительности, как метафоры. Например, *эпицентр события, инфляция совести, вирус стяжательства*.

Термин «новые слова» объединяет различные типы неологизмов (в том числе иноязычных) и заимствований. Это новообразованные слова литературного языка, заимствования из других языков, возрожденные слова, а также пришедшие в литературный язык из жаргонов (в том числе и профессиональных), из просторечий, то есть в результате перемещения слов из одной сферы употребления в другую.

Нет такой сферы жизни, в которой не рождались бы новые слова. Они появляются с новыми машинами, приборами, устройствами, явлениями: *универсам, датчик, монитор, кондиционер, кормосмеситель, тележурнал, самбист, футурология, геронтология*. Совсем недавно появилось терминологическое словосочетание *оператор (мастер) машинного доения*, которое употребляется наряду со словами доярка и дояр. Это новое словосочетание более точно выражает характер труда, ставшего механизированным, и способствует поднятию престижа профессии.

Особую группу составляют слова, давно известные в языке, у которых развилось новое значение. Например: *династия* – это не только ряд последовательно правящих монархов из одного и того же рода, но и представители разных поколений из одной семьи, имеющих одну и ту же профессию (*рабочая династия, династия земледельцев*). Различные осмысления уже существующих слов, появление у них новых оттенков значения, новых стилистических характеристик приводят к новым возможностям эмоциональной выразительности слова. Она во многих случаях связана с ассоциативными моментами. Например: *вахта* – группа людей, выезжающих для сменной работы в течение определенного времени в заданный район; *микромир* – об ограниченном, узком круге людей, небольшом количестве в сравнении с окружающим миром, совокупность того, что характеризует внутренний мир отдельного человека (его мысли, чувства и т.д.); *климат* – совокупность социальных условий, обстоятельств, определяющих отношения между кем-либо, обстановка; *сценарий* – план, схема проведения какого-либо мероприятия, выставки и т.п. Наряду со старым употреблением слова *десант* возможно и такое: *десант* – это группа людей, направленная, прибывшая куда-либо, с какой-либо целью, обычно для работы. В разговорной речи – это работа, выполняемая такой группой лиц. Мы говорим: *трудовой десант, педагогический десант* (группа студентов пединститутов), *овощной десант, десант лесорубов, десант буровиков*.

Общество развивается. Меняется его отношение к жизни, к действительности. Меняется отношение и к словам. Слову *предприниматель* в словарях дается такое толкование: «Капиталист-владелец промышленного или торгового предприятия; человек, склонный к аферам, ловкий организатор выгодных предприятий». Это слово в словаре несет отрицательную оценочность. Однако в последнее время такая оценочность была переосмыслена, поскольку у нас появился новый тип деловых людей. Вот как объясняет это слово один оратор: «Тут надо признать, что мы встретились с особым человеческим типом, ранее скрытым от глаз общественности, – типом предпринимателя. Фигурой,

хорошо известной в других странах, давно описанной социологами, но для нас новой. Лишь сейчас эта фигура выдвинута перестройкой на общественную арену. Большинство работников в необычной ситуации растеряется или постарается из известных способов выбрать лучший. А отдельные инициативные люди предпочтут способ, который существует пока лишь в их голове. Более оптимальный способ, приносящий большую пользу. И человек превращается из просто работника в предпринимателя. Его труд становится уже качественно иным, более высокого уровня».

Слово *плюрализм* активизировалось в последние годы. В словарях русского языка, изданных до середины 80-х годов XX в., это слово трактуется как философский термин. См. например, «Словарь русского языка» под редакцией А.Н. Евгеньевой. Т. III. М., 1984, с. 147: «ПЛЮРАЛИЗМ. Философское учение, отрицающее единство мира и утверждающее, что в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых начал и видов бытия».

Однако сфера употребления этого понятия шире. Так, в «Большом толковом словаре» (СПб., 2006, с. 846), наряду с указанным значением (оно дано как 1-е), отмечены также значения: 2. Характеристика политической системы общества, при которой социальные группы имеют организационные возможности для выражения своих интересов в форме политических партий, профсоюзов, церкви и т.п. 3. Многообразие интересов социальных групп, предполагающее различные позиции, мнения и т.п. 4. *разг.* Различные взгляды, оценки тех или иных событий, мнений.

Большое влияние на язык оказывает научно-техническая революция, расширение и укрепление интернациональных связей. Развитие и расширение международных контактов в различных сферах деятельности привело к использованию спутников. Возникли такие слова, как *телемост* и *радиомост*. Оба слова вошли в лексическую систему русского языка. Широко используется слово *видеоклип*. Это новый музыкальный жанр, который можно охарактеризовать как минифильм на несколько минут,

«иллюстрирующий» песню. Сейчас в русской речи употребляются многие образования с компонентом видео: *видеофильм, видеотелефон, видеозал, видеокафе, видеотека*.

Широким потоком вливаются в нашу речь многие слова, например *рэкет, рэкетир, мафия, наркоман, наркомания, коррупция, коррумтировать, спонсор, менеджер, багги, компьютер, брифинг, референдум*.

Может возникнуть вопрос: а нельзя ли обойтись без заимствованных слов? Нельзя ли находить для обозначения реалий исконные слова русского языка? Сошлемся лишь на суждение В.Г. Белинского: «Каждый народ /.../ владеет известным количеством слов, терминов, даже оборотов, которых нет и не может быть ни у какого другого народа. Но как все народы суть члены одного великого семейства – человечества, /.../ то и необходимо между народами размен понятий, а следовательно, и слов. Вот почему греческие слова: *поэзия, поэт, фантазия, эпос, лира, драма, трагедия, комедия, сатира, ода, элегия, метафора, троп, логика, риторика, идея, философия, история, геометрия, физика, математика, герой, аристократия, демократия, олигархия, анархия* и бесчисленное множество других слов вошли во все европейские языки, точно так же, как арабские *алгебра, альманах*, и вообще восточные, означающие названия драгоценных камней; латинские: *республика, юриспруденция, штат, цивилизация, армия, корпус, легион, рота, император, диктатор, цензор, цензура, консул, префект, префектура*, и вообще все термины науки, права и судопроизводства. Поэтому же самому и русское слово *стеть*, означающее ровное, безводное и пустое пространство земли, вошло в европейские языки» (Русские писатели о языке, 1955, 169). Белинский решительно критиковал взгляды А.С. Шишкова, русского писателя, архаиста, который считал, что для обозначения нового явления следует составлять свои слова, сообразно с духом языка, или отыскивать старинные, обветшалые и вкладывать в них новый смысл. На это критик заметил, что такая мысль прекрасна, но решительно невыполнима, а потому никуда не годна. Правда, иные слова удобно переводятся или заменяются своими, как и было у нас. Но боль-

шей частью переведенные или составленные слова, по мнению критика, уступают место оригинальным, например, *землемерие*, уступило место *геометрии*, *любомудрие* – *философии*. Они могут оставаться вместе с оригинальными, как *мореплавание* и *навигация*, *летоисчисление* и *хронология*. Или же могут отличаться некоторыми оттенками в значении, например, *личность* и *индивидуальность*, *нрав* и *характер*. И в конце этого длинного рассуждения Белинский делает интересный вывод: «Вообще идея как-то просторнее в том слове, в котором она родилась, в котором она сказалась в первый раз; она как-то сливается и срастается с ним, и потому выразившее ее слово делается слитным, сросшимся, становится непереводаемым» (Там же, с. 170). Ясно, что Белинский – за целесообразное заимствование: если имеется русское слово для выражения идеи, его и следует употреблять. Между прочим, наши *гласность* и *перестройка* вошли в европейские языки.

Сокровища русского языка неисчислимы. Из глубины веков дошли до нас многочисленные фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова. Они пришли к нам из разговорно-бытовой речи (*за тридевять земель; не все то золото, что блестит; сказка про белого бычка; сума переметная; чудеса в решетке; на безрыбье и рак рыба*), из профессиональной и жаргонной речи (*разделить под орех; без сучка, без задоринки; играть первую скрипку; втирать очки*), из книжно-литературной речи (*довесть до белого каления; пришел, увидел, победил; свежо предание, да верится с трудом; рожденный ползать – летать не может*).

В пословицах и поговорках со всей полнотой отражается народная мудрость, дается оригинальная характеристика многих явлений жизни, выражается мировоззрение, мораль, нравственность народа. Оратору, постоянно обращающемуся к слушателям с живым словом, полезно знать, вероятно, пословицы о языке. Вот некоторые из сборника «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля (М., 1987): *Язык один, и в будни и в праздник; Во многословии не без пустословия; Много говорено, да мало сказано; Лучшие не рассказать, чем пересказать; Меньше говори, да больше делай!; Из пустого в порожнее переливает;*

За твоим языком не поспеешь босиком; Короткую речь слушать хорошо, под долгую речь думать хорошо; У него язык как бритва; Не ножа бойся, языка; У него слово слову костыль подает; Говорит, что клеит; Слово не стрела, а разит; Живое слово дороже мертвой буквы; Хорошую речь хорошо и слушать; Красно поле пшеном, а беседа умом; Что слово молвит, то рублем подарит.

Глубокое изучение всего богатства русского языка, его стилистических ресурсов позволяет проникнуть в сокровенные тайны русской речи, овладеть убеждающим словом.

2. НОРМА И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Слово «оратор» имеет значение «красноречивый человек, умеющий говорить публично, владеющий устным словом», то есть высокой речевой культурой: во-первых, нормами литературного языка, во-вторых, речевым мастерством.

Литературная языковая норма – распространенные из числа существующих языковые варианты, закрепившиеся в общественно-речевой практике образцового использования и наилучшим образом выполняющие свою коммуникативную функцию. Нормативная речь – это правильная, общеобязательная речь, которая звучит в передачах радио и телевидения, которую изучают в школах, которой пользуются в массовой печати.

Норма – категория историческая. Она в известной мере устойчива, стабильна, хотя постепенно изменяется, поскольку это связано с развитием языка.

Выделяют нормы ударения, нормы произношения, нормы в морфологии, синтаксические нормы и нормы словоупотребления.

Нормы ударения связаны с правильной постановкой ударения в словах. Словесное ударение в русском языке является свободным, то есть может находиться на любом слоге слова (на последнем – *вода, голова*, на предпоследнем – *клика, днище*, на первом – *дерево, классовый*), и подвижным, то есть не привязанным к определенной морфеме, части слова (*вода – воды, дерево – деревья, голова – головы*).

Развитие языка также влияет на место ударения в слове, это приводит к нормативным колебаниям, поэтому можно выделить несколько случаев. Прежде всего, равноправное употребление двух вариантов. Например: *одновременнo* – *одновременнó*, *ненормированный* – *ненормированны́й*, *начеркать* – *начёркать*, *по волнам* – *по волна́м*, *по стенам* – *по стена́м*, *искристый* – *искри́стый*, *околозёмный* – *околоземно́й*. Могут быть варианты, один из которых признается основным, а второй оценивается как допустимый: *отдал* и доп. *отда́л*, *индустрия* и доп. *индúстрия*, *собрáлся* и доп. *собрался́*, *творóг* и доп. *твóрог*, *и́на́че* и доп. *и́наче*. Иногда могут быть варианты, один из которых правильный, а другой за пределами норм литературного языка, неправильный: *атлёт* – неправ. *атлет*, *кúхонный* – неправ. *кухóнный*, *досúг* – неправ. *дóсуг*, *новоизобретённый* – неправ. *новоизобрéтенный*, *изобретёние* – неправ. *изобрéтение*, *введённый* – неправ. *ввёденный*, *совре́менный* – неправ. *совре́менный*, *отсня́ла* – неправ. *отсня́ла*, *недúг* – неправ. *недуг*, *диспансёр* – неправ. *диспа́нсер*, *оценённый* – неправ. *оце́ненный*, *приговóр* – неправ. *при́говор*.

Русское ударение – явление очень сложное, и ошибки в нем, к сожалению, часты. Поэтому следует рекомендовать обращаться к словарям, справочникам, многочисленным пособиям по акцентологии.

Правильное произношение также является неотъемлемым признаком литературного языка и имеет в речи не меньшее значение, чем верное ударение. Неправильное произношение отвлекает внимание от содержания высказывания, затрудняет общение людей. Роль правильного произношения возросла сейчас, когда увеличилось значение устной публичной речи, радио и телевидения. Отклонения от литературного произношения могут быть двух видов: под влиянием письма, орфографии, написания, поскольку письмо и произношение зачастую не соответствуют друг другу, и поэтому написание слов часто влияет на произношение; и под влиянием местных говоров, диалектов. Скажем, конечно произносится как конешно, а не конечно, элементы так называемого «оканья» (то есть произношение всех звуков «о» – и под ударением, и не под ударением одинаково,

именно как «о») устойчиво могут сохраняться даже у людей, владеющих нормами литературного языка и функциональными стилями.

Литературному произношению следует учиться путем внимательного вслушивания в речь дикторов радио и телевидения. Этот путь наиболее эффективен.

Нормы в грамматике (морфологии и синтаксисе) связаны с правильным употреблением форм слов и синтаксических конструкций. Основная трудность изучения грамматических норм заключается в наличии вариантов. Так, в родительном падеже множественного числа названия некоторых национальностей, воинских групп, прежних родов войск, единиц измерения, употребляющиеся обычно с именами числительными, имеют разные окончания: *много армян, башкир, бурят, грузин, туркмен, турок, хазар, цыган, отряд партизан, солдат, гусар, драгун, несколько ампер, вольт, ом, аршин, рентген*, но: *бедуинов, калмыков, таджиков, тунгусов, узбеков, якутов, минеров, саперов, джоулей, кулонов, ньютон*ов. Окончание *-ов* находим у существительных *гектаров, рельсов, апельсинов, мандаринов, помидоров, граммов, килограммов*. В устной разговорной речи может быть нулевое окончание: *пять грамм, килограмм, апельсин, помидор*. Колебания, например, наблюдаются в образовании краткой формы от прилагательных на *-енный* с предшествующими двумя или более согласными (*безнравственный – безнравствен – безнравственен*). В настоящее время во всех стилях речи преобладает, как правило, форма на *-ен*: *бездействен, безнравствен, бессмыслен, величествен, воинствен, двусмыслен, естествен, искусствен, многочислен, могуществен, невежествен, ответствен, свойствен, существен, тождествен*.

Что же касается синтаксической нормы, то чаще всего нарушается говорящим управление (предложное и беспредложное) и согласование, что связано с их большой вариантностью. Например, следует различать конструкции с близкими по значению словами и словосочетаниями, которые имеют разное управление: *отзыв* о чем-либо – *рецензия* на что-либо, *отчитаться* в чем-либо – *сделать отчет* о чем-либо, *превосходство*

над чем-либо – *преимущество* перед чем-либо, *примиряться* с чем-либо – *смириться* перед чем-либо и с чем-либо, *различать* что и что – *отличать* что от чего, *уверенность* в чем-либо – *вера* во что-либо, *уплатить* за что-либо – *оплатить* что-либо.

Приведем примеры неправильного использования предлогов: «Убедившись, что ничего больше *от* комитетчиков не *вытянуть*, решили прения закрыть». Правильно: *вытянуть* из кого-либо что-либо. Вместо предлога *от* необходим предлог *из*. Другой пример: «В первом *этапе* – внутривузовских соревнованиях – могут состязаться как студенты, так и сотрудники института». Обычно мы говорим: *на этапе*. В следующем случае вообще не употреблен предлог, хотя он необходим: «Молодые люди в яркой разноцветной спортивной форме открыто, *никого не таясь*, выполняли сложные движения». Здесь смешаны два выражения: *никого не боясь* и *ни от кого не таясь*.

А теперь рассмотрим несколько примеров нарушения грамматической сочетаемости, которая тесно связана с сочетаемостью лексической. Сначала несколько примеров неправильных падежных форм: «Они-то впоследствии и *представят* наибольший *интерес потомкам*». Вместо правильного родительного падежа с предлогом (представлять интерес для кого? – *для потомков*) здесь неверно использована форма дательного падежа (кому? – *потомкам*). «Ну а *что можно ждать* от других организаций?» Следовало бы сказать *чего можно ждать* (то есть использовать родительный падеж). Аналогично и выражение *что стоило*: «Но я так и не представляю себе до конца, *что стоило* ему проделать это расстояние в минувшую субботу». Здесь должно быть *чего стоило*.

Иногда встречается нарушение форм числа. Например, употребление единственного числа вместо правильного множественного: «Я уважаю его как ученого и склонен считать его коллегой, тем более что *сфера* нашей деятельности *близка*». Конечно, нужна форма множественного числа: *сферы близки* (друг к другу).

Грамматические нормы русского литературного языка описаны в справочниках и грамматиках подробно, и в случае надобности можно обратиться к ним.

Современный русский язык предоставляет оратору большие возможности применения средств для точного выражения мысли. Подбор тех или иных слов, выбор слова, несомненно, связан с воздействием на аудиторию. И лексико-стилистические неточности в речи могут оказать отрицательное влияние на восприятие выступления. Несоответствие употребляемого слова или выражения стилистическим нормам вызывает у слушателей негативные эмоции, которые могут свести на нет всю речь. Ведь эмоциональное состояние, возникающее под действием слова, связано и с речевым обликом оратора.

При отборе лексических средств мы, конечно же, руководствуемся более или менее закрепившимися нормами словоупотребления. Что это такое? Литературные нормы словоупотребления связаны с верным (точным по значению, стилистически уместным) выбором слова, а также с грамматически и стилистически правильной сочетаемостью слов. Чаще всего недостатки в словоупотреблении связаны со слабым знанием тонкостей русского языка, обусловленных его стилистическим богатством. Например, слово *проживать* имеет официальную стилистическую окраску и употребляется в официально-деловом стиле речи. Поэтому фраза: «Я проживаю сейчас у дочери» в бытовом диалоге ошибочна. Следует сказать: «Я живу сейчас у дочери».

Для правильного и точного выбора слова необходимо иметь в виду ряд моментов. Во-первых, всякое слово необходимо использовать в соответствии с тем значением, которое оно имеет. Например, фраза «Весной ребята вывешивают искусственные гнездовья» содержит ошибку. Ведь *гнездовье* – место, где гнездятся птицы. Здесь это слово следует заменить словами *гнезда*, *скворечники*. Во-вторых, у каждого слова, поскольку оно употребляется в речи, сложились известные смысловые связи с другими словами. Эти связи необходимо соблюдать, так как в контексте устанавливаются и значение, и оттенки значения слова. Пренебрежение этими связями часто приводит к ошибкам.

Например, известны устойчивые сочетания *играть роль* и *иметь значение*. При их контаминации, смешении возникает ошибочное сочетание *играть значение*. В-третьих, при вы-

боре слова следует учитывать его стилистическую окраску, то есть эмоционально-экспрессивные свойства слов и их стилевую принадлежность. В-четвертых, при употреблении слов необходимо учитывать сферу их распространения. Слова могут быть общепотребительные и ограниченные в использовании (например, термины и профессионализмы, диалектизмы, жаргонизмы). В-пятых, для повышения эффективности речи необходимо знать изобразительно-выразительные возможности слов.

Всякое слово должно использоваться в сочетании с тем значением, которое ему присуще. Использование слова без учета значения (семантики) искажает смысл предложения, затрудняет понимание фразы, иногда приводит к логическим ошибкам и расширению границ понятия. Слова, как правило, многозначны, то есть могут быть употреблены в различных значениях, которые иногда далеки одно от другого, что и приводит к неудачному их использованию в речи. Например: «Агрономы отбирают лучший скот» (двусмысленность получается из-за того, что глагол *отбирать* может обозначать 1) «производить выбор, выбирать» и 2) «отнимать, брать»; конечно, говорящий имел в виду первое значение, но не учел возможности второго толкования); «Члены месткома были переизбраны». Глагол *переизбрать* имеет два значения: 1. Вторично избрать. 2. Заменить другим. В официальных ситуациях на первый план «выходит» 1-е значение. А в неформальных ситуациях, в непринужденной разговорной речи возможно 2-е значение. *Плеяда* – это группа выдающихся деятелей одной эпохи, одного направления; это слово употребляется лишь с существительными, обозначающими лицо. Например, *плеяда русских революционеров, плеяда художников, пушкинская плеяда*. Слово имеет высокую стилистическую окраску. Не следует это слово употреблять с неодушевленными существительными: *плеяда грузовых машин, плеяда тракторов*. Такое употребление ошибочно. Слово *климатический* образовано от существительного *климат*, то есть «совокупность метеорологических условий, свойственных данной местности». Оно не совпадает по значению с тематически связанным с ним словом *погодный* от существительного *погода*, то есть «состояние атмосферы (облач-

ность, влажность, температура воздуха и т.п.) в данном месте, в данное время». Неправильно поэтому: «Они не заметили разницы в климатических (следует: погодных) условиях этого года, не учли того, что нынешняя весна на несколько дней опережает обычные сроки»; «По климатическим (следует: *погодным*) условиям этот год похож на прошлый». Как видим, каждое знаменательное слово имеет лексическое значение, и употреблять слова следует в строгом соответствии с их семантикой, то есть с их значением. В предложении «В результате анализа получены отличные данные» возникла двусмысленность при использовании многозначного слова *отличный*, то есть отличающийся от чего-либо, иной и очень хороший, превосходный. Мы говорим: *они приняли отличное от прежнего решение, продукция отличного качества, отличный фильм*.

Неоправданное употребление более широкого понятия «население» находим в следующей фразе: «У нас в городе на семьдесят тысяч населения всего 17 площадок». Поскольку население – категория, не поддающаяся счету (можно сказать только в общем: *много населения, мало населения*, но нельзя его пересчитать), то здесь надо было употребить слово *человек*.

Неправильно также выражение *несметные цены: несметное количество полотен, несметные цены на мировом рынке*. Но если про количество так сказать можно, то цены уж никак не могут быть несметными, то есть неисчислимыми. На то она и цена, чтобы иметь определенное числовое выражение.

Иногда допускаются паронимические ошибки. Паронимы – это однокоренные слова, близкие по звучанию, но разные по значению или частично совпадающие в своем значении. Например, *геройский – героический, драматический – драматичный, значение – значимость, проблемный – проблематичный, существо – сущность*. Вот эта-то близость звучания и приводит к смешению таких слов.

Паронимы могут быть очень близки по значению, отличаться лишь тонкими смысловыми оттенками. Например, *жизненный – важный для жизни (жизненный вопрос) и житейский – обыденный, свойственный повседневной жизни (житейская*

история, житейский вопрос). Иногда паронимы резко отличаются по смыслу. Например, *гнездо – гнездовье, дефектный – де-фективный*.

Паронимия – один из источников трудностей литературной речи, поскольку структурное сходство слов, а значит, и смысловое создает почву для их смешения. Например: «Предоставляются (нужно: *представляются*) рукописи под девизом»; «Для покупки семян каждому хозяйству определены сроки, представлены (нужно: *предоставлены*) кредиты»; «Цельный (нужно: *целый*) день он работал в библиотеке». Смешение паронимов может порождать стилистические казусы, смысловые искажения, двусмыслицу, в конечном счете речевую неправильность.

Ошибки во многом связаны с речевой культурой говорящего и психологией восприятия человеком близкозвучащих слов. Неудачно выбраны также слова в предложениях: «Они не хотели смириться с недостатками» (вместо *мириться, примириться*; глагол смириться имеет значение «стать покорным, смиренным»; *смириться перед судьбой*); «Он полный невежа в искусстве» (вместо *невежда*, то есть «малосведущий, малообразованный человек»); «Необходимо учитывать факты, определяющие экономическое развитие общества» (вместо *факторы*, то есть «движущие силы какого-либо процесса, явления»; *факт* – это «действительное событие, явление»).

Полезным пособием при пользовании паронимами является «Словарь паронимов русского языка» Ю.А. Бельчикова и М.С. Панишевой (М., 2002).

Необходимо правильно пользоваться синонимическим богатством языка. Напомним: синонимы – это слова, близкие или тождественные по своему значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся или оттенками значения, или стилистической окраской, или и тем и другим. Они, как правило, принадлежат к одной и той же части речи. Например, *красный – алый – багровый; горячий – жаркий – жгучий – знойный – обжигающий – палящий; растратить* (нейтральное слово) – *расточить* (книжное слово) – *растратничить* (раз-

говорное слово); *лицо* (нейтральное) – *лик* (высокое) – *рожа* (сниженное). Функции синонимов многообразны. Они могут употребляться для уточнения или разъяснения мысли, для сопоставления или противопоставления предметов, явлений, действий, для усиления или создания образности. Например: *Нас удивил плавательный бассейн, восхитил строящийся хитроумный лабиринт, поразила внешней отделкой и внутренним уютом жилой корпус*. От умения пользоваться синонимами во многом зависит богатство и разнообразие словаря, живость и образность речи. Очень важно чувствовать тонкости смысловых и эмоционально-экспрессивных оттенков близких по назначению слов и знать их особенности.

Если не учитывать различие в значениях и стилистической окраске синонимов, то это может иногда привести к ошибке. Например, во фразе *Завком отказался, отрешился от этого дела* второй глагол-синоним употреблен неверно, так как слово *отрешиться* книжное, имеет высокую стилистическую окраску и в данном контексте его употребление нежелательно.

Смысловая близость создает возможность взаимозаменяемости синонимов, но не во всех случаях. Неудачен выбор синонимов в следующем предложении: *Многие годы он трудится учителем в сельской школе* (вместо *работает учителем*). В чем здесь ошибка? Глагол *трудиться* в отличие от синонимичного *работать* обычно не употребляется при указании на род занятий, должность работающего. Проанализируем синонимический ряд: *действовать, работать, функционировать*. Эти слова обозначают «находиться в действии, выполнять свои функции» (о машинах, механизмах, различных устройствах, предприятиях и т.п.). *Действовать* имеет широкое значение; *функционировать* близко к нему по значению, но употребляется реже и преимущественно в деловой или специальной речи; *работать* употребляется в тех случаях, когда надо подчеркнуть, что предприятие, механизм и т.д. выполняют работу, делают свое дело. Правильно ли употреблен глагол во фразе: *В этом поселке функционируют магазины, библиотека, клуб, аптека, медицинский пункт?* Здесь следует употребить глагол *работать*. При выборе слова

из синонимического ряда необходимо учитывать прежде всего то, что позволяет отличить друг от друга эти слова. Из них нужно выбрать единственное, которое наиболее точно выражает мысль и соответствует данному контексту.

Так, слово *измерить* обозначает как определение пространственных размеров чего-либо (длины, ширины, высоты, объема и т.д.), так и определение других величин (температуры, давления и т.д.). Синонимичное слово *смерить* имеет то же значение, но употребляется преимущественно в обиходно-разговорной речи. Слово *замерить* употребляется в специальной речи. Слово *говорить* является нейтральным, межстилевым по сравнению с разговорным *разглагольствовать* и просторечным *разоряться*.

Два вида стилистической окраски – эмоционально-экспрессивная и функционально-речевая – тесно связаны между собой и нередко проявляются в одном слове. Если при употреблении слова в речи не учитывается стилистическая окраска, может возникнуть стилистический диссонанс, то есть слова с разной стилистической окраской немотивированно используются в одном контексте. Однако в определенных случаях разностильность слов вполне допустима и даже желательна. Она необходима для большей выразительности выступления. Устранение различий в стилистической окраске элементов высказывания может только обеднить речь. Необходимо при этом соблюдать одно условие: такая разностильность лексики выступления, вообще всякого текста должна быть строго мотивирована, оправдана ситуацией или темой или отношением к предмету разговора.

Для характеристики человека можно употребить несколько синонимов, которые различаются стилистической окраской. *Настоящий*, то есть соответствующий определенным требованиям, представляющий по своим качествам, достоинствам образец, идеал кого-либо (*настоящий хозяин*) имеет нейтральную окраску. Другие два синонима *истинный* и *подлинный* имеют усилительный оттенок и употребляются обычно в приподнятой литературной речи: *Этот директор совхоза – подлинный хозяин*. А вот *заправский* имеет разговорный характер, слово *натуральный* – оттенок просторечия и употребляется в разговорной речи:

заправский охотник, натуральный охотник. Эти слова в силу их стилистической окраски имеют разную сферу употребления.

Не всегда выступающие учитывают стилистическую окраску слова, и в результате в речи могут возникнуть стилистические ошибки. Из выступления: *Труженики цеха № 1 не выполнили план.* В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля читаем: «Труженик – сподвижник, трудящийся неутомимо». В современной речи это слово имеет высокую стилистическую окраску. Поэтому в предложении, приведенном выше, оно не может быть употреблено (что за труженики, которые не выполнили план?). Для справок о смысловых и стилистических различиях синонимов рекомендуется обращаться к словарям синонимов русского языка, в частности к «Словарию синонимов русского языка» в 2-х томах (т. 1 – Л., 1970, т. 2 – Л., 1971) под редакцией А.П. Евгеньевой.

Отрицательную роль в устных выступлениях играют всякого рода речевые штампы, избитые выражения, например: *охватить всех сотрудников культмассовыми мероприятиями, охватить всех подпиской на газеты и журналы, охватить всех детей школьного возраста обучением, охватить ребят кружками самодельности, проведена работа по разъяснению, проведена работа по ознакомлению, проведена работа по использованию, проведена работа по озеленению, развернуть культмассовые мероприятия, тесно увязывать беседу с конкретными задачами текущего момента, увязать вопрос, заострить вопрос, имеет место отставание от намеченных планов, в деле ознакомления школьников с произведениями искусства, в части удовлетворения запросов населения, выступил по линии критики, при наличии отсутствия нужного сырья, руководство этим делом в лице отдела снабжения...*

Канцеляризм – слова и словосочетания, употребление которых в литературном языке закреплено традицией за официально-деловым стилем. Например: *наличие, проживать, имеет место, вышеперечисленный.* Стандартизированные словесные обороты-канцеляризм ускоряют процесс составления делового документа и облегчают восприятие текста служеб-

ного назначения. В этом их положительная сторона. Такие обороты, отличаясь большой смысловой емкостью, являются сигналами информации, специфичной для деловых бумаг и выступлений. Хорошо известны словосочетания: *в соответствии с протоколом, согласно Вашей просьбе, в связи с отказом, в целях досрочного выполнения плана, прошу предоставить мне*. Злоупотребление канцеляризмами, которые используются в устной неофициальной речи, может создать сухую, лишенную эмоциональной выразительности и интеллектуальной насыщенности, скучную речь.

Влиянием официально-делового стиля объясняется неоправданное употребление в речи отыменных предлогов: *по линии, в разрезе, в части, в деле, в силу, в целях, в адрес, в области, в плане, на уровне, за счет*. Они получили большое распространение в книжных стилях, иногда их употребление стилистически оправдано. Однако увлечение ими в устной речи приводит к стилистическому диссонансу, отяжеляет слог, придает речи канцелярскую окраску. Отыменные предлоги обычно требуют употребления отглагольных существительных, а это приводит к нанизыванию падежей, например *навести порядок в деле улучшения обучения вождения автомашин*.

Речь, содержащая много отглагольных существительных, характеризуется аморфностью. Нельзя категорически возражать против употребления этих слов и конструкций с ними хотя бы потому, что многие из отглагольных существительных входят в состав терминологии, а без терминов при освещении специальных (научных, технических, производственных) вопросов, как известно, не обойдешься. Например: *производственные отношения, соцсоревнование, постановление, потребление*. Однако иногда отглагольные существительные употребляются в речи немотивированно, просто из-за неумения изложить мысль. Например: *Нужно провести решение вопроса о подготовке кадров для предприятий бытового обслуживания; Для обеспечения получения высокого урожая важно не допускать запаздывания с началом сева; При наличии желания можно оказать помощь по улучшению условий труда рабочих*. Ясно, что здесь использова-

ние отглагольных существительных не оживляет выступление и не обусловлено никакими особыми стилистическими заданиями. Конструкции с отглагольными существительными могут характеризоваться нагромождением падежей. *Специализация книжной торговли создает большие возможности роста производительности труда продавца, ускорения оборачиваемости товарных фондов магазинов, улучшения обслуживания населения города.*

Разберем еще несколько примеров неоправданного употребления лексики официально-делового стиля в устной речи. *В плане подготовки почвы к весенне-полевым работам многое делает тракторно-полеводческая бригада № 2.* В этом предложении без надобности употреблен отыменный предлог *в плане*. Можно передать эту информацию другими словами и более удачно: *Тракторно-полеводческая бригада каждый день ведет подготовку почвы к весенне-полевым работам.* Или: *Многое делает тракторно-полеводческая бригада для того, чтобы вовремя подготовить почву к весенне-полевым работам.* Еще пример: *Затем, к сожалению, механизаторы начали отставать от графика сева.* Сказалась не только дождливая погода, но и сбои, допущенные в части организации труда. Здесь снова употреблен отыменный предлог *в части*. Хотя можно обойтись и без него и без причастного оборота: *Затем, к сожалению, механизаторы начали отставать от графика сева.* Сказалась не только дождливая погода, но и допущенные в организации труда сбои. Или: *Сказались дождливая погода и сбои в организации труда.* А в примере: *Лишь 19% семян от их потребного количества имеется на сегодняшний день в наличии в совхозе – два канцеляризма в наличии и потребное количество,* без которых можно обойтись, сконструировав предложение хотя бы так: *Лишь 19% от нужного количества семян имеется сегодня в совхозе. И в заключение хотелось бы напомнить о необходимости строже выполнять требования по хранению семенного материала.* Зачем называть семена «семенным материалом», когда можно обойтись одним словом? Точно так же можно избавиться от многословия *о необходимости строже выполнять требования по хранению.*

В результате получится короткое предложение: *И в заключение хотелось бы напомнить о необходимости лучше хранить семена. Общеизвестно, что повышается поедаемость и улучшается кормовая ценность многих кормов, если перед скармливанием их подвергать соответствующей обработке.* Здесь использованы канцеляризмы *повышается поедаемость, улучшается кормовая ценность кормов, если перед скармливанием, подвергать соответствующей обработке.* Можно сказать проще: *Коровы, козы лучше усваивают сдобренные корма. В деле повышения качества уплаты налогов наметились положительные тенденции.* А можно сказать проще и лучше: *Стали более регулярно платить налоги.*

В одной из парикмахерских висела табличка: «*Коллектив борется за повышение качества обслуживания посетителей*». Зачем, спрашивается, коллективу борьба за повышение качества обслуживания? Не лучше ли, прекратив борьбу, заняться качественным обслуживанием посетителей? Подобная словесная эквилибристика, как мы видели, присутствует и в речи.

Нарушение устойчивых связей слов также приводит к стилистическим ошибкам. Иногда можно услышать: *беседа прочитана* (вместо *проведена*), *лекция проведена* (вместо *прочитана*), *повысить кругозор* (вместо *расширить кругозор*). *Сначала мы с моим тренером заложили большую плавательную базу: много занимались в зале штангой, набивными мячами.* Как известно, можно *создать базу* и *заложить фундамент*. *Уровень благосостояния... увеличивается.* Но всякий уровень может или повышаться, или понижаться, но не увеличиваться или уменьшаться. Поэтому, употребляя слово *уровень* в тех случаях, когда это необходимо, следует говорить: *Уровень благосостояния (культуры, мастерства, знаний) повысился (поднялся и т.п.)* Еще несколько примеров: *Большинство времени уходило на составление ненужных отчетов* (слово *большинство* сочетается со словами, обозначающими предметы, которые поддаются счету: *большинство студентов, большинство колхозов, большинство станков* и т.п.; этому условию не удовлетворяет слово *время*, поэтому следовало сказать: *большая часть времени*). *Студенты*

хорошо отвечали на экзаменационные билеты, показывая твердые знания экзаменационного материала (можно отвечать на вопросы экзаменационных билетов, но не сами билеты). В ответ на высокую награду работники обязались неустанно добиваться дальнейшего подъема животноводства, еще более повысить продуктивность его (можно повысить продуктивность скота, но не животноводства). Занятия в семинаре помогли нам расти и разбираться в тех сложных вопросах, которые раньше казались такими малопонятными (напоминает анекдотическое «расти над собой»; можно сказать: способствовали нашему росту и помогли разобраться). Допущены ошибки в следующих предложениях: *За работу принялся умело, но показать всех способностей не успел – пришла пора идти в армию; Эта газета освещает местные, районные и городские события и новости; Выступавшие внесли деловые, конкретные замечания.* Как известно, способности можно проявлять, а показать можно, на что способен; новости – сообщать, замечания – высказывать; вносятся же предложения, а не замечания. Еще одно, на первый взгляд, использованное правильно словосочетание: *И я хотел прежде получить уверенность, что этот фильм может быть снят...* но ясно, что *уверенность* – это то, к чему приходит человек сам, его внутренняя убежденность, и получить ее извне невозможно. Совершенно очевидно, что автор хотел употребить слово *гарантии*; можно также использовать выражение *убедиться в реальности того, что...* А теперь фраза, ошибочность которой, наоборот, сразу бросается в глаза: *На сцену вышла ленинградская группа «Премьер», абсолютно укладывающаяся в прокрустов размер телевидения. Прокрустово ложе – устоявшийся фразеологический оборот, и совершенно непонятно, зачем говорящему потребовалось менять в нем слово. В данном случае замена части фразеологического оборота не обоснована. Вот еще две иллюстрации небрежного отношения к слову: *Нам так часто приходится летать самолетами Аэрофлота и пользоваться услугами железнодорожного транспорта, что мы уже не только прекрасно ориентируемся в расположении вокзалов и аэропортов, но и представляем себе внешнюю и внутреннюю архитектуру**

каждого из них; Кто-то намеревается не только полюбоваться внутренней шикарной архитектурой крупнейшего гастронома, но и попытаться что-то купить. Итак, может ли быть архитектура внешней или внутренней? Открываем толковый словарь: «Архитектура – 1. Искусство строительства. 2. Направление в строительстве, характер, стиль постройки». Становится ясно, что слово употреблено без учета его семантики: внешний – это, конечно, вид, облик, а внутреннее – строение, расположение. Произошла подмена понятий. Два примера на глаголы, неправильно употребленные со словом *уровень*: *Уровень политической культуры молодежи чрезвычайно низок, если не отсутствует совсем; Английская сторона выражает удовлетворение уровнем взаимопонимания, царившим на переговорах.* Уровень может повышаться или понижаться, но в любом случае он существует, и поэтому отсутствовать не может. Политическая культура – да, она может отсутствовать. Но не уровень. Второй пример аналогичен. Взаимопонимание царить может, а уровень – нет. Произошла подмена понятий. А вот еще одно неправильное выражение со словом *контракт*: *С ними контракт завели – уже два года практиканты на заводе практикуются.* Завести можно собаку, кошку, в крайнем случае – дружбу, контракт же обычно заключают или подписывают.

Плеоназм – многословие, выражение, содержащее однозначные и потому лишние слова. Плеоназм связан с лексической сочетаемостью. Например, *каждая минута времени, промышленная индустрия, своя автобиография.* Выступавший сказал: *Вряд ли кто-нибудь станет жалеть о проведенном времени за партией, как о бездарно потерянном.* Видимо, в этом контексте слова *бездарно* и *потерять* перекрещиваются в своем значении: ведь нельзя же потерять время с пользой. Здесь следовало сказать: *о бездарно проведенном времени.* Конечно, использование плеоназма может быть связано со стилистическим заданием, например в градации, построенной на синонимах при усилении.

Плеоназм связан с избыточностью речи. Содержит избыточность такое предложение: *Тандем в лицах двух руководителей основал письменную компанию в сентябре 1987 года.* Слово *тан-*

дем наряду с основным значением «двухместного, сдвоенного велосипеда» сейчас часто употребляется, чтобы обозначить сдвоенность чего-либо. Поэтому лучше было бы сказать просто *тандем руководителей*, избежав тем самым лишнего повторения: *тандем в лицах двух... Планируем создать группу, где занимающиеся смогут консультироваться со специально приглашенными специалистами*. Слово *специально* и так-то не очень нужно, поскольку не несет дополнительной информации: раз приглашенные – ясно, что специально, а рядом с однокоренным словом *специалисты* оно и вовсе неуместно. Разберем еще такую фразу: *Налогоплательщик вправе знать, куда и на что идут его деньги, которым так и не суждено воплотиться в недостающие койко-места... в чем у Минздрава постоянная хроническая недостаточность*. Совершенно очевидна ошибка. *Хроническая* – это и есть *затяжная, постоянная*. *Постоянная хроническая* – тавтология, ошибка допущена, вероятно, из-за нечеткого представления о значении слова *хронический*.

Часто встречается и такой вид нарушений лексической сочетаемости, как речевая недостаточность, то есть отсутствие нужного слова: *Но если серьезно, то дозвониться выпало только счастливицам*. Здесь явно не хватает существительного, например, *счастье*, поскольку выражение *выпало дозвониться* – лексически неполное. И стилистически корректным был бы вариант *немногим посчастливилось дозвониться*. Пропущено дополнение и в следующем примере: *Но не сложилось у него в конце концов и в этом клубе, попал в «Спартак»...* Что не сложилось? Отношения, обстановка? Карьера не получилась? Одного лишь не сложилось недостаточно, надо указать что.

А теперь обратимся к такому явлению, как нарушение сочетаемости слов по причине контаминации, т.е. смешения двух различных выражений. Например: *Да и старенькие, купленные по случаю в не столь отдаленные времена ботиночки изнасились до ручки*. Здесь спутаны два выражения: *дойти до ручки* и *износиться до дыр*, в результате получилось странное, бессмысленное выражение *износиться до ручки*. Также неправильно предложение: *Срок временного контракта истек, и на этой*

работе пришлось поставить точку. Обычно ставят крест (на чем-либо), а поставить точку – это что-то закончить, завершить. Выбор слова здесь неудачен и объясняется он все той же контаминацией. Казалось, зрители еще сколь угодно времени могли наблюдать за финальным поединком первого открытого кубка Москвы по бильярду. Здесь произошла контаминация выражений сколь угодно долго и много или столько времени, а в результате появилось неудачное выражение сколь угодно времени.

Слово – величайшая сила. И поэтому обращаться с ним следует вдумчиво и осторожно. В заключение приведем высказывание известного ученого, занимавшегося вопросами культуры речи, В.Н. Головина: «Норма предполагает определенное оценочное отношение говорящих и пишущих к функционированию языка в речи: так можно, а так нельзя; так говорят, а так не говорят; так правильно, а так неправильно. Это отношение формируется под воздействием литературы (ее авторитетных для общества деятелей), науки (она начинает описывать, «кодифицировать» нормы), школы и т.д.

Норма – это свойство функционирующей структуры языка, создаваемое применяющим его коллективом благодаря постоянно действующей потребности в лучшем взаимном понимании. Именно эта потребность побуждает людей предпочитать одни варианты и отказываться от других – ради достижения единства языковой системы. Вместе с ростом потребности общества в таком единстве крепнет языковая норма, достигая высшего развития в национальном литературном языке» (Головин, 1988, 19–20).

3. АССОЦИАТИВНАЯ ОБРАЗНОСТЬ

Один из способов достижения эффективности ораторской речи – ассоциации. В «Психологическом словаре» дается такое определение: «Ассоциация – закономерная связь двух или нескольких психических процессов (ощущений, представлений, мыслей, чувств, движений и т.п.), выражающаяся в том, что по-

явление одного из них вызывает появление другого или других психических процессов» (М., 1983, 24). Используя ассоциации, можно ярко, образно, концентрированно выразить мысль и вызвать у слушателей нужные представления, поскольку ассоциации – это хорошие возбудители, стимулирующие наше воображение. Прекрасно раскрыл суть ассоциаций К.С. Станиславский: «Если я вас спрошу о самой простой вещи: «Холодно сегодня или нет?» – вы, прежде чем ответить «холодно» или «тепло», или «не заметил», мысленно побываете на улице, вспомните, как вы шли или ехали, проверите свои ощущения, вспомните, как кутались и поднимали воротники встречные прохожие, как хрустел под ногами снег, и только тогда скажете это одно, нужное вам слово.

При этом все эти картины, может быть, промелькнут перед вами мгновенно, и со стороны будет казаться, что ответили, почти не думая, но картины были, ощущения ваши были, проверка их тоже была, и только в результате этой сложной работы вашего воображения вы и ответили» (Станиславский, 1951, 101–102). Как видим, одно слово *холодно* вызвало огромное количество ассоциаций, а с ними – представлений, чувств, мыслей, идей. Обычно выделяют ассоциации по смежности (в пространстве или времени), сходству и контрасту.

Размышления Станиславского об ассоциациях мы можем проверить на себе, прочитав фрагмент слова митрополита Крутицкого и Коломенского Николая, сказанного в Воскресенской церкви, что на Арбате г. Москвы (1947): «Человек может ко всему привыкнуть; он может привыкнуть жить в любом климате – самом холодном или самом жарком; он может приучить себя, если будет к тому вынужден, жить впроголодь месяцами, а, может быть, и годами; он может /.../ не укрывать себя в самую жестокую стужу теплой одеждой; человек привыкает к любому труду, какой на первый взгляд кажется ему непосильным.

Но к одному человек привыкнуть никогда не может, это – жить без любви, без той любви, при которой он никогда не чувствует себя одиноким в этом мире, затерянным в массе людей, или отверженным людьми, или не понятым ими, когда человеку и

горе свое разделить не с кем, и некому раскрыть свою наболевшую душу, с ее думами, мечтами, заботами. Сердце человека ищет и жаждет ласки и любви, человек хочет согреть свое сердце теплом этой любви. Разве всегда такая любовь сопровождает земной путь человека?» (Митрополит Николай, 1947, 144–145). Как много ассоциаций рождает в нашем сознании этот отрывок! В первой его половине все слова использованы в прямом значении, но мы отчетливо представляем себе холодный и жаркий климат, и живущего впроголодь человека, и непосильный труд. Не менее яркие картины возникают у нас при чтении второй половины фрагмента.

Существуют абстрактно-логическое и конкретно-чувственное познания, и с этими видами познавательной деятельности связано наше мышление. Оратор воздействует на абстрактно-логическое (словесно-понятийное) и конкретно-образное мышление слушателей. А оно в свою очередь связано с несколькими видами памяти: отвлеченно-логической, эмоциональной и образной. В ораторской речи все виды мышления объединяются, используются средства, которые порождают абстрактно-логические и образные ассоциации. Это вызвано, с одной стороны, стремлением оратора к логической целесообразности, стройности, законченности в выражении мысли, а с другой стороны, желанием, используя образные средства, воздействовать на образную сферу слушателей.

Механизмы ассоциативности в речи изложены в работах И.М. Сеченова, И.П. Павлова, современных исследователей в области физиологии, индивидуальной и социальной психологии и других наук. По мнению ученых, части конкретных представлений из всех сфер чувств могут ассоциироваться между собой и образовывать цельные представления. И.П. Павлов выделил слово как реальный условный раздражитель, который возбуждает длинную цепь образов-ассоциаций, разворачивающихся в некоторую целостную картину. Ассоциативно соотносясь друг с другом, слова в структуре речи создают так называемое ассоциативно-образное поле. Конечно, возникновение ассоциаций определяется социальной практикой в самом широком

смысле этого слова оратора и слушателей, то есть их общественным, профессиональным, личным опытом.

В связи с ассоциациями возникает понятие так называемой словесной наглядности. Ведь произнесенное оратором слово вызывает в сознании слушателей сложную гамму представлений, образов, иногда ярких. К.С. Станиславский называл чувственные представления об объекте речи «видением внутреннего зрения». В процессе речи у оратора возникают так называемые картины внутреннего зрения, «видения», которые он стремится передать слушателям.

Образность речи, словесную наглядность передают тропы. Троп – поэтический оборот, употребление слов, фраз и выражений в переносном, образном смысле. В основе тропа лежит сопоставление двух понятий, которые представляются нам близкими в каком-то отношении.

Слово, словосочетание, предложение, называющее один предмет, явление, процесс, используется в речевой ситуации для обозначения другого предмета, явления, процесса, связанного с первым какими-либо смысловыми отношениями. Таким образом, возникает смысловая связь между традиционным значением и новым, ситуативным значением. К тропам относятся метафора, метонимия, синекдоха, симфора, гипербола, литота, ирония, эпитет, аллегория, перифраз, олицетворение, сравнение.

Используя тропы, оратор подтверждает известную истину: познание в полной мере невозможно без диалектического единства абстрактно-логического и художественно-образного мышления. Троп используется как изобразительно-выразительное средство, которое усиливает речь благодаря тому, что к логическому содержанию добавляются эмоционально-экспрессивные оттенки и образность. Образные средства позволяют увидеть и проанализировать явление со всех сторон и хорошо запомнить его. Они делают мысль оратора зримой, предметной, осязаемой, конкретной. Это – немаловажный момент в ее восприятии. Речь, состоящая из одних фактов, цифр и суждений, плохо воспринимается и недостаточно прочно запоминается. Кроме того, образность повышает информативную насыщен-

ность речи, увеличивает ее смысловую емкость при словесном лаконизме (ср. употребление логизированных эпитетов А.Е. Ферсманом при описании камней: *кроваво-красный агат*).

Основной вид тропа – метафора. Метафора – это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. На прямое значение наслаивается добавочный смысл, который становится основным. Например: *Это неуловимое заключается, на мой взгляд, в том, что весь океан есенинской поэзии, образный и звуковой, вступает в контакт с наиболее глубинными уровнями русской души*. Здесь метафора – слово *океан*. Метафоры могут быть стершимися, «сухими», поскольку уже не воспринимаются как образные слова. В них вторичное значение воспринимается как постоянное, основное. Например: *часы идут, спешат, бегут*. Выделяются общеязыковые, общепозитивные метафоры, переносное значение которых ощущается. Например: *совесть дремлет, закат пылает, жизненная тропа, темная история, море хлебов, серая жизнь*. Индивидуально-авторские, индивидуально-стилистические метафоры – это метафоры, созданные авторами и не ставшие фактом общенародного языка. Например: *Есенин и Достоевский, каждый по-своему, создавали в литературе невероятный космос русской души*.

Метафоры подразделяются на простые и развернутые. Простая метафора построена на сближении предметов, явлений по одному признаку; развернутая метафора построена на разных ассоциациях по сходству. Метафоры играют семантико-композиционную роль в речи, цементируя ее, и роль психологических стимулов, возбуждая эмоциональные, образные ассоциации, помогая глубже осознать, представить предмет или явление.

Еще несколько примеров из ораторских речей: *Сейчас в область, куда раньше шли машины по головокружительным серпантинам дорог, проложена железная дорога; Почерк треста сказался и в смелом использовании вертолетов при установке опор; Энергия, которую несет взъярившаяся река, пропадает зря, в сухой сезон без влаги остаются поля, которые она могла бы напоить; Мы собрали круглый стол, чтобы обсудить важ-*

ные вопросы, и тут же круглый стол ощетинился множеством острых углов. Круглый стол в последнем предложении – это уже метонимия (см. ниже).

В развернутой метафоре одна метафора как бы тянет за собою другую, образуя сложное целое, сложный образ: *И, конечно, под занавес каждого вечера пришпоривают взмыленную аппаратуру диск-жокеи, взвизгивают скрипки, ухают тромбоны, засидевшаяся публика пускается в пляс; И точно, на бугорке под призматром пожилого боровика беспечно паслась стайка молодых подосиновиков – как раз полный картуз; И казалось, что этот великан (башня) шагает им навстречу, металлические гиганты окружают, берут в тиски старый Париж со всеми его дворцами и памятниками, архитектурными шедеврами* (из газет). В данных примерах развернутая метафора построена по принципу переноса признаков одушевленности на неодушевленные предметы. С помощью цепочки ярких метафор создается целый образ, несущий в себе большой заряд выразительности.

Метонимия – это слово или выражение, которое употребляется в переносном значении на основе внешней или внутренней связи между двумя предметами или явлениями. Связь может быть между содержащим и содержимым, автором и его произведением, действием и орудием этого действия, предметом и материалом, из которого сделан предмет, местом и людьми, находящимися в этом месте. *Это был человек, чье имя знал весь цивилизованный мир* (вместо: *люди всего цивилизованного мира*); *Я всегда обращаюсь к залу, когда нужно подтвердить мое мнение* (вместо: *к людям, сидящим в зале*); *Он смотрел на прохожих за окном, на текущий мимо весь Париж* (из газет). Источники метонимического сближения понятий неисчерпаемы, что дает большой простор творческому использованию этого тропа.

Синекдоха – разновидность метонимии, основанная на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними. Обычно в синекдохе употребляется единственное число вместо множественного, множественное вместо единственного, часть вместо целого, родовое название вместо видового и наоборот. Мы помним из

Н.В. Гоголя: *Пуще всего береги копейку*. Синекдоха усиливает экспрессивность речи и придает ей глубокий обобщающий смысл. Например: *В этом году зерно налилось рано*.

Экспрессивная окраска, ассоциативные представления вызываемые образными средствами, активизируют мысль слушателей, помогают легче усвоить содержание.

Эпитет – это слово, определяющее предмет или действие и подчеркивающее в них какое-либо характерное свойство, качество. Например, в предложении *В своей речи он повторил избитые и затасканные доводы* в роли эпитетов выступают прилагательные *избитые* и *затасканные*, дающие определение существительному доводы. Эти эпитеты обладают художественной выразительностью, создают некоторую оценочность и живое представление о предмете. Лексически эпитеты делятся на общеязыковые (*гробовое молчание*), индивидуально-авторские (*холодный ужас*), народно-поэтические (*добрый молодец*). Семантически они могут выражать усиление, то есть указывать на признак, данный в определяемом слове, усиливая его (*зеркальная гладь*), выражать уточнение, указывая на отличительный признак предмета, явления (*мудрые пословицы*), выражать контраст, образуя с определяемыми словами сочетания противоположных по смыслу слов (*мрачный юмор, горькое мороженое*).

Несколько примеров с употреблением эпитетов: *Леденящий страх владел им, он лежал не двигаясь; Его искрометная речь захватила всех; Он плохо владел речью, и разговор был для него каторжной работой; Нам не нужны дешевые истины, которые он проповедует; Я шел в толпе и чувствовал, что она как-то по-особому жива и впечатлительна* (из газет). К слову *цель* могут быть следующие эпитеты: *абсурдная, авантюристическая, глупая, жалкая, благородная, завлекательная, заманчивая, неведомая, привлекательная, туманная, ясная, священная, светлая, чистая, гнусная, темная, бескорыстная, благая, возвышенная, высокая, завидная, святая, честная, грязная, злая, корыстолюбивая, мелкая, низкая, пакостная, пошлая, эгоистическая*.

Труд может быть *бескорыстный, бессмертный, благородный, боевой, бодрый, вдохновенный, великий, веселый, вольный,*

геркулесовский, горячий, громадный, жаркий, животворящий, исполинский, кипучий, легкий, плодотворный, подвижнический, праведный, радостный, светлый, свободный, святой, славный, созидательный, творческий, яростный, адский, бесплодный, гнетущий, горький, каторжный, мартышкин, невыносимый, подневольный, рабский, скорбный, мудрый, смелый, утомительный, черный, самозабвенный, продуктивный.

Сравнение – это сопоставление двух явлений с тем, чтобы пояснить одно из них при помощи другого. Сравнения могут выражаться разными способами: творительным падежом существительного (*яркое пламя столбом стояло над горящим домом*), формой сравнительной степени прилагательного (*он был мрачнее тучи*), оборотами с разными союзами (*его речь сверкала, как алмаз*), лексически – при помощи слов *подобный, похожий* и т.п. Например: *Отсюда, издалека, она (Эйфелева башня), казалась прозрачной, похожей на акварельный рисунок, на фантазию талантливого ребенка; Слева от дороги в камышах пруд, как зеркало...; Странно шушат и шевелятся камыши, словно кто-то трясет их в воде, задевает за них, колеблет; Ведь с тех пор, как его впервые стали чеканить, английский фунт в результате целого ряда девальваций укоротился подобно бальзаковской шагреновой коже.* Хотя сравнение – простейшая форма образной речи, но при умелом использовании оно оказывает эффективное воздействие.

По форме сравнения могут быть прямыми и отрицательными. В приведенных выше примерах сопоставление дается в утвердительной форме. Это прямые сравнения. Примером отрицательного сравнения может служить высказывание: *История – не подшивка актов гражданского состояния: такой-то умер, такой-то родился.* Здесь особая форма образного сравнения: не сопоставление одного предмета с другим, что свойственно прямому сравнению, а противопоставление одного предмета другому.

Гипербола – образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы, значения какого-либо предмета или явления. Литота – выражение, содержащее, в противополож-

ность гиперболе, непомерное преуменьшение размера, силы, значения и т.д. какого-либо предмета или явления. Например: *На улице стояла такая жара, что, казалось, в аду и то холоднее; А над весенним Лондоном звучит пасхальный хорал, от титанической мощи которого плавится медь органов, трескаются купола соборов* (из газет). Чаще всего гипербола и литота включают в себя другие тропы, в частности метафоры, олицетворения, сравнения. В приведенных примерах жара на улице сравнивается с температурой в аду. Эти тропы – эффективное стилистическое средство для усиления изобразительных и выразительных качеств ораторской речи, они заостряют внимание слушателей на какой-либо части высказывания.

Ирония (антифразис) – употребление слова или выражения в смысле обратном буквальному с целью насмешки, тонкая насмешка, прикрытая внешней учтивостью. Например: *А в июне ничего, даже ходит «теплоход» – плоскодонная баржа, неторопливая и поместительная* (из газет). Баржа называется иронически теплоходом, на письме такое использование может подчеркиваться кавычками. Ирония – стилистическое средство создания юмора и сатиры. Если ироническая насмешка становится злой, едкой, язвительной, с предельной резкостью обличающей какие-либо явления, то ее называют сарказмом.

Посмотрите, с каким тонким юмором отвечает А.В. Луначарскому митрополит А.И. Введенский в диспуте 21 сентября 1925 г.: «Я не возвращаюсь к вчерашнему дню – пусть никто не рассердится, – потому что вчера я ведь не получил и достаточного материала для возражения. Анатолию Васильевичу захотелось в шутовском тоне дать мне несколько сравнений – от апостола Петра, ниже которого я оказался, до верблюда, с которым я вполне был адекватизирован. Но, граждане, мне представляется, что такая зоологическая острота так же мало меня задевает, как украшает того, кто ее употребляет (Аплодисменты). Вот почему я считаю, что вчерашнее заключительное слово Анатолия Васильевича – это возражение – употребляя музыкальный термин – в стиле «аллегретто», которое я, пожалуй, и оставлю сегодня без внимания, тем более что сегодняшнее торжественное

«анданте маэстрозо», с которым выступил Анатолий Васильевич, обязывает меня к серьезному же, насколько могу, – я ведь человек пропащий, ношу рясу, – ответу» (Диспут А.В. Луначарского с митрополитом А.И. Введенским, 1990, 299–300).

Аллегория (иносказание) – иносказательное изображение отвлеченного понятия при помощи конкретного жизненного образа. Например, в баснях и сказках носителями свойств людей выступают животные, предметы, явления природы. Аллегория выступает как средство усиления выразительности и ассоциативности речи, поскольку отвлеченная идея легче воспринимается через конкретный, отчетливо представляемый образ.

Олицетворение (прозопопея) – перенесение свойств человека на неодушевленные предметы и отвлеченные понятия. Эти предметы и понятия наделяются даром речи, способностью передвигаться в пространстве, мыслить и чувствовать. Например: *Мощный импульс света движется точно в цель, проводит там свою тонкую и кропотливую работу, лазерный химик-аналитик производит анализ на расстоянии; Теперь представьте себе ядро, в котором активно двигаются протоны и нейтроны, они встречаются друг с другом, расходятся, но вдруг из миллиона различных комбинаций четко получается одна: частицы идут в ногу* (из лекций). Образную основу олицетворения составляют представления, связанные с целостным восприятием предмета, его действий и характеризующиеся наглядностью и конкретностью. Возникают ассоциации с действиями человека. Олицетворение дает простор для индивидуального осмысления образа.

Перифраз (или перифраза) – оборот, состоящий в замене названия предмета или явления описанием их существенных признаков или указанием на их характерные черты. Например: *автор «Войны и мира»* (вместо Л.Н. Толстой), *царь зверей* (вместо лев). *Знамя новых строительных средств и новых архитектурных форм давно известно – это небоскреб; Идет мелкий дождь, из страны тюльпанов плывут тучи; Самой Англии не улыбается роль ни улитки, ни троянского коня, британский лев жаждет оставаться самим собой* (из газет).

В одной и той же единице тропы могут совмещаться, что приводит к большей информативной насыщенности речи: *Я хочу остановиться на этом воистину космическом опыте, который имеет этот завод.* Здесь слово *космический* является эпитетом с метафорическим значением и явно выраженной гиперболой.

Большинство изобразительно-выразительных средств языка, таких как метафора, сравнение, ирония, олицетворение, содержат в себе оценочность, что связано с характером этих средств, а также с контекстом.

Как уже отмечалось, в основе тропов лежат ассоциации, то есть возникающие связи между отдельными представлениями, вызванные словами, при этом одно из этих представлений связано с другим на основе сходства, смежности или контраста. Задача оратора – передать свои ассоциации слушателям, вызвать у них подобные же ассоциации. Иногда даже незначительные намеки могут привести к неожиданным ассоциациям, которые приводят к возникновению у слушателей зрительных, слуховых и других образов. Это происходит потому, что оратор так подбирает слова и организует речь, чтобы основным для понимания ее становились не обобщенные значения слов, а конкретные, вызывающие яркие представления.

Широко пользовался ассоциативной образностью в своих лекциях А.Е. Ферсман. Имя этого ученого связано с геологией, минералогией, наукой о камне, он завоевал всеобщее признание не только как ученый-минералог и геохимик, но и как непревзойденный популяризатор геологических знаний. Его лекции, доклады, беседы захватывали слушателей самых разных возрастов и профессий, а многочисленные научно-популярные статьи и книги всегда вызывали большой интерес. И не случайно А.Е. Ферсмана называли «ученым-романтиком», «поэтом камня». Он подходил к науке не только как ученый, но и как художник. «Я понял, – писал он, – что нет границ между истинной наукой и творческими исканиями художника, что надо попытаться в одних и тех же словах и в тех же образах слить переживания ученого и творческие порывы писателя, что можно и нужно вне

узких рамок сухих научных трактатов открывать перед людьми прекраснейший мир камня» (Ферсман, 1974, 7).

В 1919 г. Ферсман прочитал цикл популярных лекций под общим названием «Самоцветы России», которые позднее легли в основу широко известной научно-популярной книги «Рассказы о самоцветах» (Ферсман, 1974). В его лекциях много интересного и поучительного, много любопытных приемов, способных привлечь внимание слушателей, примеров доходчивого объяснения сложных научных проблем. Секрет огромного успеха научно-популярных выступлений Ферсмана перед различной аудиторией заключается не только в глубоком научном содержании, но и в блестящей форме изложения, в простоте и доходчивости. Он прекрасно понимал, что популярное изложение – дело трудное, так как необходимо соединить научную строгость с увлекательностью. Оно не должно быть похоже на научный трактат, в котором каждый факт, каждое положение обосновывается строго логически, или на художественное произведение, которое смешивает вымысел с историческим фактом и строит яркие картины, верные по существу, но все же созданные фантазией.

В своих лекциях ученый описывает минералы нашей страны, их распространение, дает историю их открытия и разработки, периодизацию и характеристику развития горного дела, историю поисков минералов, рассказывает о камне в культуре античности, средних веков и нового времени, в современной культуре и в культуре будущего, проходит по залам минералогических музеев, делает экскурсии в историю науки о камне, вспоминает свои поездки.

Энциклопедические знания Ферсмана позволяют ему использовать в своих лекциях огромный фактический материал. Рассказывая, например, об изумруде, он передает древние сказания Индии, сухие деловые тексты Плиния, содержание грузинских сборников X века, армянских рукописей XVI и XVII веков, наконец, восточные взгляды на изумруд, преломленные в художественном творчестве Куприна. Ученый цитирует высказывания о камнях Теофраста, Плиния, Геродота, Марко Поло, приводит также статистические данные ценности добытого сы-

рого материала в разных странах, ссылается на архивные документы: указы, донесения, справки, докладные записки.

Одна из особенностей его лекций – использование в них системы тропов, которые семантически объединяют речь, делают ее семантически однородной. Чтобы охарактеризовать камень, то есть дать слушателям представление о предмете речи, вызвать у них необходимые ассоциации, Ферсман подчеркивает различные оттенки его цвета. Именно так он говорит, например, о красных камнях: «Встречаются густо-черные турмалины, бурые, желтые, зеленые, синие, розовые, красные, малиновые и даже совершенно бесцветные. Но более всего ценился всегда малиново-красный или вишнево-красный турмалин /.../ Вот красные агаты, которые накапливаются в огромных количествах по берегам восточно-сибирских рек. Вот желто-красные янтари, которые под именем «морского ладана» собирают жители побережий Ледовитого океана. Вот, наконец, пока еще недооцененный камень Кольской земли – эвдиалит, или застывшая «саамская кровь», как называют его старые саамские (лопарские) легенды. Разнообразие его оттенков, от буро-красных до вишнево-фиолетовых, его мягкий, но глубокий тон, его красивое сочетание с зеленым эгерином – все это заставляет нас видеть в нем будущий оградочный камень нашего Севера» (Ферсман, 1974, 67–70–71). Какая богатая цветовая гамма, как точно передаются оттенки камня! Здесь и обычные цветовые определения логического типа (*турмалины бурые, желтые, зеленые, синие, красные*) и метафорические эпитеты (*малиново-красный или вишнево-красный турмалин*), которые поддерживаются в тексте метафорическими описательными оборотами: *морской ладан, саамская кровь*. И что самое, пожалуй, интересное – Ферсман дает в своем изложении представление об оттенках цвета, причем возникает очень четкое, ясное представление – эти оттенки у нас перед глазами: от буро-красных до вишнево-фиолетовых у эвдиалита. Малахит же – «камень яркий, сочный, жизнерадостный и вместе с тем шелковисто-нежной зелени. Окраска русского малахита очень богата оттенками от светло-зеленого, почти голубого, до темного, густо-зеленого тона с характерным

черноватым отливом (так называемый «плисовый» малахит)» (Ферсман, 1974, 82).

Некоторые фрагменты лекций поднимаются до высокохудожественного описания, которое позволяет нагляднее выразить мысль, физически ощутить ее. Художественность описания придает речи экспрессивность и картинность, красочность и конкретность. «Эти же прекрасные фантастические картины мы видели на яшме самого знаменитого русского месторождения в окрестностях Орска: вот бушующее море, покрытое серовато-зеленою пеною, на горизонте сквозь черные тучи пробивается огненная полоска заходящего солнца – надо только врезать в это бурное небо трепещущую чайку, чтобы достигнуть полной иллюзии бури на море; вот какой-то хаос красных тонов, что-то бешено мчится среди пожара или огня, и черная сказочная фигура резкими контурами выделяется на фоне кошмарного хаоса; вот мирный осенний ландшафт: голые деревья, чистый первый снег, кое-где еще остатки зеленой травки; вот лепестки и цветы яблони, они упали на поверхность воды и тихо качаются на волнах заснувшего пруда. Таких картин не перечесть» (Ферсман, 1974, с. 155). Этот художественный фрагмент зрительно передает узоры на камне.

В начале своего описания цветных камней Ферсман говорит о множестве поэтических произведений, посвященных им. Нет ни одной области искусства, литературы или прикладной технологии, где бы сверкающий окрашенный камень не занимал своего места. Самоцветы вдохновляют художников, ваятелей, поэтов. Среди изменчивых и умирающих форм живой природы вечным и незыблемым останется самоцвет и цветной камень. Эти камни могут дать искусству очень многое. После этих мыслей Ферсман переходит к характеристике самоцветов. «Вот лазурит – то ярко-синий, как южное небо при блеске полуденного солнца, то бледно-голубой, как небо полярных стран, то одноцветный камень глубокого и спокойного синего тона, то испещренный красивым узором золотистых вкраплений кристаллов пирита, напоминающих звезды на небесном своде» (Ферсман, 1974, 55). В этом чудесном отрывке блестя-

ще изображен лазурит, описание вызывает четкие ассоциации, основанные на цвете. Качественные цветочные прилагательные (*ярко-синий, бледно-голубой*) усиливаются сравнениями (*как южное небо...; как небо полярных стран; напоминающих звезды на небесном своде*) и эпитетами качественного характера (*глубокого и спокойного синего тона, золотистых вкраплений...*). Такого же принципа Ферсман придерживается в дальнейшем описании камней: эпитеты и сравнения дают четкое представление о предмете описания.

Изумруд сравнивается со сверкающей, яркой, ослепительной зеленью. Нефрит, названный «бархатным», сравнивается по цвету со всеми тонами листвы – от нежно-зеленоватого до темного цвета. Вот как описывается все богатство оттенков красного цвета: «А вот и красные камни: темно-красный или алый, как кровь, рубин, розово-красный турмалин, темные вишнево-красные гранаты /.../» (Ферсман, 1974, 56). Здесь мы видим и сравнение (*как кровь*), и метафорический эпитет (*вишнево-красный*). Именно они поддерживают, конкретизируют, углубляют цветовые ассоциации, вызываемые прямыми значениями цветовых определений (*темно-красный, алый, розово-красный*). Теми же приемами пользуется Ферсман при описании прекрасного малахита, пестрых узорчатых яшм. И заканчивает ученый это словами: «Как разнообразна палитра самоцветного камня! Все цвета радуги, все краски солнечного спектра сменяют здесь друг друга» (Ферсман, 1974, 56). Приведенная картина достойна великого художника, который с большим тактом и вкусом, с огромной точностью и в то же время с максимальной образностью раскрыл нам красоту камня, сумел показать, благодаря ассоциациям, осязаемо, зримо волшебные узоры, сказочное разнообразие рисунка и цвета. И слушатели увидели эти камни, представили их себе. Такая наглядность удается не каждому лектору.

Разберем фрагмент из речи Н. Бухарина на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном 100-летию со дня смерти Гёте: «Фигура Гёте стоит в веках, как монументальный памятник исполинских размеров /.../ В истории челове-

ства, мучительной и кровавой, в истории вечного напряжения, творческих усилий и классовой борьбы, немного таких колоссальных гениев, которые, отражая какую-либо крутую историческую эпоху, нетленны, живы, современны, «вечны». Они стоят на великих исторических магистралях, как действенные символы сложных общественных комплексов, как живые вехи, как знаменосцы, как ослепительные прожекторы, освещающие дальнейший путь. Германия, которая на историческом перевале конца XVIII в. и в начале XIX в., едва выкарабкиваясь под пинками истории из захолустного и провинциального европейского болота, стала плацдармом международных переворотов и глубоких внутренних потрясений, дала почти одновременно трех замечательных идеологических вождей, настоящих титанов человеческого творчества. Это – Бетховен, Гёте, Гегель» (Бухарин, 1932, 143). Ассоциативный ряд, благодаря которому выражается единая идея, формируется несколькими стилистическими приемами: гиперболическим сравнением (*как монументальный памятник исполинских размеров*), метафорическими эпитетами (*в истории человечества, мучительной и кровавой*), эпитетами (*колоссальных гениев, крутую историческую эпоху*), метафорой (*стоят на великих исторических магистралях*), сравнением (*как действенные символы, как живые вехи, как знаменосцы* и т.д.), развернутой метафорой (*Германия... на историческом перевале* и т.д.). Основная идея, таким образом, – Гете, как Бетховен и Гегель, относится к титанам человеческого творчества, он творил в великую историческую эпоху. И не случайно в начале фрагмента Гёте сравнивается с монументальным памятником, а в конце – с титанами. Вся образная система подчинена этой идее.

Еще пример из доклада Н. Бухарина «Основы планирования научно-исследовательской работы» на Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы: «Говорят прежде всего, что научно-исследовательский труд есть труд *глубоко личный и поэтому не может стать объектом планирования*. «Творящая личность» не терпит жестких и колючих уз плана; она будет задыхаться в его душных измере-

ниях. Плановое начало будет стеснять работу, не достигая ровно никаких результатов, кроме отрицательных. Сама постановка задачи так же нелепа, как постановка вопроса о планировании творческих переживаний гения и т.д. Вся *эта* аргументация опрокинута *фактами*. Она исходит из старинных представлений об ученом исследователе, в мрачной изоляции своего кабинета тихо ведущем свою научную работу. Но этот тип ученого уже исчез даже в передовых капиталистических странах. Только наша полуазиатская отсталость может служить базой для защиты кустарничества в этой области. Индивидуальный, изолированный оракул-прорицатель уже скончался /.../ Эдиссоны и Штейнмецы – ничто без своих лабораторий, без огромной *организации* работ, без их упорядочения» (Бухарин, 1932, 67). Этот отрывок речи также насыщен изобразительно-выразительными средствами. Здесь и перифраз – оборот, состоящий в замене названия предмета указанием на его существенные признаки (*творящая личность, оракул-прорицатель*), многочисленные эпитеты (*жесткие и колючие узы плана, мрачная изоляция, полуазиатская отсталость*), множество метафор (*узы плана, задыхаться в его душных измерениях*), сравнение (*постановка задачи так же нелепа, как постановка вопроса о планировании творческих переживаний гения*), синекдоха (Эдиссоны, Штейнмецы). Эти изобразительно-выразительные средства составляют систему, которая вызывает сложные ассоциации у слушателей.

Часто использовал образную ассоциативность в выступлениях А.В. Луначарский. Интересно в этом отношении вступительное слово, произнесенное им в феврале 1922 года в Москве в Доме Союзов на вечере, посвященном 85-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина. В начале речи Луначарский определяет ее направление, ее основную идею, ее главное содержание: «Мысль ежегодно праздновать пушкинский день – хорошая мысль, ибо значение Пушкина для русской литературы и русского народа неисчерпаемо. Конечно, ни на одну минуту нельзя сомневаться в огромности гениального дарования Пушкина, но дело не только в этой огромности дарования. «Не родись богат, – говорит русская пословица, – а родись счастлив». Ее мож-

но перефразировать так: родись гениальным, но в особенности родись вовремя» (Луначарский, т. 1, 1963, 33). И далее оратор переходит к характеристике эпохи: «Да разве эпоха Пушкина была эпохой великой? Да разве она была эпохой счастливой? Трудно представить себе эпоху более тусклую, и Пушкин метался в ней, страдал, рвался за границу, погиб полусамобийством, запутанный в сетях самодержавия, бездушного света, отвратительных литературных нравов и т.д. и т. п.

Все верно. То было ранней весной, такую ранней, когда все было покрыто туманом, талым снегом, когда в воздухе с необыкновенной силой множились и роились болезнетворные микробы, – ветреной, серой, грязноватой весной. Но те, которые пришли раньше Пушкина, не видели весеннего солнца, не слышали журчанья ручьев, не оттаяли их сердца. Косны были их губы и бормотали в морозном воздухе неясные речи. А те, кто пришел после Пушкина, оказались в положении продолжателей, ибо самые-то главные слова Пушкин сказал» (с. 33–34).

В этой части выступления А.В. Луначарский пользуется изобразительно-выразительным средством – симфорой (греч. соотношение, совмещение). Симфора, как считают, является высшей формой развернутого метафорического выражения, в котором отсутствует посредствующее звено сравнения и даны лишь общие, характерные для предмета или явления признаки, что приводит к чисто художественному представлению, совпадающему с понятием о явлении или предмете. В этом образном представлении как бы снята метафоричность и вместо конкретных признаков сходства дается общее подобие, общая картина, которая может стоять на грани самостоятельного художественного изображения. Оратор ассоциирует эпоху допушкинской и пушкинской поры со временем самого начала весны, когда лежит еще серый, мокрый снег, кругом мрачно, грязно: тяжелое время. И эта серая эпоха уже видела предшественников гениального поэта, но они не в силах были сказать что-то новое: настолько эпоха подавляла их. Лишь Пушкин смог сказать новое и главное, лишь гений пробил плотный туман. И благодаря ему другие пошли по проторенной дороге. Слова Луначарского как

нельзя более точно и полно рисуют мрачную эпоху, в которой жил и творил поэт. Эти образные ассоциации, основанные на сходстве, формируют у слушателей предметный образ эпохи.

Луначарский делает довольно значительное отступление, в котором определяет понятие классического века для каждой национальной литературы и эпигонства. Это так называемые «общие места», то есть часть речи, в которой рассматриваются какие-либо общие вопросы, на первый взгляд лишь косвенно связанные с основной частью, а на самом же деле развивающие одну или несколько побочных мыслей, высказанных в данной речи.

Затем он вновь обращается к образу поэта: «Пока оставим в стороне этот вопрос и вернемся к Пушкину. Пушкин был русской весной, Пушкин был русским утром, Пушкин был русским Адамом. Что сделали в Италии Данте и Петрарка, во Франции – великаны XVII века, в Германии – Лессинг, Шиллер и Гёте, – то сделал для нас Пушкин» (с. 35). Не случайно оратор сравнивает поэта с весной, утром, Адамом и великими писателями: Пушкин был родоначальником, основателем новой русской литературы и по силе своего творческого дарования, по месту в историческом процессе развития русской и мировой культуры находился впереди многих. И здесь уже ассоциации оценочные, личностные. Благодаря знанию перечисленных писателей мы можем оценить величие Пушкина. Конечно, подобные ассоциации возможны лишь в том случае, если слушатели знакомы с зарубежной литературой, значит, при использовании изобразительно-выразительных средств, вызывающих ассоциации, необходимо учитывать уровень подготовки и развития аудитории.

Далее оратор возвращается к мысли, которая была высказана ранее – об эпохе и месте поэта в ней, – углубляя, развивая эту мысль, вводя для этого новые ассоциации: «Он много страдал, потому что был первым, хотя ведь и те, которые пришли за ним, русские «сочинители», по признаниям их, от Гоголя до Короленко, немало скорби вынесли на плечах своих. Он много страдал, потому что его чудесный, пламенный, благоуханный гений расцвел в суровой, почти зимней, почти ночной еще Рос-

сии, но зато имел «фору» перед всеми другими русскими писателями. Он первый пришел и по праву первого захвата овладел самыми великими сокровищами всей литературной позиции» (с. 35). Ассоциации усиливаются: во-первых, *суровая, почти зимняя, почти ночная Россия*, во-вторых, *пламенный, благоуханный гений*. Эти две ассоциации сопоставляются в речи. И возникает новый мотив – мотив страдания, великой скорби. Благодаря тройной ассоциации – *суровая Россия, чудесный гений, страдание* – возникает единая картина эпохи, отношения к ней и места в ней замечательного поэта.

Далее Луначарский говорит о Пушкине и русской культуре: «И овладел рукою властной, умелой и нежной; с такой полнотой, певучестью и грацией выразил основное в русской природе, в общечеловеческих чувствах, во всех почти областях внутренней жизни, что преисполняет благодарностью сердце каждого, кто впервые, учась великому и могучему русскому языку, впервые приникая к родникам священного истинного искусства, пьет из Пушкина» (с. 35). В этой части речи вводится мотив грации, певучести, благодаря которым поэт может выразить основную идею во всей ее полноте. Возникает образ родника, из которого пьют все, кто проникся священным, истинным искусством.

Ассоциации ширятся, развиваются, углубляются по намеченным двум линиям: с одной стороны, нечто светлое, радостное, а с другой – ассоциации, связанные с реальными лицами, которые определили культурное развитие в Европе.

Дается общая оценка творчества поэта: «А между тем если сразу, не вдумываясь в детали, кинуть взгляд на творчество Пушкина, то первое, что поразит, это вольность, ясный свет, какая-то танцующая грация, молодость, молодость без конца, молодость, граничащая с легкомыслием. Звучат Моцартовы менуэты, носится по полотну и вызывает гармоничные образы Рафаэлева кисть» (с. 36). Здесь ассоциативные связи возникают от общих образов, выраженных абстрактными понятиями, которые уточняются определениями, выражающими личностные оценки. Эти ассоциации выступают в системе, поддерживая и дополняя друг друга. Только системная ассоциативность

может вызвать полную и четкую картину в сознании слушателей. Если же ассоциации исключают друг друга и борются за то, чтобы быть ведущими в данном высказывании, возникает так называемая ассоциативная интерференция, то есть ослабление общей образности за счет возникающих помех. С какой силой в этом фрагменте показывает Луначарский ясный талант Пушкина! Легкость, грация – это менуэты Моцарта, а гармония, успокаивающая и радующая глаз, – это полотна Рафаэля.

Когда мы читаем «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Борис Годунов», «Медный всадник», мы восторгаемся глубиной характеров, всеохватностью проблем этих произведений. И Луначарский ассоциирует это с бездной и вершинами: «Все это какой-то широкий океан, какие-то жуткие провалы и виды на такие вершины, куда только-только хватило бы донестись крыльям Дантов и Шекспиров» (с. 36).

Луначарский усиливает ассоциативный момент, рисуя гениальность Пушкина: «Все это создано как бы невзначай, как будто бы великая рука, пробегающая по клавиатуре только что открытого инструмента, знакомясь и знакомя других со всеми волшебными сочетаниями звуков на нем, от времени до времени извлекает несколько аккордов, вернее, диссонансов, потрясающих слушателей» (с. 36). Мы видим, как происходит развитие ассоциаций. И не случайно Луначарский прибегает к ним. Ведь они лежат в основе памяти, большое место занимают в нашем мышлении. Они помогают нам запомнить мысль, ярче представить то, о чем говорят.

Заканчивается речь фрагментом, который возвращает нас к ее началу: Луначарский снова говорит о весне: «Новая весна приходит в грозах, в бурях, и надо отдать искусству ту дань внимания, какая возможна была для лучших людей России в первую, пушкинскую весну. Но между пролетарской весной, какой она будет, когда земля начнет одеваться цветами, и весной пушкинской гораздо больше общего, как я уже говорил однажды, чем между этой приближающейся весной и тем разноцветным будто бы золотом, на самом деле сухими листьями, которыми усеяна была почва до наступления нынешних громовых дней»

(с. 37). Здесь уже расширяется понятие весны: это новая весна, весна наших дней. Она имеет другие признаки, проходит в бурях. Оратор связывает новую весну с весной пушкинской, считая, что у них много общего.

В речи на торжественном заседании в январе 1920 г. в связи с 50-летием со дня смерти Герцена Луначарский также широко пользовался ассоциациями различного типа: «Герцен – это целая стихия, его нужно брать всего целиком, с его достоинствами и недостатками, с его пророчествами и ошибками, с его временным и вечным, но не для того, чтобы так целиком возлюбить и воспринять, а для того, чтобы купать свой собственный ум и свое собственное сердце в многоцветных волнах этого кипучего и свежего потока /.../ Вы все время будете волноваться за чтением Герцена, и вы всегда после этого чтения выйдете освеженными и более сильными. Согласно свидетельству греческих легенд, даже боги перед всевластным временем чуяли себя иногда ослабленными, тогда они бросались в пенный, жизненно-мощный поток Ихор.

Вот таким целебным потоком, играющим на солнце, всегда представляются мне сочинения Герцена» (с. 143).

Основная мысль отрывка: Герцен – это целая стихия, которая освежает и наполняет новыми идеями читателя. И чтобы дать представление об этой стихии, автор перечисляет достоинства и недостатки воззрений Герцена, отмечает реакцию во время чтения. Создается представление о сильном стихийном потоке, которое углубляется и конкретизируется благодаря пересказу греческой легенды. Завершают эти сложные ассоциации слова о целебном потоке, играющем на солнце. Все ассоциации помогают сформировать облик Герцена и понять его воздействие на умы читателей. И здесь мы можем отметить определенную направленность ассоциаций, их однотипность, благодаря которой формируются четкие образы.

«Как прежде с нашего тусклого северо-востока обращал он тоскливые взоры на Запад, откуда ждал ослепительных молний, оживления мира, так теперь постепенно западник Герцен, живущий на Западе, все с большей тоской смотрит в туманы

покинутой им России. Постепенно эта надежда на Россию, эта вера в нетронутость ее сил превращается в целую своеобразную систему какого-то анархо-социалистического патриотизма, сближающего Герцена с Михаилом Бакуниным» (с. 145–146). Эта развернутая метафора вызывает ассоциации по смежности, основанные на пространственных отношениях: Герцен, находясь в России, надеялся на воздействие прогрессивных идей Запада, но переехав туда жить, разуверился в возможности такого воздействия и уже на Россию смотрел с надеждой. Конечно, этот отрывок формирует понимание положения на Западе и в России на основе довольно сложных ассоциаций, которые могут возникать лишь при наличии у слушателей определенного социально-исторического фона, делающего это изложение доступным.

О Гоголе Луначарский сказал так: «Русь вперила в него глаза. Она чего-то ждет от него¹. Гоголь своим изумительным пером расшевелил много умов и сердец, потряс нового нарождающегося читателя. Читатель хохотал вместе с ним и вместе с ним понял всеистребляющее /.../ значение этого смеха, но он чувствовал, что смеха здесь недостаточно, что темная сила слишком могуча, он жаждал от Гоголя указаний, путей» (с. 116). Здесь ассоциации основаны на аллюзии (от лат. – намек, шутка) – стилистической фигуре, которая часто используется в ораторской речи: намек на историческое событие, на художественное произведение, на слова писателя, политического деятеля и т.п. В данном случае Луначарский намекает на известное обращение Гоголя к Руси. И всем дальнейшим изложением оратор как бы отвечает на вопрос писателя: «Зачем все /.../ обратило на меня полные ожидания очи?»

Посмотрите, какие богатейшие ассоциации рождает фрагмент слова, сказанного митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем за литургией в Воскресенской церкви на Арбате г. Москвы (1944): «О чем же говорит нам осень? Осень в

¹ Ср. у Гоголя: «Русь! чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?...» («Мертвые души», т. 1, гл. XI).

природе – это время созревания плодов, время сбора урожая, время подсчета запасов на зиму до будущей весны /.../ Жизнь каждого из нас, православных христиан, к ее осени должна быть подобна дереву, покрытому обильными плодами, которые завязываются весной, наливаются и зреют летом, а осенью готовы к сбору урожая. Каждый из нас должен вырастить в своей душе духовный плод молитвенного горения, чтобы молитва стала для него сладкой, радостной потребностью души, как воздух – для легких, пища – для тела. Каждый должен стать богатым плодами любви к Богу и ближнему, украсить и обогатить себя делами милосердия, сострадания, неосуждения, прощения обид и безгневия. В каждом из нас должны созреть то смирение и кротость духа, при которых христианин не знает зависти и превозношения, гордости и злобы, смирение, в котором мы подражаем Тому, Кто завещал: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 29). (Митрополит Николай, 1947, с. 11–12). Слова и речи митрополита Крутицкого и Коломенского Николая вызывают светлые, умиротворяющие ассоциации и по стилистике своей очень интересны.

Ассоциации основываются на различного типа переносных значениях слова и переносном смысле целого контекста (развернутая система тропов). «Границы ассоциативных связей, на которых зиждется перенос значения (независимо от основания переноса), их понимание и точность авторской смыслопередачи, целиком зависят от структуры контекста, с одной стороны, как сдерживающего начала при формировании той или иной ассоциации – близкой и далекой, а с другой стороны, как механизма разрешающего в определенных пределах набор сходного слова для создания образности значения» (Колшанский, 1980, 106–107). В образовании ассоциативных связей главная роль принадлежит оратору, ибо только он может определить степень ассоциативности своего выступления.

Мы обратили внимание лишь на некоторые приемы повышения эффективности речи. Они многообразны, и к ним относятся прежде всего те единицы языка, которые повышают восприятие выступления и воздействуют на эмоционально-волевую сферу слушателей, определяя и регулируя их поведение.

4. ФИГУРЫ РЕЧИ

Риторические фигуры (фигуры речи) – стилистические обороты, особые синтаксические построения, служащие для усиления образно-выразительной стороны высказывания и его семантико-синтаксической организации.

Наиболее распространенные фигуры – различного типа речевые повторы. Они могут обозначать длительность или интенсивность действия, большое количество или массу предметов, они могут подчеркивать или уточнять признаки, усиливать эмоциональность речи, создавать каламбуры. Но главное – углублять смысловую сторону речи, выделять ту или иную идею, основное понятие, служить опорными элементами в развитии мысли.

Приведем несколько примеров. «Товарищи! Вопрос большой. Вчера мы его внимательно обсуждали на собрании представителей, очень внимательно». В этом примере повторяется слово *внимательно* с усилением *очень*. Повтор связан со стремлением говорящего выделить качественную сторону обсуждения. «Мне представляется, что мы все оказались в этом зале только потому, что были новые выборы, выборы с альтернативными кандидатами, выборы с программами и так далее». Повтор слова *выборы* связан со стремлением оратора обратить на процесс, который обозначает это слово, особое внимание слушателей и со стремлением специально выделить определения к этому слову. Сравните нейтральное звучание этой фразы без повтора: «Мне представляется, что мы все оказались в этом зале только потому, что были новые выборы с альтернативными кандидатами, с программами и так далее». В следующем примере повтор выступает в качестве усиления при уточнении основного, опорного слова: «Принцип альтернативности надо распространить на все выборы. Если этот принцип, принцип альтернативности, принять, тогда все становится на место». В следующем фрагменте повторяется словосочетание *повестка дня*. И оно также является ключевым словом, вокруг которого аккумулируется основной смысл данного высказывания: «Про-

стите, если я немного волнуюсь, но мне кажется, что когда мы собираемся сегодня утвердить повестку дня, конечно, должна быть мотивировка повестки дня. Но должна быть и совершенно ответственная постановка вопроса. Та повестка дня, которая предложена здесь, она вчера была одобрена большинством делегаций».

Анафора, или единоначатие, – это повторение отдельных слов или оборотов в начале предложений или отрывков, из которых состоит высказывание. Например: «В США были десятки встреч и дискуссий, но нам *было легко*. Легко потому, что уже были встречи в Женеве и Рейкьявике, Вашингтоне и Москве. *Было легко*, потому что уже вовсю шел вывод советских войск из Афганистана. *Было легко*, потому что уже практически началось сокращение ядерных вооружений». В этом фрагменте речи повторяются ключевые слова в начале предложений. Их повторение композиционно обусловлено, они выделяют отдельные мысли и скрепляют их.

Эпифора, или единоокончание, – это повторение отдельных слов или оборотов в конце предложений или отрывков, из которых состоит высказывание. Например, этот фрагмент мы можем переделать, перенеся слова *было легко* в конец предложений, следующим образом: «В США были десятки встреч и дискуссий, но нам *было легко*. Уже были встречи в Женеве и Рейкьявике, Вашингтоне и Москве, поэтому *было легко*. Уже вовсю шел вывод советских войск из Афганистана, поэтому *было легко*. Уже практически началось сокращение ядерных вооружений, поэтому *было легко*». Неожиданно при трансформации этого фрагмента возникла другая фигура – симплока. Симплока (греч. сплетение) – использование в одних и тех же синтаксических единицах (предложениях или отрывках) анафоры и эпифоры. В начале предложений повторяется слово *уже*, а в конце – *было легко*.

Лексические повторы могут быть контактными, то есть компонент предложения может повторяться в одной фразе или в стоящих рядом двух фразах. При этом повторяться может любое слово, занимающее любую синтаксическую позицию.

Лексические повторы могут быть дистантными, то есть слово или словосочетание повторяется на протяжении большого речевого отрезка. Повтор может выполнять роль лейтмотива, то есть основного, ведущего мотива речи, главной идеи, являясь ключевым для раскрытия содержания этого речевого фрагмента. В процессе повторения лейтмотив может варьироваться и обрастать ассоциациями, приобретая особую содержательную углубленность. Так, в речи, посвященной проблемам мира, И.Г. Эренбург сказал: «Холодная война» разоряет трудящихся, от нее холодно в доме бедняка. «Холодная война» мешает народам строить школы, больницы, жилые дома. «Холодная война» создает неуверенность в завтрашнем дне, она бросает черную тень на колыбели, она отравляет лучшую пору человека – молодость. «Холодная война» помогает поработить народы, ограничить их суверенитет, превратить их поля в чужеземные аэродромы. «Холодная война» препятствует и нормальной торговле между государствами и культурному обмену, она подобна закупорке сосудов, смертельной для организма. Вот почему народы с такой радостью восприняли заявления Советского государства о необходимости прийти к взаимному пониманию и к мирному разрешению спорных вопросов» (Эренбург, 1953, 210). В приведенном фрагменте речи Эренбурга словосочетание *холодная война* является анафорическим лейтмотивом данного фрагмента. С каждым повторением оно наполняется новым смыслом, приобретая все большую ассоциативность. Последняя фраза фрагмента звучит как вывод.

Сущность речевых лейтмотивов состоит в том, что повторение слова, словосочетания или образа в том же виде или в частично обновленном создает прочную основу восприятия, способствует наиболее полному и углубленному объяснению мысли. Как отмечается в словарях, лейтмотив – это структурный фактор: образный оборот, какие-либо слова, повторяющиеся на протяжении произведения как момент постоянной характеристики, акцентирования мысли, которые обрастают ассоциациями и приобретают особую идейную, психологическую и символическую глубину. Следовательно, лейтмотив – это конкретный

образ, проходящий через ораторскую речь, многократно упоминаемая деталь, повторяемое слово или словосочетание, служащие ключевым для восприятия речи.

Еще пример из речи Эренбурга: «Так не может продолжаться» – эти слова теперь понятны всем. Может быть, за последний год опасность войны не возросла, но она и не ослабла. Когда врач говорит о человеке, изнуренном длительной болезнью, что в его состоянии не наблюдается перемен, это вызывает тревогу. Страшна не только война, о которой помышляет кучка преступников, страшны лихорадка ожидания, взаимное недоверие, ложь, ненависть, глухие стены, отделяющие один народ от другого, бряцание оружием, одичание подрастающих поколений, смертоносные изобретения и растущая беззащитность человека. «Так не может продолжаться», – говорит корейка, пряча в щель ребенка, и ей как бы отвечает американка, сын которой послан в Корею: «Так не может продолжаться». Китаец, который трудится над крохотным полем гаоляна, говорит: «Так не может продолжаться», и его слова повторяет пастух среди необразимых пампасов Аргентины. Мир не может без мира» (Эренбург, 1953, 172–173). В этом фрагменте лейтмотивом служит прямая речь («*Так не может продолжаться*»), в конце дается вывод – обобщение: *мир не может жить без мира*.

К средствам экспрессивного синтаксиса относится так называемая парцелляция, понимаемая как членение предложения, при котором содержание высказывания передается не одной, а двумя или несколькими интонационно-смысловыми речевыми единицами, следующими одна за другой после разделительной паузы (после точки, вопросительного или восклицательного знака). Мы говорим: *На нашем заводе экономисты разные и по образованию, и по опыту, и по характеру*. Но мы можем сказать и так: *На нашем заводе экономисты разные. И по образованию. И по опыту. И по характеру*. Во втором случае пауза уже другая, чем в первом. При парцелированных конструкциях появляется специфическая интонация, то есть такое ритмомелодическое оформление высказывания, которое способствует не только смысловой, но и экспрессивной актуализации отдельных слов.

Нередко повторы проявляются в парцелированных конструкциях. Парцелированные конструкции усиливают повтор, выделяют его. Повторяющийся член предложения, входящий в высказывание как отдельная фраза, выступает обычно в функции актуализатора. Например: «Четвертый день мы работаем, еще, можно сказать, ничего не решили. Только утвердили регламент да повестку дня. Только перешли на второй вопрос. И этот вопрос, если так будем продолжать, займет у нас еще день. Так что, товарищи, прошу внимания». Этот фрагмент речи цементируется анафорической парцелляцией, которая усиливается параллелизмом. Параллелизм – это одинаковое синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи. И еще в этом фрагменте наблюдается так называемый анадипсосис (стык) – единичный повтор в конце предыдущей и в начале последующей фразы (*вопрос – вопрос*). «Уважаемые делегаты! Я хочу остановиться на таком вопросе. У нас в стране, как говорят, чего много, так это контролеров. И государственных контролеров. И народных контролеров. И рабочих контролеров. Если перечислять, то, наверное, и пальцев не хватит». В данном примере повторяется слово *контролеры* в конце парцелированных предложений, имеющее уточняющие определения. Этот повтор можно квалифицировать как эпифорический повтор парцелированного типа. Парцелированные повторы разнообразны. Мы привели лишь некоторые примеры.

Эффективной стилистической фигурой речи является умолчание. Умолчание (обрыв) заключается в том, что оратор сознательно не до конца выражает свою мысль, прерывая ее, предоставляя слушателю самому догадываться о невысказанном. В таком случае смысл высказывания полностью восстанавливается из контекста выступления, он связан с темой, с общей ситуацией.

Многосоюзиe (или полисіндетон) – стилистическая фигура, состоящая в намеренном использовании повторяющихся союзов для логического и интонационного подчеркивания, соединяемых союзами членов предложения, для усиления выразительности речи.

Бессоюзие (или асіндетон) – стилистическая фигура, состоящая в намеренном пропуске соединительных союзов между членами предложения или между предложениями, что придает высказыванию стремительность, быстроту смены ассоциаций.

Антитеза – это оборот, в котором для усиления выразительности речи резко противопоставляются противоположные понятия. Например, в речи «Больше внимания повседневным нуждам рабочего, его семьи, детей» С.М. Кирова: «Посмотрите на наши промышленные гиганты, созданные в последние годы. Они отличаются своей прочностью, фундаментальностью. Видно, что мы строили их, исходя не только из интересов сегодняшнего дня, но и учитывая перспективу, строили не на годы, а на десятилетия. А если вы войдете в рабочий дом, у вас может создаться впечатление, что он построен временно, – сегодня в него введут, а послезавтра – выедут» (Киров, 1957, 701).

Риторический вопрос – это стилистическая фигура, состоящая в том, что вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а чтобы привлечь внимание слушателей к тому или иному явлению. Этот синтаксический оборот служит для усиления образно-выразительной функции речи. Приведем пример из выступления В.В. Куйбышева: «Какой из этих областей мы скажем: стой, не двигайся дальше в области прогресса, не развивай дальше науки, не применяй больше изобретений, не двигайся дальше вперед!! Разве это может быть в области лесоразработок? Может быть в области химических удобрений для советских полей? Может быть в области транспорта или в области добычи угля? Нет, во всех областях нашего народного хозяйства – неисчерпаемое поле для деятельности науки и труда» (Куйбышев, 1958, 397). Этот простой фрагмент речи усилен риторическим восклицанием, то есть таким построением речи, при котором в форме отрицания утверждается то или иное понятие. Здесь же и несколько риторических вопросов: утверждение высказывается в форме вопроса, который усиливает эмоциональность высказывания, его выразительность, привлекает внимание слушателей.

К этим приемам усиления действительности, выразительности речи относится и риторическое обращение – стилистическая фигура, состоящая в подчеркнутом обращении к кому-нибудь или чему-нибудь для усиления выразительности речи.

Рассмотрим еще несколько фигур речи. Предупреждение – стилистическая фигура, которая состоит в том, что оратор, прогнозируя возражения слушателей или какого-либо оппонента, упреждая (опережая) их, сам себе возражает, конечно, от лица слушателей и опровергает эти возражения уже от своего лица. Возникает смысловая полярность, смысловая антитеза. Например, Цицерон за Квинтия: «Ты скажешь, что не было ни времени, ни возможности призвать его к суду: но он жил с тобою больше года. Скажешь, что в Галиции нельзя было судить его: но в сей провинции суд производился» (Н. Кошанский). Вопрос-ответный ход – стилистическая фигура, близкая к предыдущей, состоит в том, что сам оратор задает себе вопрос и отвечает на него, тем самым возбуждая внимание, любопытство аудитории. Являясь ядром диалога, вопрос придает речи строгое смысловое направление. Уступка – стилистическая фигура, которая состоит в том, что оратор соглашается на противоположное суждение, но для того, чтобы потом опровергнуть это суждение и подтвердить свое мнение. Разделение – стилистическая фигура, состоящая в том, что в речи происходит разделение понятия на составные элементы: частей вместо целого, видов вместо рода. Перемещение, или хиазм, – стилистическая фигура, состоящая в перестановке слов в предложении, заключающаяся в том, что в двух соседних предложениях (или словосочетаниях), построенных на синтаксическом параллелизме, второе предложение (или сочетание слов) строится в обратной последовательности его частей. Короче говоря, такая трансформированная синтаксическая фигура, в которой даны как исходная структура, так и трансформированная. Например: *Не для того живем, чтобы есть, а для того едим, чтобы жить; Король танцев, танец королей*. Хиазм может быть разного типа: простой, сложный, осложненный, с заменой и распространением элементов.

Проанализируем использование этих фигур Эренбургом в речи на Варшавском конгрессе (Эренбург, 1953, 119–120). На-

чинается речь с разделения: «Огромная тяжесть легла на плечи каждого из нас. Человек вправе не беречь себя, быть беспечным или безрассудным. Не о своей судьбе мы думаем сейчас; на нас лежит ответственность за всех детей, светлых и темных, за детей Лондона и Москвы, Парижа и Пекина, за детей среди небоскребов Нью-Йорка и за тех, что бродят среди развалин Кореи. На нас лежит ответственность за всех влюбленных, за фолианты мира, за все города, за все заводы» (с. 119). При разделении может использоваться внутренняя антитеза, то есть относительная антитеза, контекстуальная антитеза, которая объединяет не противоположные понятия (типа: *день и ночь, добрый и злой*), а актуально сопоставимые для данного контекста, данного содержания понятия. Однако при расчленении понятия может возникнуть и прямая антитеза (*за всех детей, светлых и темных*), которая объединяется одной идеей, одной мыслью.

Следующая часть речи Эренбурга представляет собой вопросо-ответное единство, то есть серию вопросов, которые оратор задает от лица людей и отвечает на них. Ответ построен на фигуре перемещения, или хиазме. Таким образом, создается совмещение фигур, что концентрирует экспрессию и смысловую информацию речи. Вот этот фрагмент: «Люди в тревоге спрашивают: «Неужели снова война?..» Можно ли жить в таком смятении? Можно ли растить детей, гадая, когда на них упадет бомба? Можно ли мыслить, созидать, двигать вперед человеческую культуру, когда над нею навис призрак войны? Война не землетрясение, не самум, война – дело людей, и люди могут предотвратить войну. Опасность велика. Это понимают все» (с. 119). Хиазм: *война – дело людей, и люди могут предотвратить войну*.

А далее идет предупреждение: оратор говорит о возможных неверного понимания функций конгресса и возражает этим людям, причем в возражениях используется фигура разделения, вновь возникает совмещение фигур: «Мы собрались здесь не на митинг – поговорить, не на дискуссию – поспорить. От нас ждут обдуманных слов, точных предложений, решений, приемлемых для всех: мы должны предотвратить войну. Такова надежда всех мужчин, всех женщин, где бы они ни жили» (с. 119).

Затем используется фигура – уступка, уступление. Она объединяется с цитатами, которые усиливают речь, ее фактуальное звучание. Эта фигура связана с полемической направленностью речи: «Говорят, что война неотвратима, потому что мир раскололся на два мира, потому что в Москве другие законы, нежели в Нью-Йорке, потому что имеются государства, где коммунисты поставлены вне закона, и другие государства, где коммунисты составляют законы. Президент Соединенных Штатов в одной из своих речей сказал: «Соединенные Штаты и другие государства, одушевленные теми же идеями, ощущают противодействие режима, у которого иные цели и отличное мироощущение. Этот режим придерживается ложной философии». Г-н Ачесон недавно повторил утверждение г. Трумэна: «Многие стороны этой философской системы, – сказал он, – в частности то, что она осуществляется в Советском Союзе и ряде других стран, не только вызывают нашу антипатию, но ставят вопрос об основных понятиях добра и зла». Я охотно допускаю, что с точки зрения г. Трумэна марксизм является «ложной философией» и что г. Ачесону антипатичен советский строй. Я не стану говорить, что я думаю о философии г. Трумэна и как я отношусь к этическим нормам, определяющим поведение г. Ачесона. Однако превосходство философской системы или экономики нельзя доказать войной. Сто бомб, сброшенных на сто советских университетов, не докажут, что прагматизм Джеймса выше исторического материализма» (с. 119–120).

В данных фрагментах выступления четко прослеживается взаимодействие различных стилистических фигур. В последнем примере проявляется ретроспективный план содержания. Все эти фрагменты речи расположены последовательно, создается таким образом композиционное развитие речи.

Градация – это стилистическая фигура, состоящая в таком расположении слов, при котором каждое последующее содержит усиливающееся (реже уменьшающееся) значение, благодаря чему создается нарастание (реже ослабление) производимого ими впечатления. Например: «Люди, подготовляющие новую войну, сеют в сердцах своих сограждан страх, злобу, отчаяние.

Они лишают человека самого необходимого: уверенности в завтрашнем дне. Пресса и радио ежедневно рекламируют новые, невиданные способы массового убийства. В этих рассказах, разумеется, множество преувеличений, даже небылиц: как утописты прежних веков рисовали картины всеобщего благоденствия, так теперь утописты Нового Света изображают всеобщую гибель. Однако и того, что есть, достаточно, чтобы обратиться в пустыню цветущие края и уничтожить города, созданные веками работы» (Эренбург, 1953, 158). Это пример градации в широком контексте, причем все элементы высказывания «градуируются», создавая единый семантический план, постепенное смысловое наращение: *сеют страх, злобу, отчаяние – лишают уверенности в завтрашнем дне – рекламируют способы массового убийства – всеобщая гибель...* В этом фрагменте можно найти и другие фигуры речи, в том числе антитезу: *рисовали картины... благоденствия... теперь... изображают всеобщую гибель.*

Большой материал оратору дает художественная литература. Образы литературы в речи служат для точной передачи мысли, для воздействия на ум и чувства слушателей. Так, широко использовал образы художественной литературы К.А. Тимирязев. В одной из лекций он, например, сравнивал себя с героем английского писателя Дж. Свифта «Путешествия Гулливера»: «Когда Гулливер в первый раз осматривал Академию в Лагадо, ему прежде всего бросился в глаза человек сухопарого вида, сидевший, уставив глаза на огурец, запаянный в стеклянном сосуде. На вопрос Гулливера диковинный человек пояснил ему, что вот уже восемь лет, как он погружен в созерцание этого предмета в надежде разрешить задачу улавливания солнечных лучей и их дальнейшего применения. Для первого знакомства я должен откровенно признаться, что перед вами именно такой чудак. Более тридцати пяти лет провел я, уставившись если не на зеленый огурец, закупоренный в стеклянную посудину, то на нечто вполне равнозначное – на зеленый лист в стеклянной трубке, ломая себе голову над разрешением вопроса о запасании впрок солнечных лучей» (Тимирязев, 1962, 92). Гиперболизированное сопоставление позволяет полнее ощутить титанический труд

ученого и результаты труда, которые выявляются постепенно. Сила образного слова захватывает слушателей, заставляет более глубоко осознать и более остро почувствовать то, что ранее казалось смутным или само собой разумеющимся.

Художественная литература обогащает речь яркими образами, афоризмами, выразительными характеристиками, меткими сравнениями, интересными описаниями, ценными выразительными средствами, которые помогают доходчивее донести мысль до слушателей.

В конце лекции о листе, например, чтобы еще более заострить внимание на важности вопроса, на правильном понимании функции листа, Тимирязев обращается к басне Крылова «Листы и корни». Разбирая ее, он отмечает, что басня основана на совершенно ошибочном понимании естественного значения листа; эта ошибка проистекала из неверного представления тогдашней науки о назначении листьев, что и отразилось в басне. Ученый удачно пользуется приемом разбора художественного произведения, чтобы в заключительной части подвести итог всему сказанному, кратко повторить основные моменты лекции: «Итак, листья Крылова совсем не похожи на настоящие листья. Если сравнение с его бесполезными листьями может быть только позорно и оскорбительно, то сравнение с настоящими листьями вполне лестно».

Тимирязев прибегает иногда и к древней мифологии, и к различным сказаниям. Например, он остроумно объяснил длину корня пшеницы: корень при ничтожном объеме представляет значительную поверхность, так как этот объем растянут в длину почти на двадцать верст. Действия природы ученый сравнил с уловкой Дидоны, основательницы Карфагена. Дидона выпросила себе клочок земли, который охватит одна воловьша шкура. Но оказалось, что эта шкура охватила всю местность будущего Карфагена, потому что Дидона разрежала ее на тончайшие ремешки. И ученый делает интересное заключение: «Но ремешки Дидоны, очевидно, ничто в сравнении с волосками корня, которые значительно тоньше человеческого волоса». Так древнее сказание помогло наглядно, зримо объяснить длину корня пшеницы.

Лекцию «Рост» Тимирязев начинает так: «В поэтических сказаниях некоторых народов севера богам и вещим людям приписывается способность не только видеть, даже чутким ухом «слышать травы прозябание». В настоящей лекции мы именно займемся вопросом: могут ли глаз и ухо простого смертного достигнуть такой степени изощрения, чтобы видеть и слышать рост травы?» Зачин этой лекции заинтриговывает. Действительно, кому не захочется узнать, можно ли видеть и слышать рост травы!

Изложение Тимирязева динамично. Это достигается многими речевыми элементами, например повторами (*Но если изменяется содержание басни, изменяется и ее мораль*), короткими, просто построенными фразами (*Мы знаем, что это – неверно. Мы знаем теперь, что лист не менее корня питает растение*), синонимами (*Все химические явления могут быть разделены на две категории: на такие, при которых появляется, освобождается теплота, свет, электричество... и на такие, при которых, наоборот, поглощается, скрывается энергия*). Особенно много используется глаголов и отглагольных существительных, которые передают действие. «И, действительно, я уже не раз повторял, что разложение углекислоты происходит только при свете, что деятельность листа начинается только с той минуты, когда на него упадет луч солнца».

Тимирязев был тонким психологом, умелым лектором. Человек большой культуры, глубоких знаний, он умел зажечь слушателей, убедить их. Этому же ученый требовал и от других, учил умению подойти к аудитории, пробудить интерес к лекции. Он не уставал повторять, что восприятие в значительной степени зависит от формы, в которую облакаются выступления. Анализ его лекций, представляющих собой гармонию мысли и слова, дает великолепный пример точности изложения наряду с образностью стиля, который воздействует на разум и чувства слушателей.

Ученый рассказывает в публичной лекции «Растение как источник силы» о роли и значении солнечного света: «Когда-то, где-то на землю упал луч солнца, но он упал не на бесплодную

почву, он упал на зеленую былинку пшеничного ростка, или, лучше сказать, на хлорофилловое зерно. Ударясь о него, он потух, перестал быть светом, но не исчез. Он только затратился на внутреннюю работу, он рассек, разорвал связь между частицами углерода и кислорода, соединенными в углекислоте. Освобожденный углерод, соединяясь с водой, образовал крахмал /.../ В той или другой форме он вошел в состав хлеба, который служил нам пищей. Он преобразовался в наши мускулы, в наши нервы. И вот теперь атомы углерода стремятся в наших организмах вновь соединиться с кислородом, который кровь разносит во все концы нашего тела. При этом луч солнца, таившийся в них в виде химического напряжения, вновь принимает форму явной силы. Этот луч солнца согревает нас. Он приводит нас в движение. Быть может, в эту минуту он играет в нашем мозгу».

Чем же интересен этот отрывок? Почему мы быстро и легко воспринимаем его содержание? Прежде всего в нем Тимирязев предметно рисует процессы, происходящие в живых клетках и живом организме. Ученый сумел в сравнительно небольшом описании выпукло, наглядно показать огромную работу, которую совершают лучи солнца, и последствия этой работы. Он здесь говорит не о действии света вообще, а об одном луче, прослеживая весь его путь от того момента, когда он упал на землю, до того, как стал нас согревать и приводить в движение. В этом проявляется конкретность изложения. Кроме того, можно говорить о логическом развитии мысли, строгой последовательности описываемых действий и четком плане. Ученый использует также повторы, противопоставления, синонимы.

Тимирязев пропагандировал науку среди широких масс, стремился к тому, чтобы изложение было эффективным, действенным, возбуждало интерес слушателей. В предисловии к своим лекциям он писал: «Не каждый читающий эту книгу будет ботаником, но каждый, надеюсь, извлечет из этого чтения верное понятие о том, как наука относится к своим задачам, как добывает она свои новые и прочные истины, а навык к строгому мышлению, приобретенный подобным чтением, он будет распространять и на обсуждение тех более сложных фактов, кото-

рые – хочет ли он того или нет – ему предъявит жизнь. А в этом и заключается главная задача самообразования...» Популярные лекции Тимирязева позволяют видеть проникновенного мыслителя, ученого, большого художника, умеющего рисовать целое в необычайно блестящей и ясной форме.

Как видим, фигуры занимают в речи большое место, служат средством выразительности, углубляя смысловую сторону высказывания.

5. КОМПОЗИЦИЯ

Композиция речи – это закономерное, мотивированное содержанием и замыслом расположение всех частей выступления и целесообразное их соотношение, организация материала, расположение его в определенной системе. Как в архитектурном сооружении блоки занимают положенные им места и соединены друг с другом, так и все части выступления любого вида взаимно связаны и составляют неразрывное целое. Не только отдельное выступление, но и цикл выступлений является всегда композиционно единым, то есть отдельные компоненты целого всегда взаимообусловлены и связаны между собой. Эту связь мы устанавливаем, опираясь на значение слова, на смысл фразы, на контекст, на направление движения мысли. Как считают ученые, элементарное понимание речи – это перевод слушателем следующих друг за другом и воспринимаемых слухом предложений на собственный мыслительный язык. И таким образом, слушая, мы стенографируем в уме мысленную запись речи. Мы не только стенографируем чужую речь, но также комментируем ее. В нашей голове возникает стенограмма-комментарий: Начинает говорить... Сообщает, о чем будет говорить... Делает оговорку... Переходит к основной теме... Напоминает... Делает отступление... Подчеркивает... Повторяет... Добавляет... Перечисляет... Резюмирует... Спрашивает... Отвечает... Подытоживает... (см. Вежбицка, 1978, с. 403). Этот комментарий возникает у нас не случайно, а в результате опоры на смысловые блоки,

и превращается он в своеобразные сигналы, устанавливающие связь и последовательность частей речи. Запутанное, сложное, бессистемное, непоследовательное изложение воспринимается с трудом, потому что за ним трудно следить, и, как правило, оно не вызывает большого интереса. Способностью четко строить композицию в совершенстве владел, например, И.П. Павлов. Современники ученого вспоминают, что даже самые сложные теории он излагал просто и убедительно благодаря четкому построению выступления.

Речь опытного оратора захватывает слушателей сразу. И достигается такое эффективное воздействие искусным построением зачина речи. Особенности зачина определяются, во-первых, самой темой выступления и аудиторией, во-вторых, необходимостью привлечения внимания слушателей. Зачин указывает также, в каком ключе будет произнесена речь. В смысловом отношении зачин связан с содержанием речи и с ситуацией ее произнесения.

Насколько важен зачин в речи, могут подтвердить конспекты лекций по политической экономии Г.В. Плеханова (Плеханов, 1934, 175–181)¹. Зачин первой лекции написан Плехановым полностью, в то время как содержание всех трех лекций изложено конспективно: «Многоуважаемые слушатели и слушательницы. Вы сделали мне лестное для меня предложение читать Вам лекции по политической экономии. К сожалению, различные работы отнимали у меня до сих пор все время, так что лишь теперь, покончивши с ними, я могу исполнить Ваше желание» (с. 174). Для сравнения приведем фрагмент конспекта лекции 3 января 1887 г.: «Номинальная и реальная заработная плата. Ее возможное движение. Пример из английской истории. Различие между номинальной заработной платой и ценой труда в зависимости от продолжительности рабочего дня или, иначе, от количества труда, воплощенного работником в продукте» (с. 177).

По структуре, как видно, эти фрагменты отличаются друг от друга степенью развернутости. Ясный, подробно изложенный

¹ Лекции прочитаны Плехановым в Берне в январе – феврале 1887 г.

зачин речи создает четкое представление об отношении оратора к аудитории, направлении и теме выступления. Текст несет, таким образом, двойную нагрузку: мобилизует слушателей к восприятию, вводя их в речь, и дает концентрированную информацию о направлении речи.

Чаще всего речь начинается с этикетных формул, например эмоциональная речь может начинаться с приветствия, и таким образом оратор подчеркивает свое расположение к слушателям, а это в свою очередь не может не вызвать у них ответного дружеского чувства и внимания. «Я рад счастливой возможности передать от имени деятелей культуры Советского Союза сердечный привет прогрессивной американской интеллигенции – писателям и ученым, деятелям искусств и инженерам, врачам и учителям, отстаивающим дело мира, и поблагодарить их за гостеприимство», – так начинает речь А. Фадеев на массовом митинге в Нью-Йорке по случаю закрытия Конгресса деятелей науки и культуры США в защиту мира 29 марта 1949 г. (Фадеев, 1959, 482).

Видный теоретик ораторского искусства А.Ф. Кони полагал: чтобы выступление имело успех, следует завоевать и держать внимание аудитории. Первый, самый ответственный момент в речи – привлечь слушателей. Внимание всех вообще (ребенка, невежды, интеллигента и даже ученого) возбуждается простым, интересным и близким к тому, что, наверное, переживал и испытал каждый. Значит, первые слова оратора должны быть чрезвычайно просты, доступны, понятны и интересны, они должны привлечь слушателей, зацепить их внимание. Этих зацепляющих «крючков»-зачинов, по мнению Кони, может быть много: что-нибудь из жизни, что-нибудь неожиданное, какой-нибудь парадокс, какая-нибудь странность, как будто не идущая ни к месту, ни к делу, но на самом деле связанная со всей речью, неожиданный и неглупый вопрос. Например, особая выразительность зачина достигается выделением в нем основного, ударного слова и авторской интерпретацией этого слова. Вот как А. Фадеев в зачине речи на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира использует слово *пропаганда*: «Есть одно слово на свете,

которым в последнее время все чаще пугают людей: это слово – пропаганда. Чтобы не было никаких недоразумений насчет моего доклада, я, прежде всего, должен заявить, что буду заниматься пропагандой за мир против поджигателей войны» (Фадеев, 1959, 485).

Типы зачинов в ораторской речи многообразны. Но каждый должен быть функционально обусловлен, тематически мотивирован. Это имел в виду А.Ф. Кони, когда приводил пример интригующего зачина в публичной речи. Если оратор, говоря о римском императоре Калигуле, начнет с того, что Калигула был сыном Германика и Агриппины, что он родился тогда-то, расскажет, как он воспитывался и где жил, такая речь не вызовет не только никакой эмоциональной реакции слушателей, но даже не заинтересует их, не привлечет их внимания, потому что в этих сведениях нет ничего необычного и, пожалуй, интересного, чтобы завоевать внимание. Однако давать этот материал все равно придется, но надо давать его не сразу, а когда уже привлечено внимание присутствующих, когда оно из рассеянного станет сосредоточенным. Стоять можно на подготовленной почве, замечает Кони, а не на первой попавшейся случайно. Каким же сделать зачин этой речи, как привести собравшихся в состояние внимания? А.Ф. Кони предлагает такое начало: «В детстве я любил читать сказки. И из всех сказок на меня особенно сильно влияла одна (пауза) сказка о людоеде, пожирателе детей. Мне, маленькому, было крайне жалко тех ребят, которых великан-людоед резал, как поросят, огромным ножом и бросал в большой дымящийся котел. Я боялся этого людоеда и, когда темнело в комнате, думал, как бы не попасться к нему на обед. Когда же я вырос и кое-что узнал, то...» Далее следуют переходные слова (очень важные) к Калигуле и затем речь по существу. Скажут: причем тут людоед? А при том, что людоед – в сказке и Калигула – в жизни – братья по жестокости» (Кони, 1956, 112).

Оригинальное начало не только привлекает внимание, но и дает интеллектуальный и эмоциональный ключ к пониманию последующего изложения. Итак, зачин – это начальная часть ораторской речи, основные функции которой – контактоуста-

навливающая, то есть установление контакта со слушателями, и перспективная, то есть создание представления о теме и направлении речи.

Второй элемент ораторской речи – вступление. Оно вводит слушателей в сущность выступления и психологически подготавливает их к восприятию речи. В его функции входит закрепление контакта со слушателями, их внимания и интереса, которые вызваны зачином; сообщение темы, перечисление и краткое описание проблем, которые будут рассмотрены в основной части. Во вступлении могут быть перечислены положения, разработанные ранее. Вступление имеет многообразные варианты в зависимости от рода и вида речи. В нем четко проявляются две основные функции: психологическая, которая заключается в укреплении связи с аудиторией, и дидактическая, которая отражает стремление оратора рассмотреть задачи, идею, структуру речи.

Ораторы уделяют большое внимание вступлению. Так, Плеханов в конспектах лекций по политической экономии вступление, как и зачин, пишет полностью, а не конспективно, кратко. Например, в первой лекции он пишет: «Прежде чем я перейду к изложению и выяснению экономических явлений и законов, я считаю необходимым в кратком введении рассмотреть с Вами три следующих вопроса:

- 1) Что такое политическая экономия?
- 2) Какое место занимает она в ряду других общественных наук?
- 3) В какое отношение люди, изучающие эту науку, должны стать к выдвигаемым ею практическим задачам?» (Плеханов, 1934, 175). Далее идет конспект лекции.

В конспектах Плеханова есть подробная запись начала другой лекции 27 февраля 1887 г.: «1. Вступление. Прошлый раз, изложивши теорию Рикардо, я сказал, что по отношению к ней можно поставить 2 вопроса:

- а) Верна ли она сама себе?
- б) Верны ли ее послылки?

Первый вопрос необходимо поставить ввиду того, что были возражения против сущности теории Рикардо /.../

Второй вопрос необходим потому, что та же посылка, которая лежит в основании теории ренты Рикардо, лежит и в основании учения Мальтуса о народонаселении.

Мы начнем с первого вопроса и притом скажем несколько слов о Мальтусе и его критиках» (Плеханов, 1934, 180). Вступительная часть речи развернута уже в самом конспекте. Далее идет конспект лекции, то есть не развернутое оратором сообщение мысли. Отсюда можно видеть, какое большое значение Плеханов придавал вступлению речи.

Вступление четко выделяется в лекции. Оно должно укрепить внимание слушателей, привлеченное зачином, заинтересовать их, в нем устанавливается связь с предыдущим материалом, обрисовываются цели и задачи данной лекции, коротко рассказывается о главных подтемах основной части. Таким образом, лектор настраивает слушателей на восприятие информации. Конечно, это лишь один из типов возможных и наиболее распространенных вариантов вступления. Некоторые перечисленные здесь элементы могут отсутствовать, так как их употребление не всегда целесообразно.

Во вступлении лекции для аспирантов Пушкинского дома 4 февраля 1933 г. Луначарский прямо говорит о плане своего выступления: «Мою сегодняшнюю с вами беседу я строю таким образом: некоторые общие выводы методологии истории литературы – с каких точек зрения мы ее изучаем, для каких целей и т.д.; затем в связи с этим некоторые общие абрисы того специального предмета, на котором мы остановились, то есть английской и германской литератур» (Луначарский, 1970, 119). Приведенный пример – образец вступления, которое совпадает с планом-схемой.

И.П. Павлов так начинает одну из своих лекций о физиологии и патологии высшей нервной деятельности, прочитанную врачам: «Выступая здесь, среди врачей, я должен главным образом остановиться на тех сторонах наших исследований, которые имеют непосредственное отношение к медицине. Однако, раньше чем я перейду к этим непосредственно вас интересующим вопросам, необходимо занять порядочно времени вопросами

чистой физиологии, так как придется упомянуть о фактах, не проникших еще в учебники» (Павлов, 1951, 257).

Вступление помогает перейти к главной части, в которой излагается основной материал.

Оратор пользуется логическими формами аргументации: дедукцией, индукцией и аналогией, которые отличаются друг от друга смысловой направленностью и характером следования компонентов доказательства. Дедукция – это логический переход от общего знания к частному, подведение частного случая под общее правило. В этом случае конкретный факт подводится под общее правило, затем из общего положения выводится какое-либо заключение в отношении этого конкретного факта. Индукция – обобщение, возникающее на основе анализа эмпирического материала, базирующегося на опыте. Индуктивное рассуждение строится, опираясь на конкретные данные с целью обобщения, то есть форма изложения от единичных и менее общих положений к общим положениям и выводам. Аналогия – это подобие, сходство предметов в каких-либо свойствах, признаках. Умозаключение по аналогии – это такое умозаключение, в результате которого делается вывод о принадлежности предмету или явлению определенного признака, основанный на анализе сходства этого предмета или явления в существенных признаках с другим предметом или явлением. Обычно форма аргументации выступает в речи комбинированно.

Как считают психологи, основная мысль речи лучше и полнее воспринимается в том случае, если она четко сформулирована в начале или, что еще благоприятнее, в конце изложения: эти приемы называют антикульминацией и кульминацией. Первый прием рассчитан на нейтрального или незаинтересованного слушателя, поэтому главная, интригующая информация находится в начале речи. Второй прием – кульминация – рассчитан на благожелательных и заинтересованных слушателей, ведь они смогут дослушать речь при минимальных стимулах до конца, до кульминации. Эти реакции объясняются психологическим законом памяти – «фактором края», или «законом первого и последнего места»: лучше запоминается то, что находится в начале или в конце последовательности событий (Зимняя, 1973, с. 72).

По способам тематического развертывания речи можно выделить несколько типов композиции: последовательный, концентрический, параллельный, смешанный. Чаще всего наблюдается смешанный тип композиции, в чистом виде эти способы встречаются редко. Поэтому можно говорить лишь о преобладании какого-либо из них.

При последовательной композиции изложение идет по восходящей линии, от одного тематического блока к другому. Одна тема переходит в другую, которая развивает предыдущую. Каждая из них является исходной для разъяснения последующей мысли. В результате раскрывается основная идея, которая определяет цель выступления. Этот способ расположения материала, как правило, связан с хронологическим или историческим описанием. Такова речь «Александр Николаевич Радищев», произнесенная Луначарским на открытии памятника Радищеву в Петрограде 22 сентября 1918 г. (Луначарский, т. 1, 1963, 3–7). Структура речи такова: детство Радищева, его юность и учеба, вольномыслие и служба, книга «Путешествие из Петербурга в Москву», арест и ссылка, возвращение и смерть, памятник вольнодумцу Радищеву. Речь развивается по восходящей линии, последующее связано с предыдущим, зависит от предыдущего. В итоге раскрывается основная идея речи: «Пусть изваяния предшественников революции послужат краеугольными камнями в здании трудовой социалистической культуры» (Луначарский, т. 1, 1963, 7).

При концентрической композиции основная идея речи формулируется в ее начале, хотя и в общей форме. В процессе речи она обосновывается, обогащается, конкретизируется, появляются новые факты, идеи. В конце речи оратор возвращается к формулировке основной идеи, уточняя ее. В чистом виде этот способ встречается редко, он обычно соединяется с последовательным способом.

При параллельной композиции темы разграничены, наблюдается резкое их размежевание, дифференциация, неожиданный переход от одной темы к другой, можно наблюдать наличие тем с большим смысловым разбросом вопросов. Все темы, ко-

нечно, объединены одной отчетливой идеей (или общей темой), переход, однако, от одной темы к другой заранее не готовится, просто заканчивается одна тема и начинается другая. Такую параллельную композицию мы наблюдаем в речи Г.И. Петровского на совещании председателей сельсоветов Днепропетровщины (2 сентября 1933 г.) (Петровский, 1987, 294–298). Зачин: «Товарищи, указания, как нужно работать сельсоветам и их представителям, уже дал товарищ Гаврилов». После такого ретроспективного зачина идет вступление: «Со своей стороны я остановлюсь на нескольких вопросах», потом освещение нескольких тем. Эти части можно переставить в любом порядке, так как они не зависят друг от друга: первая тема: «...всем райисполкомам и сельсоветам необходимо обязательно проработать вопрос о слете передовых колхозов...»; вторая тема: «...большинство сельсоветов еще не привыкли работать по-новому...»; третья тема: «особенное внимание нужно уделить сейчас работе с женщиной на селе...»; четвертая тема: «нужно сказать о бюджете»; пятая тема: «...в морально-политическом отношении председателям и членам президиума сельсоветов необходимо быть на более высоком уровне».

Такую же параллельную композицию имеет и речь И.С. Тургенева на обеде в «Эрмитаже» 6/18 марта 1879 г. (Тургенев, 1979, 260–261). Основное содержание делится на самостоятельные части, которые можно переставлять в любой последовательности: 1) сочувствие аудитории к оратору как к человеку, не изменившему своим убеждениям и либеральному направлению; 2) о слове «либерал»; 3) молодое поколение протянуло руку старым либералам; 4) молодежь должна серьезно отнестись к своим задачам, у нас должны появиться новые Грановские и Белинские. Эти смысловые части объединяет в смысловом отношении и позволяет расположить их в любом порядке короткое вступление: «Я предпочитаю осветить значение и смысл приема, которым вы меня удостоили, особенно вы, гг. молодежь» (с. 260).

Смешанную композицию имеет речь В.Я. Брюсова на собрании, посвященном 5-летию Всероссийского союза поэтов (ВСП) 20 ноября 1923 г. (Брюсов, 1976, 234–235). Основная часть

речи (без вступления и заключения) четко делится на 5 частей. Это деление заложено уже во вступлении: «Союз поэтов – это объединение, построенное не по общности той или иной общественно-политической платформы, как группируются партии или иные классовые объединения, а по признаку производства, то есть как организуются, в принципе, профессиональные союзы. В этом – и слабая сторона Союза поэтов, но в этом – и его сила» (с. 234). Первые две части (1 – «В члены Союза входят лица из различных классов общества, примыкающие, сознательно или бессознательно, к самым различным политическим программам...»; 2 – «Различие идеологии ведет к величайшей разновидности форм...»), из которых вторая зависит и вытекает из первой, объединены общей мыслью: слабая сторона Союза поэтов. Здесь мысль развивается последовательно. Следующие три части отражают параллельное развитие мысли: 3 – «объединяя поэтов по профессиональному признаку, Союз... признает, что писание стихов является одним из производств... Оно должно быть полезно, должно служить жизни»; 4 – «Далее, производство подчиняется закону спроса и предложения... бесполезно изготовлять стихов во столько-то раз больше, чем их может потребить страна»; 5 – «... Производство должно быть на уровне современной техники», пишущие стихи должны использовать современную поэтическую технику. Эти части самостоятельны, параллельны, не зависят одна от другой. Но они объединены одной мыслью: «в этом сила Союза». Эти две большие части объединены параллельной связью.

В 1887 г. Плеханов, как уже отмечалось, прочитал несколько лекций по политэкономии. Основная часть лекции Плеханова 3 января 1887 г. имеет такую композицию: номинальная и реальная заработная плата; заработная плата и цена труда; формы платы; национальное различие в рабочих платах; значение рабочих союзов и стачек для повышения платы; влияние повышения заработной платы на производство (Плеханов, 1934, 177–178). Первые три темы связаны последовательно, три следующие – параллельно.

Приемы изложения и объяснения разнообразны. Так, оратор может не только излагать материал, но и показывать табли-

цы, схемы, графики, чертежи, модели, диапозитивы, демонстрировать опыты, чертить, писать. Все эти приемы необходимы для того, чтобы в яркой, доступной, запоминающейся форме донести содержание выступления до слушателей. Являясь экстралингвистическими фактами, они входят в композицию выступления. Оратор может строить изложение таким образом, чтобы от общих положений или правил переходить к частным, конкретным положениям, правилам, примерам. Или наоборот: общие выводы делаются на основании анализа известных или новых фактов, примеров. Такое построение отдельных частей речи делает ее действенной, доказательной, аргументированной. Основная часть включает в себя характеристику сложных понятий и явлений, перечисление их признаков, примеры применения объясняемых явлений в практике, иллюстративный материал, советы аудитории, выводы и обобщения. Словом, в основной части выбор фактов, сообщение о них, их сопоставление и интерпретация, установление связи между ними и рассуждения чередуются с четко оформленными выводами.

Так, И.П. Павлов язык фактов считал самым эффективным: «Считая лучшим красноречием язык фактов, позволю себе прямо обратиться к тому опытному материалу, который дал мне право говорить на тему моей речи». Многие лекции ученого начинаются с изложения фактических данных. «Факты – это воздух ученого», – считал Павлов. И не случайно он начинает лекции такими словами: «Сегодня мы займемся сопоставлением переданного лабораторного материала как с повседневными правилами еды, так и с врачебными мероприятиями»; «Нельзя не быть пораженным сопоставлением следующих фактов. Большие полушария, это высший отдел центральной нервной системы, представляют собой довольно внушительную величину».

Многие лекции Павлова сопровождалась опытами. Так, для научно-популярной лекции в 1911 г. была доставлена большая группа собак со слюнными фистулами. В зале, где читалась лекция, был сооружен грандиозный полотняный экран, позади которого помещались подопытные собаки, освещенные сильным прожектором. Зрители наглядно знакомились с образованием

условных рефлексов. Наглядность, доходчивость выступлений Павлова привлекала огромную аудиторию. Но изучая, экспериментируя, наблюдая, ученый старался проникнуть в тайну фактов, искал законы, которые ими управляют. И все это он старался популярно донести до слушателей.

Обычно судебная обвинительная речь состоит из следующих частей: зачин; вступление; содержание – изложение фактических обстоятельств преступления (фабула дела), анализ и оценка собранных по делу доказательств, обоснование квалификации преступления, характеристика личности подсудимого и потерпевшего, соображения о мере наказания, рассмотрение вопросов, связанных с возмещением причиненного преступлением материального ущерба, анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, и предложений по их устранению; заключение; концовка. Разумеется, это лишь примерная, ориентировочная схема построения обвинительной речи, которая должна быть наполнена живым, конкретным содержанием. При построении обвинительной речи ее структура может быть и более свободной. Так, она может строиться по следующей схеме: общественно-нравственная характеристика дела; анализ фактических данных дела, установленных судебным следствием, разбор проверенных на судебном следствии доказательств и выводы из них о событии и обстановке преступления и виновности подсудимого; уголовно-правовые выводы из фактических обстоятельств дела, т.е. квалификация преступления и требование меры уголовного наказания. Составные части речи, их последовательность и удельный вес могут и должны изменяться в зависимости от обстоятельств дела. Известный судебный деятель М.С. Строгович пишет: «Подобная структура обвинительной речи имеет, конечно, в значительной мере условный, ориентировочный характер, и из нее не вытекает необходимости располагать отдельные части обвинительной речи именно в такой последовательности. В одних случаях общественно-политической характеристикой дела речь обвинителя может начинаться, а в других – ею заканчиваться; чаще же все эти элементы переплетаются на всем протяжении обвинитель-

ной речи. Определенной схемы здесь дать нельзя: это зависит от особенностей дела, личных навыков обвинителя и т.д. Но все три элемента речи обвинителя обязательно должны находиться в неразрывной, органической связи, друг друга подкреплять и друг из друга вытекать» (Строгович, т. 2, 1970, 311). В обвинительной речи основное внимание уделяется детальному анализу доказательств, проверенных на судебном следствии, разбору фактических обстоятельств, чтобы с ясностью, несомненностью устанавливалась действительная картина преступления и виновности подсудимого.

Так, в обвинительной речи по делу земского начальника Харьковского уезда кандидата прав Василия Протопопова, обвиняемого в преступлениях по должности, А.Ф. Кони пользуется такой композицией: дает общественно-нравственную характеристику дела (деятельность Протопопова за короткое время вызвала беспорядки в слободе, что повлекло за собой введение войск и аресты); власть и нравственность, отношение Протопопова к крестьянам и его нравственность («Я всегда бил и буду бить мужиков»), нравственные устои свидетелей обвинения и свидетелей оправдания; анализ фактических данных дела, установленных судебным следствием (бил городского, бил крестьян на сходе, речи на сходах о необходимости мира и согласия сопровождает бранью и побоями и т.д.); юридическая сторона дела, уголовно-правовые выводы из фактических обстоятельств дела, комментирование различных судебных статей по этому делу; указание на надлежащую меру наказания; вновь обращение к нравственной стороне дела. В последней части есть и такие слова: «Звание кандидата прав обращается в пустой звук по отношению к человеку, действия которого обличают в нем кандидата бесправия» (Кони, 1956, 458). Правительствующий сенат утвердил приговор судебной палаты к исключению Протопопова из службы (Кони, 1956, 442–459). А.Ф. Кони пользуется хронологическим способом изложения дела.

В защитительной речи, как правило, имеются зачин; вступительная часть; основная часть – анализ фактических обстоятельств дела, анализ юридической стороны предъявляемого

обвинения, характеристика личности подсудимого и т.д.; заключительная часть; концовка. Защитительная речь носит полемический характер.

Так построена речь члена Московской городской коллегии адвокатов В.Д. Гольдинера в защиту Е.М. Туровского. В основной части подробно изложены фактические обстоятельства обвинения: Туровский обвиняется в том, что, работая бригадиром Одесской межобластной производственной мастерской по ремонту медицинского оборудования и рентгеновской аппаратуры, вошел в преступную связь с мастером цеха Сухумской артели подсудимым Львовым и совместно с ним похитил в мае 1959 г. из Одесской мастерской вакуумную установку, изготовленную в мастерской, реализовал через Львова Сухумской артели, деньги присвоил. Такова фабула дела. Далее дается анализ и оценка собранных по делу материалов, который показывает, что не только ничего не было похищено, но и не могло быть похищено. Обосновывая квалификацию преступления, защитник отметил, что было лишь злоупотребление служебным положением бригадира. Далее защитник переходит к характеристике личности подсудимого. Поскольку преступления в том виде, в котором оно представлено судом, не было, то нет в речи и рассмотрения вопросов, связанных с анализом причин преступления (Речи советских адвокатов, 1968, 22–38).

Социально-политическая митинговая речь более свободна в композиционном отношении, чем, скажем, виды академического и судебного красноречия. Проанализируем несколько первомайских речей Плеханова с точки зрения их композиции. Речь, произнесенная Плехановым в народном доме перед Бернским рабочим союзом в день 1 мая 1901 г.: «Гражданки и граждане. В то время, как я беру слово, чтобы поблагодарить вас за вашу благородную и великодушную инициативу, я с тревогой спрашиваю себя, что творится у меня на родине и, несмотря на все свои усилия, не могу найти сколько-нибудь успокоительного ответа» (зачин: этикетное обращение; вступление). Далее, смысловые блоки содержания – русское правительство приняло решение не допускать демонстраций, прольется кровь, после

кровопролития начнутся массовые аресты и ссылки, сочувствие бернских рабочих русским товарищам, наш народ пробуждается к новой жизни, главную часть революционной армии составляет пролетариат, русский пролетариат – младший брат западного пролетариата, этому брату предстоит положить конец деспотизму (Плеханов, 1934, сб. 2, 76–77).

Речь, произнесенная Плехановым в день 1 мая 1903 г. в одной из русских колоний Швейцарии: смысловые блоки содержания – прелесть и красота майской природы, цитаты из «Майской песни» Гёте, май лучший из всех месяцев; в современном цивилизованном мире в мае демонстрации несут страх и волнение; демонстранты хотят сокращения рабочего дня; причины: человек есть средство производства, вещь; майская демонстрация – это всемирное движение в пользу мира между народами; буржуазная реформа против революции; «Первое мая у нас заставляет ярким пламенем гореть революционный идеал рабочего» (Плеханов, 1934, сб. 2, 79–81).

Похвальные слова в соответствии с рекомендациями классических риторик начинались с происхождения восхваляемого. При этом вначале говорилось о родине героя, его родителях, учении и затем о деяниях героя, иллюстрировавших различные его положительные черты характера. Эта риторическая композиция определила не только жанр слова, но и жанр жития. Считалось, что цель жития какого-нибудь святого – восхваление, ублажение его памяти. Такие принципы эпидейктических речей в композиции и стиле в настоящее время последовательно не проводятся. Конечно, в этих речах восхваляются деяния лица, его прошлая и настоящая деятельность, выражается надежда на то, что в будущем оно будет так же успешно выполнять свои функции, высказываются также различные пожелания. Таким образом, композиция в этих речах более свободна.

Такая же свободная композиция у надгробного слова (поминальной речи), а также у приветственной речи и у застольной речи (тоста), композиция которых во многом определяется ситуацией и адресатом.

Характерна в композиционном отношении речь Плеханова, посвященная памяти польского восстания 1794 г. (Плеханов,

1934, 194–195). Речь начинается с зачина: «Я пришел сюда для того, чтобы почтить память великого поляка – память Костюшко. Это является моей обязанностью как социалиста, с одной стороны, и как русского – с другой». Затем идет вступление: «В самом деле, как сказал наш общий учитель Ф. Энгельс, Польша не раз спасала европейскую революцию, и европейская революция в долгу у Польши нашего времени /.../ Я думаю, что для доказательства справедливости моего утверждения мне достаточно привести немногие исторические факты» (Плеханов, 1934, 194). Далее – главная часть: сопротивление Польши против нападения трех государств; по милости буржуазии пала Польша; освободительное движение рабочего класса против буржуазии сегодня; «Пролетариат встает на защиту всех угнетенных. Я сказал и повторю, граждане и гражданки, долг европейской революции Польше будет уплачен рабочим классом или же не будет уплачен совсем. Вот почему я, как социалист, счел своей обязанностью почтить память великого поляка Костюшко» (связь с зачином); два способа любить свою страну – способ каннибала, который поработает соседние государства для своей страны, и способ борцов за свободу. И концовка: «Да здравствует Польша!»

Ораторская речь разворачивается во времени, и невозможно без определенных средств, связывающих ее части, удерживать в оперативной памяти все ее элементы. Поэтому оратор пользуется различными видами связи, которые обеспечивают ее последовательность и взаимозависимость отдельных частей. Благодаря этой связи возникает эффект последовательности изложения и эффект сцепления смысловых блоков. Связь может выражаться различными словами и словосочетаниями, обозначающими субъективное отношение к высказанной мысли (*с моей точки зрения, мне кажется, по-моему, мне думается*), словами, обозначающими временные и пространственные отношения (*во-первых, во-вторых, в-третьих, следующий вопрос, далее отметим, об этом я скажу далее*), различными грамматическими конструкциями (*я отмечу; мы видим; мы должны иметь в виду, что...*), образно-ассоциативными, стилистическими элементами (см. выше).

Нередко оратор может отсылать слушателей к предшествующей информации, которая содержится вне его выступления. Таким образом происходит связь данного выступления с общим контекстом информации. Оратор может сослаться на предыдущие свои выступления или на ранее сказанное в этой же речи. Так происходит связь данной мысли с высказанными ранее. Возникает эффект органического единства речи. Например: *Мы будем продолжать сегодня предмет прошлой беседы, так как она не была закончена; Прежде всего я передам подробнее то, о чем говорил коротко в прошлый раз; Мы имели случай сказать в предыдущих курсах об этой проблеме.*

Могут иметь место, например, части ораторской речи, интерпретирующие прошлые события, отсылающие к ним при разборе современных событий: «Если обратимся назад, к древней истории, мы увидим, что она начинается на Востоке, в Азии, завершается на берегах Средиземного моря, около которого жили главные исторические народы древнего мира; Греция и Рим – вот два главных деятеля древней истории» (Грановский, 1987, 5). Далее идет сопоставление прошлого и настоящего.

В речи могут быть части, относящие содержательную информацию к тому, о чем оратор будет говорить в последующих частях. Это дает возможность слушателям яснее представить себе обусловленность мыслей и идей выступления. Оратор может кратко рассказать о той информации, которая будет дана позднее в этой же речи, которая будет дана в следующем выступлении этого оратора, которая будет дана другим оратором или другими ораторами. Можно использовать такие слова и словосочетания: *забегая вперед, скажу; как будет указано дальше; дальнейшее изложение покажет, что; посмотрим; мы будем заниматься; мы приступим к изучению.*

«Конец – всему делу венец» – гласит народная мудрость. И действительно, в заключении речи могут, во-первых, подводиться итоги всему сказанному, суммироваться сказанное, обобщаться те мысли, которые высказывались в основной части речи; во-вторых, кратко повторяться основные тезисы выступления или связываться воедино его отдельные части, еще раз

подчеркиваться главная мысль выступления и важность для слушателей разобранной темы; в-третьих, намечаться пути развития идей, выраженных оратором; в-четвертых, эмоционально передаваться содержание всей речи; в-пятых, закрепляться и усиливаться впечатление, произведенное содержанием речи; в-шестых, ставиться на основе всей речи перед аудиторией какие-либо задачи. Концовка может содержать этикетные формулы, форму призыва, пожелания, сообщение о чем-либо, непосредственно не связанные с содержанием речи. Нередко заключение и концовка тесно связаны между собой и составляют единое целое. Это не классическая схема заключения и концовки, а один из возможных их вариантов. Объем заключения и концовки может быть разным и зависит от множества моментов: темы, материала, времени, аудитории, вида и рода выступления. Например, Павлов одну из лекций заканчивает следующим образом: «Итак, основная и самая общая деятельность больших полушарий есть сигнальная с бесчисленным количеством сигналов и с переменной сигнализацией» (Павлов, 1951, 165).

А.Ф. Кони, разбирая речь о жизненном пути Ломоносова, писал: «Конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом. Например, в речи о Ломоносове можно сказать: «Итак, мы видели Ломоносова мальчиком-рыбаком и академиком. Где причина такой чудесной судьбы? Причина – только в жажде знаний, в богатырском труде и умноженном таланте, отпущенном ему природой. Все это вознесло бедного сына рыбака и прославило его имя» (Кони, 1956, 114).

Разумеется, заключение и концовка могут иметь различную структуру. «Конец-разрешение всей речи (как в музыке последний аккорд – разрешение предыдущего; кто имеет музыкальное чутье, тот всегда может сказать, не зная пьесы, судя только по аккорду, что пьеса кончилась); конец должен быть таким, чтобы слушатели почувствовали (не только в тоне лектора это обязательно), что дальше говорить нечего» (Кони, 1956, 114).

Форма заключения зависит от вида красноречия и цели речи. Вузовская лекция, научное сообщение, политическая речь, агитаторская речь, митинговая речь заканчиваются по-раз-

ному. Это диктуется определенными внутренними законами публичной речи. Например, вузовская лекция как жанр характеризуется господством интеллектуально-логических элементов, в речи же митинговой большой удельный вес занимают эмоционально-экспрессивные элементы. В первом случае лектор делает логические выводы из сказанного, во втором случае оратор обращается к слушателям с эмоционально-экспрессивным призывом. Это не значит, конечно, что данная схема пригодна для всех выступлений. Характер конца речи зависит от цели речи: воздействовать на интеллектуальную или на эмоциональную сферу слушателей. Следует помнить, однако, что эти сферы взаимно перекрещиваются. И это обусловлено особенностями человеческого восприятия. Как уже отмечалось, современные исследователи в области психологии считают, что обработка информации в человеческом мозгу, то есть в процессе мышления, осуществляется как взаимодействие двух программ: интеллектуальной и эмоциональной.

Обратимся к примерам. А. Фадеев так закончил речь на массовом митинге солидарности с испанским народом в Москве, на Красной площади 3 августа 1936 г.: «Братский привет и помощь великому народу Испании и его республиканскому правительству! Презрение и ненависть фашистским мятежникам, врагам народа! Да здравствует свободная и независимая Испания! Да здравствует единый народный фронт против фашизма во всем мире!» (Фадеев, 1959, 151). Это типичная концовка митинговой речи.

В заключении иногда намечаются задачи, стоящие перед присутствующими, идеи, которые следует развивать. Например: «Пусть Второй Всесоюзный съезд советских писателей остается в нашем сознании как большая историческая веха на пути нашего развития. Мы будем делать все, чтобы отстоять идеи гуманизма, мира и дружбы между народами /.../» Таково заключение речи Фадеева на Втором Всесоюзном съезде советских писателей 23 декабря 1954 г. (Фадеев, 1959, 609).

Обращенный к воображению слушателей, конец речи, выделяя более важное, опуская не столь существенное, может быть глубоко эмоциональным, особенно выразительным.

Выразительно также и такое окончание речи, в котором приводится чье-либо высказывание, мнение, которое подкрепляет сделанные выводы. Например, Фадеев сказал в конце, выступая на собрании писателей Москвы в апреле 1937 г.: «...Те, у кого есть настоящий запал в сердце и желание трудиться по настоящему, – те и будут расти, преодолевая все и всяческие трудности, стоящие на пути большого искусства. Помните, как говорил Маяковский: «Где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легче?» (Фадеев, 1969,168).

Выразительные качества лексических повторов также нередко привлекают ораторов. Этот прием позволяет выделить основные по замыслу слова, подчеркнуть главную мысль, обратиться на нее внимание слушателей, повысить эмоциональность конца речи. Например, А.М. Коллонтай так закончила речь на II Всероссийском съезде РКСМ 3 октября 1919 г.: «Недостаточно дать отпор Деникину, надо и в тылу строить новую жизнь, строить на каждом шагу /.../ И каждый шаг вперед даст возможность товарищам на Западе понять, что в мире трудовой республикой является республика творческая, страна нового светлого человека. Да здравствует же пролетарская молодежь! Да здравствует борьба и победа рабочего класса!» (Коллонтай, 1972, 300). В этой части речи – заключение, то есть выводы из речи, и прагматическая концовка – призыв к действию.

Особенности заключений и концовок связаны в известной степени с индивидуальностью оратора. Заключительные слова речи должны закрепить впечатление, создавшееся от содержания. Идея заключения должна быть выражена той единой словесной формой, которая с наибольшей полнотой донесла бы до слушателей главную мысль речи. Советский журналист М. Кольцов писал, что необходимо помнить принцип: если найти наиболее точное выражение, то окажется, что оно, во-первых, наиболее красивое и, во-вторых, наиболее правильное и сильное. Добавим еще, что при этом оно прежде всего должно быть достоверным и вытекающим из основного изложения. Неопределенные формулировки, связанные с неточностью словоупотребления или построения фразы, лишь запутывают слушателей, как бы стирают тот эффект, который произведен всей речью.

Вместе с тем заключение должно быть кратким, сжатым и выражать главную мысль выступления. Основная ошибка состоит в том, что эта часть выступления нередко бывает слишком пространна, подробно разъясняет очевидные положения, что затрудняет ее восприятие. Заключение подготавливается всем предыдущим изложением, в его частях (если таковые имеются) не должно быть противоречий и стилистических диссонансов. Неудачные заключительные слова могут испортить хорошее впечатление, которое произвела вся речь. Поэтому заключительные слова выступления следует тщательно продумывать.

Композиция выступления, как и само выступление, – дело творческое и меньше всего поддается стандартизации. Однако, работая над композицией, следует всегда помнить, что ораторская речь должна обладать рядом несомненных достоинств, среди которых, с одной стороны, строгая последовательность изложения мысли, связанность, соподчиняемость и согласованность всех ее частей, с другой – индивидуальность и глубина мысли.

Композиция выступления является одним из элементов воздействия (хотя и косвенным), так как помогает оратору четко построить и прочно скрепить материал, а слушателям усвоить речь, способствует ее восприятию и запоминанию. Проанализируем композиционно-стилистические особенности речей замечательных русских адвокатов С.А. Андреевского и Н.П. Карабчевского.

С.А. Андреевский вступил в сословие присяжных поверенных в 1878 г. В том же году он выступает в роли защитника Зайцева, обвинявшегося в убийстве Красильникова, приказчика из меняльной лавки Лямина на Невском проспекте в Петербурге. Процессы, которыми занимался адвокат, создали ему известность талантливого судебного деятеля и защитника: дело Евдокии Вольфрам (покушение на отравление мужа), дело Мироновича (убийство Сарры Беккер), дело Ольги Афанасьевой (покушение на утопление мужа), дело Богачева (покушение на убийство жены), дело Иванова (убийство невесты), дело Наумова (убийство слугой своей госпожи), дело Андреева (убийство жены), дело мировых судей Лагофета и Евского (превы-

шение власти), дело о краже изумрудной брошки, дело графа Милевского (клевета), дело братьев Келеш (поджог застрахованного имущества), дело Назарова (защита в Кассационном Сенате), дело Гальперина (подлог векселей) и многие другие.

На конференции помощников присяжных поверенных Андреевский изложил свое понимание уголовной защиты. Прежде всего он считал, что «...большинство уголовной практики составляют процессы, где виновность перед законом несомненна. И вот в этой именно области наша русская защита сделала на суде присяжных наибольшие завоевания проповедью гуманности, граничащей с милосердием» (Андреевский, 1909, 5). Он отмечает, что пример двух ораторов – Урусова и Кони – убедил его, что приемы художественной литературы должны быть внесены в уголовную защиту полностью, смело и откровенно, без всяких колебаний. Уголовный защитник, по его мнению, если он является чутким, правдивым, искренним бытописателем и психологом, будет всегда дорог для суда, всегда будет выслушиваться с уважением и вниманием, ибо сами судьи сознают, что их привычка к формам мертвит их совесть, удаляет их от потребностей жизни, и потому каждое верное, свежее слово заставляет их прислушиваться к голосу действительности, интересуется их, смягчает поневоле их сердце. На первое место Андреевский ставил живое слово, считая, что самая дешевая мысль, самая пошлая сентенция, выраженная устно перед слушателями, производит сразу неизмеримо большее действие, нежели гениальнейшее изречение бессмертного человека, изображенное им для читателей на бумаге. Однако нельзя думать, что он был против правды. Андреевский говорил: «Я просто неспособен к лживым изворотам; мой голос, помимо моей воли, выдает меня, если я возьмусь развивать то, во что не верю. Я нахожу всякую неправду глупую, ненужную, уродливую и мне как-то скучно с ней возиться. Я ни разу не сказал перед судом ни одного слова, в котором бы я не был убежден» (Андреевский, 1909, с. 29). В заключительной части своего выступления Андреевский отметил: «Мне кажется, что вследствие указанных мною особенностей нашего правосудия, русские судебные ораторы

должны занять видное место не только в истории общественного развития, но и в истории словесного искусства» (Андреевский, 1909, 37).

Уже с первых своих речей Андреевский показал себя искусным защитником, который из прозаических, порой низменных, фактов жизни мог создать выпуклое произведение. И это произведение захватывало и волновало слушателей своей концептуальной направленностью, яркостью речи, драматичностью изложения, оригинальностью выведенных в ней фигур. В речах складывался его беллетристический, публицистический и критический талант. Защитник отбирает из судебного материала те мотивы и факты, которые в речи превращаются в призыв к состраданию и милосердию. Психологический анализ – вот то орудие, которым с большим успехом пользовался Андреевский. К этому прибавлялось литературное изложение дела, художественность.

Приведем отрывок из речи по делу Зайцева: «Зайцев незадолго до убийства купил топор /.../ Для чего он купил топор – это не вполне выяснилось, но вы можете думать, что – для убийства. «Как у него руки не дрожали, когда он покупал это страшное орудие?», – спросите вы. Очень просто: он думал – ведь это еще не самое преступление, мало ли на что может пригодиться топор? Что ж, что я покупаю? Сделаю подножки для лотка... А не то брошу... К сожалению, Зайцев не психолог. Он не знал, что, купив после таких мыслей топор, он попадет в кабалу к этой глупой вещи, что топор с этой минуты станет живым, что он будет безмолвным подстрекателем, что завтра он будет служить обязательным следом вчерашнего умысла и будет сам проситься под руку. При таком анализе я, по совести, не могу здесь признать заранее обдуманного намерения» (Андреевский, 1909, 50–51). Дело в том, что обвинение считало: Зайцев намеренно купил топор с целью убийства. И защитник старается изменить созданный стереотип, доказать, что топор куплен совсем не для этого. «Для заранее обдуманного намерения необходим, как мне кажется, крепкий, как сталь, ничем непоколебимый и неотвратимый умысел. В года Зайцева – он едва перешагнул возраст полного разума, – при его характере, такой неуклонности и

зрелой воли предположить нельзя. Воля его могла постоянно колебаться. У него могли украсть с лотка топор; он, быть может, другого бы и не купил, подумав «не судьба». Кто-нибудь, неожиданно знакомый, мог в самый день убийства подойти к нему на Невском и сказать: «Павел! Пойдем, я тебе нашел хорошее место» – и Зайцев, я почти уверен, не совершил бы преступления. Но ничего этого не случилось. Купленный топор остался у Зайцева, и действительно, однажды, в благоприятную минуту, когда в лавке никого, кроме Красильникова, не оставалось, этот топор искусил его» (Андреевский, 1909, 51). Интересна здесь фраза «этот топор искусил его». Не Зайцев взял топор, а топор «вошел» ему в руку. Далее снова психологический аспект речи: «Зайцев спустился по трем ступенькам, вошел в лавку и – сделался убийцей... Как трепетало в эти невыносимые минуты его сердце, как рябило в его глазах, как холодела его спина – об этом никто не знает» (Андреевский, 1909, 51). Драматизм изложения достигается описанием состояния субъекта, глубокого психологического состояния, достигающего порога аффекта. И это описание, несомненно, воздействует на слушателей в нужном для оратора направлении.

Для речей Андреевского характерны тщательно отделанные вступления, которые занимают иногда значительную часть речи. Это он делает для того, чтобы заинтересовать судей, привлечь больше внимания на основные вопросы. И на базе вступления строит свою речь дальше. Например, речь по делу Зайцева он начинает так: «Есть, гг. присяжные заседатели, нечто горькое и безутешное в положении человека, для которого не только не существует никакой надежды на оправдание, но и почти нет надежды на снисхождение. Спрашивается: к чему его судить? Зачем предоставлять слово защите? Сделано дело грубое, жестокое, возмутительное; виновный не оправдывается, ваш взгляд готов. Не проще ли теперь же отпустить вас в совещательную комнату? – Но я полагаю, что суд поручил мне защиту подсудимого не для того, чтобы я оставался безмолвным; да и сама защита, мне думается, учреждена не напрасно. От имени общества, от имени всех прокурор возбуждает преследование, он предъявляет свое обвинение подсудимому. Здесь его устами говорят все,

кроме одного. Не забудьте: все – против одного... в суде! Какой же бы это был суд, если бы за этого одного не поднимался ничей голос, если бы у этого одного не было бы никакого орудия для борьбы со всеми?! Это орудие – дарованная законом защита. Наша роль трудная, но необходимая. Общественное возмездие, прежде, чем покарать, должно одуматься; оно обязано взвесить свой тяжелый шаг и выслушать против себя все возможные возражения, какие только может создать человеческая мысль. Если после таких возражений оно ничуть не поколеблется, ни от одного своего выхода не откажется, ни в одном своем чувстве не смягчится, – то, что бы мы ни думали о решении, мы назовем его обдуманном, взвешенным» (Андреевский, 1909, 45–46).

Андреевский старается дать меткие и точные характеристики подзащитным, выделить положительные, симпатичные черты, чтобы потом воспользоваться этим для их защиты. Вот как он характеризует Павла Зайцева: «Вы, вероятно, ожидали встретить холодного, резкого, наглого, ужасного человека с зверским выражением лица: этот бледный, грустный, робкий – даже добродушный мальчик, смиренно ожидающий своей участи, совсем не годится в герои прочитанного сегодня обвинительного акта» (Андреевский, 1909, 46). Этот мотив «грустного, робкого», несчастного проходит через всю речь. Таким образом возникает семантическое поле *несчастный*.

А вот совершенно противоположная характеристика дворянки В.М. Чернецкой в деле Наумова, ее слуги, которого Андреевский защищал (убийство слугой своей госпожи): «Хотелось бы мне разбирать личность покойной с величайшей осторожностью. Но кто бы ни судил ее, – никто не найдет в ней ни одной хорошей черты. У нее было барское воспитание, знание языков, природный ум, полтораста тысяч годового дохода, целая груда фамильных бриллиантов – и она жила впроголодь, без своего стола, с одним слугою, в холодной квартире, покупала утром и вечером на одну копейку сухарей, посылала за половинными обедами в клуб, носила в ушах две сережки из угля и мыла свое белье в целые пять месяцев один раз всего на 50 копеек... Да, но Чернецкая, сверх того, любила мучить и пилить каждого, кому ей приходилось выдавать хоть несколько рублей из

своего кармана. За оплату хотя бы малейшей услуги она считала себя вправе делаться настоящим тираном. Она была бесконечно требовательна к таким людям. Она забирала себе в собственность каждое их дыхание, каждую их минуту, она плевала на их честь, на их свободу, на их сердце – на все, чем живет человек» (Андреевский, 1909, 260–261). В этом фрагменте дан глубокий социально-психологический портрет.

Чрезвычайно важной частью речей Андреевского являются заключения, где он в нескольких фразах представлял все выигрышное для защиты, стараясь в трогательных словах повлиять на решение суда. «Но С.А. Андреевский стремится воздействовать на чувства судей, лишь когда ему нужно их милосердие, в других случаях он требует оправдания во имя справедливости» (Тимофеев, 1900, 123). В последнем случае заключения не бывают так длинны, составлены гораздо проще. Вот заключение из речи по делу Зайцева: «Провожая Зайцева в его безотрадное будущее (на каторжные работы. – *Н.К.*), пробегая его короткую жизнь, припоминая из-за чего, из-за какого сплетения обстоятельств погиб этот, по природе своей, честный, смиренный и добрый мальчик, я не могу не выразить, что я в такой же мере жалею его, как и покойного Красильникова» (Андреевский, 1909, 53). Здесь второй раз появляется слово *мальчик*. Первый раз – в начале речи, когда адвокат говорит о том, что мальчики были перевезены в Петербург и купец Павлов угадал в них товар. Во всех других частях речи он называет преступника по фамилии – Зайцев или Павел Зайцев (Зайцева приговорили вместо пожизненной каторги к восьми годам каторжных работ).

Современники отмечали, что Андреевский не всегда соблюдал различие между совершителем и деянием, не стеснялся некоторой парадоксальности своих доводов и взглядов, берясь отстаивать то, что невозможно отстоять, подрывая тем самым доверие к своим словам, рискуя даже вызвать нарекания на неустойчивость своих этических принципов. Поэтому речи Андреевского имеют значение главным образом с точки зрения их красоты и художественности формы (Тимофеев, 1900, 125). Его речи, точно фейерверки, блестели, трещали, шумели, оставляя впечатление зрелища ослепительного, красивого, но и только.

Он вольно и смело обращался с фактическим материалом, выбирал тот, который был ему выгоден. «Но вышел в свет сборник речей С.А. Андреевского, и он читается с удовольствием. При отсутствии в сборнике материала следствия, речи его дивны. Вы читаете не то адвокатские речи, не то произведения изящной словесности» (Ляховецкий, 1897, с. 45).

В речах Андреевского нет больших вступлений, если дело представляется ему простым. Вот сравнительно небольшое вступление по делу Андреева (убийство жены): «Господа присяжные заседатели! Убийство жены или любовницы, точно так же, как убийство мужа или любовника, словом, лишение жизни самого близкого существа на свете, – каждый раз вызывают перед нами глубочайшие вопросы душевной жизни. Приходится изучать всесторонне его и ее. Вам необходимо постигнуть обоих и сказать о них сущую правду, считаясь с тем, что они друг друга не понимали, потому что всегда и всюду «чужая душа – потемки». А в супружестве, где, казалось бы, у мужа и жены одно тело, – это общее правило подтверждается особенно часто.

Кстати, едва ли сыщется другая пара, столь благоустроенная по видимости и столь разобщенная внутри, как Андреев и Зинаида Николаевна.

Посмотрим же, каким образом сплелась их судьба» (Андреевский, 1909, 279).

Далее рассказывается о судьбе супругов, их совместной жизни, размолвке и трагическом конце. Однако страсть, эмоциональность заслоняют логичность и аргументацию речи, что современники отмечали как большой недостаток. Речи Андреевского психологичны и эмоциональны. Многие поступки своих подзащитных он объяснял эмоциональными, бессознательными порывами, не связанными с рассудком. И свои мысли по этому поводу он очень эмоционально излагал. Вот конец речи по делу Андреева: «Его ноги и руки работали без его участия, потому что душа отсутствовала...

Неужели собратья-люди этого не поймут?..

Какая глубокая правда звучит в показании Андреева, когда он говорит: «Крик жены привел меня в себя!..» Значит, до этого крика он был в полном умопомрачении...

Желал ли Андреев того, что сделал? Нет, не желал, ибо на следующий же день говорил своим знакомым: «Я, кажется, отдал бы все на свете, чтобы этого не случилось...»

Наказывать кого бы то ни было за поступок, до очевидности безотчетный, – нечеловечно, да и не нужно...

Вот все, что я хотел сказать.

Я старался разъяснить перед вами это дело на языке вашей собственной совести. По правде говоря, я не сомневаюсь, что вы со мной согласитесь.

И верьте, что Андреев выйдет из суда, как говорится, «с опущенной головой»... на дне его души будет по-прежнему неисцелимая рана... Его грех перед богом и кровавый призрак его жены – во всем своем ужасе – останутся с ним неразлучны до конца» (Андреевский, 1909, 291). Андреев был оправдан.

Часто оратор приводит в своих речах цитаты из писателей, пользуется различными аналогиями из художественной литературы. Хотя иногда такое насыщение ссылками на литературу все-таки перегружает речь. Особенно много указаний на литературу в его речи по делу Иванова (убийство невесты). Например, он так использует здесь цитаты: «Любовь была для этого человека чем-то величайшим в свете. Она отогревала и озаряла для него каким-то особенным смыслом жизнь, казавшуюся столь безотрадней и противоречивой для блуждающего ума. Для многих людей нашего времени любовь является тем же самым. Французский поэт Ришпен где-то сказал очень метко: «Наши отцы любили, как кролики; мы любим, как змеи». Наша любовь – это какая-то адская смесь острой водки и святой воды. Да, быть может, «острой водки», т.е. вожделения, страсти, но зато и – «святой воды», т.е. искание какого-то идеала. Или, как еще лучше говорит наш Достоевский: «Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай, как знаешь, и вылезай сухой из воды». Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину горит, как в юные беспорочные годы» (Андреевский, 1909, 217–218).

Оратор нередко использует юмор. Пример из речи по делу Ефимьева (подстрекательство к лжесвидетельству): «А затем гражданские истицы, по-моему, слишком увлекаются вопросом: которая, собственно, из двух женщин – Екатерина Баранова или Вера Карловна – зачала этого спорного Павла от его бесспорного отца, помещика Ефимьева?» (Андреевский, 1909, 535). «А смысл, – говорят нам, – тут большой. Правда, – не человеческий смысл, но зато формальный. Дело в том, что если помещик Ефимьев прижил своего сына Павла от законной жены, то Павел – наследник после Бибиковой, а если это дитя откуда-нибудь с ветру, то наследник не Павел, а Митусов» (Андреевский, 1909, 536).

В общих местах Андреевский делает смелые обобщения различного характера, стараясь использовать их в пользу клиента, смягчает серьезные аргументы обвинения. У Андреевского часто встречаются афоризмы, короткие сентенции, меткие мысли, которые также играют роль общих мест. Например, в речи по делу газеты «Русь»: «Самое трудное время для суда – это время, когда все неизбежное зыблется» (Андреевский, 1909, 573). «От такого положения вещей справедливость, свойственная суду, невероятно страдает, ибо при таких переменчивых обстоятельствах легко выдать перед судом за преступление то, что, по совести говоря, при данных условиях было дозволено...» (Андреевский, 1909, 573).

Из речи по делу Екатерининского банка (защита Бразоля): «Гг. судьи! Гг. сословные представители!

Боюсь, что у вас, при наилучших намерениях, уже установилась в сердце формальная безнадежность по отношению к Бразолю... Я как бы слышу: «говори там себе, что хочешь, а от закона уйти нельзя!» Прошу вас хоть на время освободиться от такого настроения! Вы знаете римское изречение: «не все, что дозволено – честно». Этот афоризм имеет гораздо более интересную изнанку: «не все, что запрещено – бесчестно», ибо в каждом обвинении приходится отдельно обсуждать, представлялось ли в данном случае, для этого человека, с точки зрения его собственных интересов, запрещенное – бесчестным?» (Андреевский, 1909, 559).

Н.П. Карабчевский – известный адвокат, создавший себе прочное положение среди лучших русских присяжных поверенных конца XIX – начала XX века. Он блестяще полемизировал с обвинением, умел, по свидетельству современников, постановкой вопроса свести на нет свидетельские показания и оказать воздействие не столько на душу, сколько на ум, на сознание присяжных заседателей. Его известная речь по делу о мултанском жертвоприношении (которое освещал В.Г. Короленко), благодаря которой подсудимые были оправданы, имела большой резонанс. Известны его речи по делу Ольги Палем, по делу о крушении парохода «Владимир» и др. Зачастую он произносил свои речи без плана, не соединяя их части в логическое, стройное изложение. Как считают современники, художественная сила его речей была невелика, но он был талантливый оратор, его сфера – простой анализ улик, свидетельских показаний, борьба против лживости в процессе. Его речи пронизаны полемикой, борьбой, в них проявляется живой темперамент оратора, приводящий к страстным словопрениям. Карабчевский часто обращался к судьям, выяснял их обязанности и задачи. Не забывал и о доказательствах, умел выдвинуть центральное положение для выяснения спора. В предисловии к своим речам Карабчевский отмечает: «Принадлежа по складу своего темперамента и характера не к числу ораторов, заранее пишущих произносимые ими затем речи, я был поставлен в весьма затруднительное положение, когда затеял издать свои «Речи». Я должен был ограничиться исключительно тем материалом, который был воспроизведен стенографически или, будучи своевременно восстановлен по заметкам и конспектам, попал в печать» (Карабчевский, 1916, V).

Проанализируем речь Карабчевского в защиту капитана 2-го ранга К.К. Криуна (дело о гибели парохода «Владимир»). В ночь на 27 июня 1894 г. на Черном море произошло столкновение парохода «Владимир», который шел из Севастополя в Одессу, с итальянским пароходом «Колумбия». В результате этого пароход «Владимир» затонул, а 70 пассажиров, два матроса и четыре человека паровой прислуги погибли (Карабчевский, 1916, 135–167).

Основной части речи предшествует небольшое вступление: «Гг. судьи! Общественное значение и интерес процесса о гибели «Владимира» выходят далеко за тесные пределы этой судебной залы. Картина исследуемого нами события так глубока по своему содержанию и так печальна по последствиям, что да позволено мне будет хотя на минуту забыть о тех практических целях, которые преследует каждая из сторон в настоящем процессе. Вам предстоит не легкая и при том не механическая, а чисто творческая работа – воссоздать происшествие в том виде, в каком оно отвечает действительности, а не воображаемым обстоятельствам дела» (Карабчевский, 1916, 135–136).

Далее следует красочное, психологическое описание: «Рассвет, опоздавший осветить место печальной катастрофы 27 июня, конечно, навсегда останется кровавым в нашем воображении; бездна, жадно поглотившая в короткий миг, между утром и ночью, столько человеческих жертв, останется навсегда неизменно холодной и мрачной. Но ведь не этой потрясающей, но в данную минуту бесполезной картины, ждет от вас Россия, не к ней направлены теперь усилия вашего судейского разума и вашей взбаламученной судейской совести. Нам нужна картина, не стесненная условными рамками, полная бытового правдивого содержания и правосудного освещения» (Карабчевский, 1916, 136).

После этого небольшого психологического описания Карабчевский переходит к детальному анализу материала: «Прежде всего обратимся к перечню того материала, которым располагаем. Это данные того продолжительного, если можно так выразиться, тягучего судебного следствия, которое длилось больше месяца. Материал этот, как ни тщательно мы его изучали, нередко не давал и не мог нам дать ответа на многие интересовавшие нас вопросы. Уже одно то обстоятельство, что затонувший «Владимир» не мог быть поднят, породило в деле огромный пробел. Вопрос о размерах и местонахождении пробоины до конца процесса остался спорным. Между экспертами на этот счет соглашения не последовало. А между тем, рассуждая о том, можно ли было простым брезентом залепить пробоину, нужно было бы знать, какова эта пробоина и как глубоко было ее местонахождение

ние. Другой спорный вопрос – были ли закрыты иллюминаторы – до конца остался вопросом; только при извлечении «Владимира» он мог бы быть бесповоротно разрешен» (с. 136–137). Он резко критикует быстроту и небрежность предварительного следствия, считая, что «истина – должна быть истиной, и ее нужно добыть, сколько бы на это ни пришлось потратить времени» (с. 137). «Старший механик Зданкевич, непосредственный начальник машинной команды, о поведении которой здесь было столько разговоров, не допрошен вовсе. Что делалось в машине, как прибывала вода, не проверено его показаниями, а между тем он, несомненно, должен был иметь об этом самые точные сведения» (с. 137). «Особенно яркий пример пагубной поспешности следствия представляет собою тот отдел обвинения, который касается вопроса о неадаптивности Криуном помощи к спасению пассажиров, его нераспорядительности, растерянности и т.п.» (с. 139). Он разбивает доводы предварительного следствия и считает, что оно проведено поверхностно, подтверждая это разбором многих примеров. «Ввиду такой отрывочной эскизности следствия, нельзя удивляться и тому, что все настоящее дело в качестве «судебного дела» предстало перед вами, гг. судьи, в узкой раме, далеко ему несвойственной» (с. 140).

Он подчеркивает, что капитан невиновен в том, что команда парохода изменила ему и бежала с парохода, бросив пассажиров на произвол судьбы. «Такие деяния, как бегство судовой команды, неисполнение ею своих прямых обязанностей во время аварий и морских бедствий, весьма подробно предусмотрены тем же уложением о наказаниях, по которому судится и Криун. Не от него, а от самого г. прокурора зависело поставить надлежащее обвинение против всех действительно виновных лиц /.../» (с. 141). Он обвиняет общество в том, что оно не создало хороших команд на своих семидесяти пароходах. Очень логичные доводы! Приводятся и другие доводы в пользу порядка на судах. «Нет, гг. судьи, взваливать на плечи Криуна еще и ответственность за недостаток снабжения пароходов, значило бы произвольно делать замену одного лица другим. Закон не знает такого переноса чисто гражданских обязанностей. Обя-

занности эти «Высочайше утвержденным уставом» возложены на центральное управление «Русск. об. п. и т.» Оно и должно быть в ответе» (с. 144).

После этих предварительных соображений он перешел к разбору обвинения, предъявленного Криуну. «Чтобы признать по этому пункту по 1466 ст. уст. (о наказании. – *Н.К.*) виновным Криуна, суду предстоит указать в своем приговоре, какие именно постановления закона или обязательные технические правила мореплавания им нарушены» (с. 146). Защитник остановился кратко на биографии Криуна. Он отмечает, что капитан Криун был дельный, образованный и опытный моряк, имеющий большой стаж работы на судах разного типа.

Карабчевский останавливается на анализе доводов экспертизы, признавал за ней немаловажную роль в предварительном следствии. Затем переходит к подробному анализу фактов. «Теперь, гг. судьи, установим факты. На «Колумбии» были ли бортовые огни? Их не было. Невозможно даже допустить, чтобы Криун и его команда условились показывать иначе, чем было в действительности» (с. 151). «Если взять курсы, по которым двигались оба судна, будет ясно: «Владимир» все время видел «Колумбию» справа, и в свою очередь «Колумбия» ни на секунду не могла видеть красного огня «Владимира». А если это так, то все повороты влево Криуна правильны и к столкновению не вели» (с. 152).

Он тщательно анализирует показания свидетелей и сам момент столкновения, рисуя картину происшествия: «По единогласному свидетельству большинства пассажиров, удар раздался сильный, некоторых выбросило из коек, потом еще раздался треск, как будто ломало крепкий лед. Все вскочили в ужасе. Не считая команды, все двести пассажиров по лестнице и трапам разом ринулись на палубу. В машинном отделении уже хлестала сбившая с ног машинную команду вода, и электричество погасло» (с. 156). Детальный анализ позволил защитнику выдвинуть сильные аргументы в пользу защиты.

И вот заключительная часть речи: «Я кончаю.

Криун отсутствует. Вы должны простить ему это. С того момента, как его бесчувственного вытащили из воды с искале-

ченными ногами, и до сегодняшнего дня протекло четыре месяца. Для него это была одна сплошная нравственная пытка. Его отсутствие во время прений избавило его, по крайней мере, от тех ударов, которые носили на себе все характерные черты ударов, которые наносятся лежачему.

Я не прошу у вас ни милости, ни снисхождения для него. Я твердо верю, что русское общество своим чутким сердцем давно уже поняло, что в лице Криуна оно имеет дело с гораздо более несчастным, нежели виновным человеком» (с. 167). Окружной суд признал Криуна виновным и присудил его к заключению в тюрьме на четыре месяца и церковному покаянию по распоряжению духовного начальства, но затем он был помилован.

Ораторская речь, таким образом, предстает перед слушателями как целостная композиционная структура, в которой каждая смысловая часть занимает свое место и соотносится с другими частями. Это обеспечивается основными свойствами ораторской речи – ее последовательностью, цельностью и связностью. В результате возникает единство ее частей и ее темы, под которой понимается главная мысль речи, ее основная проблема. Четкое изложение основных идей речи, конструирование относительно самостоятельных смысловых частей,образное их расположение, последовательный переход от одной мысли к другой создают единство формы и содержания.

6. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Этикетные речевые формулы входят в состав композиции ораторской речи. Этикет ораторской речи – система особых устойчивых речевых единиц, принятых в ораторской практике и необходимых для установления контакта с аудиторией, воздействия на нее, поддержания общения и передачи некоторой информации. Основная функция речевого этикета – контактная. «Под термином “контактная функция” предлагается понимать предназначенность языковых средств для установления и поддержания социально-массового и индивидуального

контакта, в известной мере определяющего поведение адресата. Под контактом здесь понимается установление, сохранение или укрепление, поддержание связей и отношений индивидуальных или социально-массовых (в малых и больших социальных группах), многообразных, но сводимых в некоторые типы, среди которых наиболее отчетливо выделяются такие полярные разновидности: 1) установление, сохранение и укрепление дружеских отношений и 2) установление и поддержание официально-вежливых отношений» (Киселева, 1978, 45). Можно выделить и другие функции этикета ораторской речи. Это функция вежливости, функция регулирующая (регулятивная), благодаря которым устанавливается характер отношений оратора и слушателей, а также отношения слушателей к восприятию речи, функция эмоционально-экспрессивная, функция воздействующая и призывная. Как считает Н.И. Формановская, «область применения речевого этикета (вербализованный этикет поведения), сфера использования его единиц (сумма типизированных ситуативных тематических групп), функциональное поле (совокупность специализированных функций речевого этикета), семантические поля (система синонимичных единиц в каждой из типизированных ситуативных тематических групп) создают ту сумму признаков, которая позволяет говорить о специфичности речевого этикета как лингвистического явления» (Формановская, 1982, 15).

В этикете ораторской речи, как считают исследователи, учитывается социальный статус слушателя и оратора, специализированные устойчивые формулы общения, необходимость употребления единицы речевого этикета для установления и поддержания контакта и создания желательной тональности, дистантное положение оратора и слушателей, официальность их общения. Речевой этикет ораторского выступления является частью общей системы речевого этикета. «Будем считать, что речевой этикет – это функционально-семантическая микросистема стереотипных единиц, привязанных к шаблонным ситуациям этикета поведения и вобравших ситуации в структуру и значения единиц», – отмечает Н.И. Формановская (Формановская, 1982, 25).

Речевой этикет используется в определенных ситуациях. Под ситуацией мы понимаем конкретные условия и обстоятельства, в которых произносится речь. В соответствии с ситуацией используются различные этикетные речевые формулы. Можно выделить стандартно-ситуативные речевые формулы, которые используются в ситуациях стандартного типа (например, на конференциях, на заседаниях разного рода советов, на собраниях сотрудников какого-либо учреждения и т.п. чаще всего фигурирует обращение «коллеги» – вместо принятого в советское время *товарищи*) и нестандартные, не зависящие от ситуации выступления, а связанные с этикетными привычками говорящего (*позвольте обратить ваше внимание; я позволю себе начать; я позволю себе утверждать; позвольте сейчас же ответить на...*) или с содержанием, целью речи. Например, в речи на массовом митинге в Мэдисон сквер-гардене (Нью-Йорк) по случаю закрытия Конгресса деятелей науки и культуры США в защиту мира 29 марта 1949 г. «За мир между народами!» А. Фадеев так обратился к слушателям: «Я рад счастливой возможности передать от имени деятелей культуры Советского Союза сердечный привет прогрессивной американской интеллигенции – писателям и ученым, деятелям искусств и инженерам, врачам и учителям, отсеивающим дело мира, и поблагодарить их за гостеприимство. В их лице я хотел бы также передать привет миллионам простых людей Америки, потому что простые люди создают своими руками все основания культуры, потому что мы сами вышли из простых людей» (Фадеев, 1959, 482). Здесь этикетные формулы (передача сердечного приветов) сливаются с содержанием речи. Значит, можно выделить формулы изолированные и слитные, то есть стоящие обособленно от содержания, протокольные, которые не могут быть заменены эквивалентами, и слившиеся с содержанием, более свободные, как бы переходящие в содержание, такие формулы могут быть заменены. Ту же речь в Мэдисон сквер-гардене Фадеев, используя стандартные призывы и отходя от этих стандартов, давая свой вариант апеллятивного лозунга, заканчивает: «Так пойдем же вперед, во имя мира, вопреки его врагам! За дружбу между народами! За мир

во всем мире!» (Фадеев, 1959, 484). Первая фраза отходит от известных стандартов. В контексте ситуации и речи этикетная формула может получать дополнительные смысловые и стилистические оттенки.

Необходимо выделить так называемую тональность общения, то есть такое качество общения, которое можно определить как степень соблюдения этических норм и правил взаимодействия людей, которые в языке проявляются в виде использования этикетных формул. Выделяют следующие тональности общения: высокую, нейтральную, обиходную, фамильярную, вульгарную и некоторые другие. В ораторской речи используются этикетные формулы, имеющие высокую и нейтральную окраску. Единицы речевого этикета устанавливают благоприятный контакт с аудиторией в желательной для оратора тональности. Поэтому среди них не может быть отрицательных единиц.

В речевых формулах может проявляться «я» говорящего (*я хочу извиниться перед вами за опоздание*), может быть указание на направленность к слушателю (*разрешите поблагодарить вас за внимание*). Этикетные формулы связаны также с понятием вежливости. Нередко в них проявляется модальность, то есть они отражают потребность, необходимость и другие модальные установки (*я хочу поблагодарить вас за внимание*).

Основная группа речевого этикета – обращения, являющиеся началом контакта со слушателями. Распространены также приветствия аудитории, то есть выражение дружеских чувств, дружеского расположения, доброжелательства. Следующая группа – прощание и благодарность за внимание. Выделяется также группа знакомства.

С точки зрения расположения можно выделить этикетные формулы начала речи, середины речи и конца речи. В начале речи – в основном формулы, связанные с контактоустанавливающей, регулятивной, эмоциональной функциями; в середине речи – формулы, поддерживающие эти функции, особенно регулятивную и эмоциональную; вступают в действие формулы, имеющие воздействующую и апеллятивную функцию. Этикетные формулы поддерживают композицию речи.

С учетом стилистической окраски можно выделить также официальные этикетные формулы (*граждане судьи, граждане, господа*), неофициальные этикетные формулы: нейтральные, или констатирующие (*разрешите на сегодня закончить, этим я заканчиваю свое приветствие вам*), эмоциональные (*друзья! дорогие друзья, мне было очень приятно выступить перед вами*).

По структуре могут быть простые формулы, не связанные с речью, отражающие какие-либо внесодержательные моменты (*разрешите начать, разрешите представиться, благодарю вас за внимание, на этом сегодня я закончу, разрешите на сегодня закончить*), и усложненные формулы со стандартным ядром и свободными ситуативными (контекстуальными) компонентами. Приведем некоторые примеры использования различных видов этикетных формул в речах.

В речи на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня основания МХАТа имени А.М. Горького 5 октября 1948 г., Фадеев сказал: «Я счастлив и горд тем, что мне выпало на долю от имени писателей нашей родины приветствовать вас, дорогие друзья, наши товарищи по искусству, чудесные работники Московского художественного театра!» (с. 378).

Луначарский так закончил речь на юбилейном чествовании В.Я. Брюсова в Большом театре 17 декабря 1923 г.: «От лица коллегии Наркомпроса, всех сотрудников комиссариата, всего того культурного мира, который группируется вокруг него, всех, служащих науке и искусству, всех учащихся и всех учащихся я приношу свои поздравления и мою благодарность Валерию Яковлевичу Брюсову» (Луначарский, 1970, с. 261).

Речь на заседании, посвященном столетнему юбилею Большого театра 1 февраля 1927 г. Луначарский начал так: «Народный комиссариат просвещения РСФСР и в его лице рабоче-крестьянское правительство этой республики приносит свои поздравления в день столетнего юбилея Большому театру» (с. 400). И закончил: «Товарищи, памятуя все заслуги Большого театра в прошлом, блестящие страницы, которые были вписаны в русскую культуру, несмотря на зловещие, жестокие противоборствующие силы самодержавия, и ожидая от этого те-

атра в будущем новых огромных заслуг, мы все провозглашаем ему славу» (Там же, с. 406).

Как видим, речевой этикет является важным функциональным элементом в психологии воздействия и в композиции речи.

Станиславский учил артистов слышать и чувствовать слова и фразы, ощущать их душу. То же самое должен воспитывать в себе оратор. «Огромное большинство людей, – писал Станиславский, – плохо, вульгарно пользуются речью в самой жизни, но не замечают этого, так как привыкли к себе и к своим недостаткам. Поэтому, прежде чем приступить к очередной работе, вам необходимо осознать недостатки своей речи /.../» (Станиславский, 1951, 490). А затем уже переходить к мастерству, пользуясь всем богатством русского языка.

В постсоветское время в русском речевом этикете происходят существенные изменения в сфере обращений к адресату речи в условиях официального общения как в межличностном общении, так и в групповой коммуникации (собрание, конференция, митинг, публичная лекция, академическая лекция, заседание парламента, какого-либо совета и т.п.).

Наблюдается практически полный отказ от обращения типа «Товарищ!», «Товарищи!» «Товарищ + фамилия, название должности, профессии и т.п.», «Товарищи + название профессии, рода занятий и т.п.» (кроме армейской среды, где сохраняются обращения типа «Товарищ + военное звание или должность», «Товарищи + военное звание, род войск» и т.п.)

На смену обращениям со словом *товарищ* (*товарищи*) пришло обращение со словом *господин* (*господа*): «Господин + фамилия, профессия, должность»; «Господа + профессия, род занятий, социальный статус» и т.п.

Между тем наблюдения над практикой обращений к индивидуальному адресату и к групповому адресату (в том числе и к аудитории) показывают, что обращения со словом *господин* (*господа*) и особенно *дамы и господа!* за последние годы так и не прижились.

В ситуациях групповой коммуникации (публичная, академическая лекция, заседание какого-либо совета, коллегии и т.п.,

в ходе конференции, семинара и т.п.) выступающий (или председательствующий) при обращении к собравшимся чаще всего пользуется словом *коллеги* («Коллеги!») или менее официальным «Дорогие коллеги!» (возможно обращение «Уважаемые коллеги!»).

К молодежной аудитории оратор обычно обращается «Друзья!» или «Дорогие друзья!» В академической лекции возможно обращение к студенческой аудитории «Коллеги!» или «Дорогие коллеги!» (что своего рода комплимент студентам, избравшим профессию, специальность лектора – преподавателя данного вуза).

Во время встречи представителей местной власти или домоуправления с населением, жителями конкретного дома обычно обращение «Граждане!» или «Уважаемые граждане!»

Возможности слова безграничны. Оно может вызывать самые различные ассоциации, воздействовать на психику и поведение. Стоит произнести имена известных певцов или музыкантов, названия блюд или цветов, и у нас возникают яркие зрительные и слуховые образы, всевозможные ощущения. Самые простые слова могут изменить нашу точку зрения... Слово – это не просто звук, а возбудитель образов и эмоций.

И конечно же, расчетливое и гармоничное соотношение и распределение смысловых частей ораторской речи – необходимое условие ее действенности. Это связано с логикой и последовательностью развития мысли, что является результатом определенной творческой деятельности, творческого владения стилистическими приемами логической речи.

Ораторская речь создается и воспринимается в движении. И это необратимое движение во времени создает некоторые смысловые барьеры для слушателей, а для оратора представляет собой одну из основных трудностей в овладении мастерством. Поэтому чрезвычайно существенную роль в речи играют конструктивные элементы. Их можно еще назвать приемами. Так вот, эти приемы, о которых мы говорили раньше, структурно организуя речь, оказываются сильным средством создания целостности речи и ее действенности. Они служат одновременно и для точного смыслового, и для эмоционального выражения.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Сейчас, в новый период развития нашего общества, слово стало особенно весомым, его роль обновилась: оно сделалось орудием поиска истины и выражения своей позиции. И от этого повысилась его ответственность за воздействие на людей.

Еще древние мыслители считали, что красноречие истинного оратора должно служить высоким и благородным целям борьбы за общее преуспевание, за настоящую справедливость и законность, за созидательную деятельность. Истинное ораторское искусство невозможно без высокой морали, и следует пользоваться им во благо, а не злоупотреблять этим великим искусством, не жонглировать словом, в котором заложена огромная сила. «Оратор, которого мы воспитываем, – писал известный римский теоретик и практик ораторского искусства Марк Фабий Квинтилиан, – оратор совершенный, который не может быть никем иным, кроме как добрым человеком, и потому мы требуем от него не одного только отменного дара речи, но и всех нравственных качеств души. Ибо тот муж – истинный гражданин, способный управлять общественными и личными делами, который может направлять граждан советами, укреплять законами, улучшать здравыми суждениями, будет, конечно, не кто иной, как оратор» (Цит.: Кузнецова, Стрельникова, 1976, 189). Мыслители прошлого видели в ораторе человека-гражданина, искусно владеющего словом, все подчиняющего общественной миссии, соединяющего в себе исключительную честность, благородную мудрость, любовь к истине с глубокими и разносторонними знаниями, высокой культурой. Истинный оратор стремится приносить счастье и благополучие гражданам и всему государству.

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННОЙ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Глава первая

Андреевский С.А. Защитительные речи. СПб., 1909. 596 с.

Античные риторика / общая ред. проф. А.А. Тахо-Годи. М., 1978.
351 с.

Бродовский М.М. Практическое руководство к технике сочинения. СПб., 1888. 122 с.

Вомперский В.П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теории трех стилей. М., 1970. 210 с.

Вомперский В.П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М., 1988.
181 с.

Возникновение русской науки о литературе. М., 1975. 463 с.

Галич А. Теория красноречия для всех родов прозаических сочинений. СПб., 1830. 195 с.

Георгиевский П. Руководство к изучению русской словесности. Ч. II. М., 1842. 920.

Глаголев А. Умозрительные и опытные основания словесности: в IV частях. Ч. I. Общая или философская грамматика. СПб., 1834. 65 с.

Глаголев А. То же. Ч. II. Система русского языка. 153 с.

Глаголев А. То же. Ч. III. Теория словесности, выводимая из психологии. 108 с.

Глаголев А. То же. Ч. IV. План истории русской литературы. 148 с.

Греч Н. Учебная книга русской словесности. Ч. I. СПб., 1830. 375 с.

Греч Н. То же. Ч. II. СПб. 1830. 335 с.

Греч Н. То же. Ч. III. СПб., 1830. 327 с.

Греч Н. То же. Ч. IV. СПб., 1830. 281 с.

Детская риторика, или Благоразумный вития, к пользе и употреблению юношества сочиненная. М., 1787. 50 с.

Живое слово науки. М., 1981. 224 с.

Записки Института живого слова. Пг., 1919. 121 с.

Зеленецкий К. Опыт исследования некоторых теоретических вопросов. М., 1835. 266 с.

Зеленецкий К. Исследование о риторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике. Одесса, 1846. 137 с.

Зиновьев А. Основания риторики по новой и простой системе. М., 1836. 54 с.

Златослав, или Открытие риторической науки, то есть искусство витийства, составленное греческим священником Иларетом Скуфою. СПб., 1779. 170 с.

Квинтилиан Марк Фабий. Двенадцать книг риторических наставлений. Ч. II. СПб., 1834. 522 с.

Козаржевский А.Ч. Античное ораторское искусство. М., 1980. 72 с.

Кони А.Ф. Избранные произведения. М., 1956. 888 с.

Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1967. 544 с.

Кони А.Ф. То же. Т. 5. М., 1968. 536 с.

Кошанский Н. Общая риторика. СПб., 1854. 131 с.

Кошанский Н. Частная риторика. СПб. 1832. 162с.

Красноречие Древней Руси XI–XVII вв. / сост. Т.В. Черторицкая. М., 1987. 446 с.

Краткая риторика в пользу любящего российский слог юношества. СПб., 1801. 83 с.

Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в лаврской семинарии в пользу юношества, красноречью обучающегося. М., 1791. 184 с.

Левенстим А. Речь государственного обвинителя в уголовном суде. СПб., 1894.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.-Л., 1952. 995 с.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. 715 с.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Высокая классика. М., 1974. 598 с.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика, М., 1975. 776 с.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. 815 с.

Мерзляков А. Краткое начертание теории изящной словесности: в 2 частях. М., 1822. 328 с.

Мерзляков А.Ф. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. М., 1821. 108 с.

Могилевский А. Российская риторика, основанная на правилах древних и новейших авторов. Харьков. 1817. 270 с.

Никольский А. Логика и риторика, кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенная, изъясненная и в пользу юношества изданная. СПб., 1790. 92 с.

Никольский А.С. Основания российской словесности. Ч. I. СПб., 1814. 107 с.

Никольский А.С. Основания российской словесности. Ч. II. СПб., 1814. 175 с.

Общая и частная риторика. Составлена по университетским вопросам. М., 1859. 108 с.

Опыт ретирики, сокращенный большею частью из наставлений докт. Блером в сей науке преподаваемых. СПб., 1791. 302 с.

Оратор, или О трех главных совершенствах красноречия, о ясности, важности и приятности. М., 1816. 208 с.

Ораторы рабочего класса. Сборник речей / автор-сост. А.В. Толмачев. М., 1962. 640 с.

Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М., 1968. С. 255–365.

Платон. То же. Т. 2. М., 1970. С. 157–222.

Рижский И. Опыт ретирики. Харьков, 1805. 405 с.

Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. Т. 1. М., 1974. 408 с.

Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1988. 384 с.

Сперанский М.М. Правила высшего красноречия. СПб., 1844. 216 с.

Тацит Корнелий. Сочинения. Т. II. СПб., 1887. 577 с.

Тимофеев А.Г. Речи сторон в уголовном процессе. Практическое руководство. СПб., 1897. 163 с.

Тимофеев А.Г. Судебное красноречие в России. Критические очерки. СПб., 1900. 178 с.

Толмачев Я. Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия. Ч. I. СПб., 1814. 235 с.

Толмачев Я. То же. Ч. II. СПб., 1815. 325 с.

Толмачев Я. То же. Ч. III. СПб., 1818. 265 с.

Толмачев Я. То же. Ч. IV. СПб., 1822. 265 с.

Толмачев Я. Военное красноречие, основанное на общих началах словесности. СПб., 1826. 162 с.

Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. 471 с.

Чернышев Б. Софисты. М., 1929. 175 с.

Этюды о лекторах. М., 1974. 224 с.

Глава вторая

Бухарин Н. Этюды. М.-Л., 1932 (1988). 354 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 140 с.

Завтур А.А., Тимущ А.И. Слушатель и лектор: обратная связь. М., 1984. 95 с.

Иван Петрович Павлов. Воспоминания учеников. Воронеж, 1941. 81 с.

Киров С.М. Избранные статьи и речи (1912–1934). М., 1957. 718 с.

Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972. 430 с.

Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М., 1963. 535 с.

Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 5. М., 1959, 688 с.

Крупская Н.К. То же. Т. 9. М., 1960. 839 с.

Ленин В.И. Сочинения. Изд. 5. Т. 21, 30.

Луначарская-Розенель Н. Память сердца. М., 1965. 480 с.

Луначарский А.В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1963. 615 с.

Митрополит Николай. Слова и речи. Т. II. (1947–1950 гг.). М., 1950. 400 с.

Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974. 261 с.

Павлов И.П. Избранные произведения. М., 1951. 582 с.

Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959. 252 с.

Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения (1977–1984). Т. II. М., 1985. 488 с.

Судебные речи известных русских юристов. М., 1957. 872 с.

Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. 516 с.

Глава третья

Бухарин Н. Этюды. М.-Л., 1932 (1988). 354 с.

Вопросы лекционной пропаганды. Вып. 6. М., 1981. 168 с.

Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956. 519 с.

Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М., 1978. 272 с.

Живое слово науки. Очерки об ученых-лекторах. М., 1981. 224 с.

Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972. 430 с.

Кони С. Открытие «я». М., 1978. 368 с.

Леонтьев А.А. Лекция как общение. М., 1974. 64 с.

Луначарский А.В. Литературное наследство. Неизданные материалы. М., 1970. 672 с.

Мехонцев Н.И., Михайлов Н.Н. Ненашев М.Ф. Лектор и слушатель. Социально-психологический анализ. М., 1975. 159 с.

- Митрополит Николай. Слова, речи, послания (1941–1946). М., 1947. 256 с.
- Об ораторском искусстве. М., 1973. 367 с.
- Основы ораторского мастерства. М., 1980. 236 с.
- Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971. 348 с.
- Платонов К.М. Слово как физиологический и лечебный фактор (Вопросы теории и практики психотерапии на основе учения И.П. Павлова). М., 1957. 431 с.
- Сазонтьев Б.А. Рациональное и эмоциональное в лекции. М., 1956. 64 с.
- Старченко А.А. Логические основы лекционной пропаганды. М., 1981. 63 с.
- Судебные речи известных русских юристов. М., 1967. 872 с.
- Фадеев А. За тридцать лет. М., 1959. 996 с.
- Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М., 1978. 237 с.
- Худолеев Ю.Ф. Активизация внимания аудитории. М., 1983. 64 с.

Глава четвертая

- Андреевский С.А. Защитительные речи. СПб., 1909. 596 с.
- Большой толковый словарь. СПб., 2006.
- Брюсов В. Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. 853 с.
- Бухарин Н. Этюды. М.-Л., 1932 (1988). 354 с.
- Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978. С. 402–421.
- Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988. 320 с.
- Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. 428 с.
- Диспут А.В. Луначарского с митрополитом А.И. Введенским 21 сентября 1925 года // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 290–319.
- Зимняя И.А. Психология выступления лектора // Вопросы лекционной пропаганды. Вып. 1. М., 1973. С. 66–88.
- Карабчевский Н.П. Речи (1882–1914). Пг.-М., 1916. 631 с.
- Киров С.М. Избранные статьи и речи (1912–1934). М., 1957. 718 с.
- Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. 160 с.
- Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи. М., 1972. 430 с.
- Колшанский Г.В. Контекстовая семантика. М., 1980. 150 с.
- Кони А.Ф. Избранные произведения. М., 1956. 888 с.
- Куйбышев В.В. Избранные произведения. М., 1958. 535 с.

- Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. 436 с.
Литературное наследие Г.В. Плеханова. Сб. 2. М., 1934. 144 с.
Луначарский А.В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1963. 615 с.
Луначарский А.В. Неизданные материалы. Литературное наследство. Т. 82. М., 1970. 672 с.
Ляховицкий Л.Д. Характеристика известных русских ораторов. СПб., 1897. 325 с.
Митрополит Николай. Слова, речи, послания (1941–1946), М., 1947, 256 с.
Митрополит Николай. Слова и речи. Т. II (1947–1950 гг.). М., 1950. 400 с.
Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. 272 с.
Павлов И.П. Избранные произведения. М., 1951. 582 с.
Петровский Г.И. Избранные произведения. М., 1987. 430 с.
Речи советских адвокатов. М., 1968. 171 с.
Русские писатели о языке. М., 1955. 460 с.
Словарь русского языка в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой, 2-е изд. М., 1981–1984.
Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973. 215 с.
Станиславский К.С. Работа актера над собой. Ч. I и II. М., 1951. 667 с.
Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 307–322.
Тимирязев К.А. Жизнь растения. Десять общедоступных лекций. М., 1962. 290 с.
Тимофеев А.Г. Судебное красноречие в России. СПб., 1900. 178 с.
Тургенев И.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М., 1979. С. 260–261, 277–287.
Фадеев А. За тридцать лет. М., 1959. 996 с.
Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. М., 1974. 254 с.
Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982. 237 с.
Эренбург И.Г. Люди хотят жить. М., 1953. 238 с.

Вместо послесловия

Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976. 288 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Глава первая	
Ораторская речь как искусство: теория и практика	8
1. Античная риторика и ее теории	8
2. Русские риторика XVII–XIX веков.....	44
3. Роды и виды красноречия.....	88
Глава вторая	
Ораторская речь как процесс: от замысла к воплощению	107
1. Этапы работы над выступлением.....	107
2. Книжно-письменные стили и ораторская речь.....	118
3. Функционально-смысловые типы речи.....	140
Глава третья	
Ораторская речь как общение: аудитория и оратор	152
1. Специфика ораторского монолога.....	152
2. Психологические аспекты воздействия.....	165
3. Эмоциональность и оценочность речи.....	174
4. Языковые средства контакта	195
Глава четвертая	
Ораторская речь как форма: стиль и композиция	210
1. Стилистическое богатство языка	210
2. Норма и культура речи	226
3. Ассоциативная образность	243
4. Фигуры речи.....	267
5. Композиция	280
6. Речевой этикет	313
<i>Вместо послесловия</i>	320
<i>Указатель цитированной и использованной литературы</i>	321

Учебное издание

Кохтев Николай Николаевич

ОСНОВЫ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ

Учебное пособие

Подписано в печать 01.08.2013.

Электронное издание для распространения через
Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б,
комн. 324. Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.